

НОВАЯ ПОЛЬША

№6(76)

2006

ПОЛЬСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ 1956

Богдан Цивинский о митрополите Андрее Шептицком

Стихи польских лагерников

«ПАМФЛЕТ НА САМОГО СЕБЯ» ТАДЕУША КОНВИЦКОГО

Януш Красинский о Майе Коневой

Збигнев Ромашевский об антикоммунистической оппозиции

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»

главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2006 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(76)

2006

июнь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Татьяна Косинова
ПОЛЬСКИЙ МИФ 1956 года

3

ПОЗНАНСКИЙ ИЮНЬ

5

Павел Ясеница
ГЛАЗАМИ ТУЗЕМЦА

7

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

14

Лешек Волосюк
ПРОСТИТЬ И ПОЛУЧИТЬ ПРОЩЕНИЕ НЕ ЗНАЧИТ ЗАБЫТЬ

21

О ЯЗЫКАХ ОБЩЕНИЯ
*Варшава — Калининград — Москва:
беседа со Станиславом Свиридовым*

24

Виктория Дунаева
НУЖНА ЛИ РОССИИ ЕВРОПА?

26

Гадеуш Конвицкий
ПАМФЛЕТ НА САМОГО СЕБЯ

28

Ксения Старосельская
ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

30

Збигнев Мошуманский
КРАКОВСКИЙ МАНЕВР

31

Януш Красинский
МАЙ

36

Нина Тэйлор-Герлецкая
ОТ КОМИ ДО КОЛЫМЫ

45

СТИХИ ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРНИКОВ

52

	Магдалена Байер РОД ШЕПТИЦКИХ	56
	Богдан Цивинский НЕ БЕЗ ПРИЧИНЫ ЕПИСКОПСКИЙ ПОСОХ НОШУ...	59
	В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ БРОДСКОГО <i>Беседа с Барбарой Торунчик</i>	67
	Мариан Гжещак ЧАСОСЛОВ МИХАЛА ЯГЕЛЛО	69
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	71
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	74
	В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА <i>Беседа с сенатором Збигневом Ромашевским</i>	77
	ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	83

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, К. Старосельская, Е. Шиманская

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 22, 78), Archiwum (стр. 3, 4, 11, 13, 31, 60, 63), E. Lempp (стр.28)

Редационный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Ключовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевичонков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевичонков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается под патронажем
Национальной Библиотеки
по поручению Министра Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Татьяна Косинова

ПОЛЬСКИЙ МИФ 1956 года

Публикация составлена на основе устных интервью с бывшими диссидентами и политзаключенными, записанных в 1992-2006 гг. в рамках авторского проекта «Диалог: польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния».

Июньские рабочие волнения 1956 г. в Познани, появление на польской политической сцене Владислава Гомулки, октябрьский пленум ЦК ПОРП, развитие польского ревизионизма, расцвет польской прессы и кино — все события польской истории 1950-1960-х годов имели особое значение для определенной части оппозиционно настроенной интеллигенции в бывшем СССР и эволюции ее взглядов в отношении собственно российской действительности.

Мифология Польши как инициатора ревизии социализма и центра либеральных идей внутри советского блока — по нашему мнению, одна из важных составляющих общественного сознания второй половины 50-х годов, оказавших влияние на развитие независимой мысли в СССР.

Ирэна Вербловская: В середине 50-х угол Невского проспекта и улицы Бродского, рядом с гостиницей «Европейская», стал очень важным местом. Человек двадцать-тридцать там ежедневно стояли в очереди в газетный киоск, дожидаясь, когда подвезут прессу соцстран. Расхватывали кто какие. Вначале совершенно не брали венгерских газет по причине незнания языка, но наступил октябрь 1956-го, и венгерские тоже стали разбирать. А в ближайшем сквере на площади Искусств их разворачивали и «соображали на троих» — кто сколько слов знал, и так переводили, — совершенно незнакомые друг другу люди. Я не могу сказать, что все подряд читали польские газеты, такого не было. Но мы очень жарко обсуждали все, что там происходило.

Мы успели выпустить шесть или семь номеров «Информации». С польского большинство переводов делала я, некоторые — Эрнст Орловский и даже сам Револьт Пименов. Размножали их на печатной машинке. В них были различные сведения и факты, о которых умалчивали советские средства информации. И польская пресса была для нас одним из самых важных источников. Польский язык я начала учить задолго до этого, когда в университете выбрала себе специализацию по истории польского рабочего движения. Я довольно хорошо знала историю Польши, всегда ею интересовалась.

Нина Катерли: Мне запомнились те события, которые предшествовали венгерским событиям 1956 года, когда в Польше начали делать «социализм с человеческим лицом». Но быстренько это было все задавлено. (...) Но я тогда как-то в этом участия никакого не принимала, то есть не пришлось мне ни подписать какого-то письма или чего-то сделать. Польскую прессу я не читала. Желание выучить польский было (все-таки моя мать, Елена Катерли, — полька: ее отец, мой дед, — поляк), но дальше этого желания дело так и не пошло.

Ворота машиностроительного комбината им. Цесельского (в то время им. Сталина)

Рудольф Борецкий: Если посмотреть на польскую послевоенную историю, то очень важным фактором было то, что, пожалуй, она единственная из так называемого соцлагеря не поддалась повальной коллективизации. (...) Польский крестьянин не позволил себя загнать в концлагеря колхозов, и в Польше осталось почти на 90% индивидуальное частное сельское хозяйство. Это была огромная победа в 1940-е годы. Потом познанские события 1956-го — первый звонок, который показал, что могут поляки. Для меня 1956 год еще не был как-то значим, потому что в то время я был еще ребенок, слишком молод и зелен для того, чтобы как-то это через себя пропустить, прочувствовать. Но вот все последующее в 70-е было уже серьезно и значимо.

Юлий Ким: В 56-м, нет, я не помню какого-то особого интереса к событиям в Польше. Я помню, что сначала мне очень нравился Гомулка. Понятно, что он нравился на фоне — на фоне наших ветеранов мавзолея и на фоне Берута. Конечно, он смотрелся либеральнее. А потом разонравился. Когда я узнал, что он охотно согласился с гонениями на евреев в Польше, его обаяние померкло.

Кронид Любарский: Начиная с 1956 года я воспринимал эти события так же, как любой средние интеллигентный, либерально настроенный человек. Ясно, что с сочувствием, ясно, что с поддержкой. Ясно, что волновало, выйдет или не выйдет. Но не более того. (...) Всем нам 1956 год запомнился Венгрией скорее, а не Польшей. Как-то Польша была довольно маргинальна. Тем более что информации было очень мало. Тогда еще советская была информация. Но настоящим шоком, настоящим ударом были события венгерские, безусловно. Многие читали польскую прессу, но я по-польски не читаю. В июне 1956 года я окончил Московский университет, три месяца пробыл в том городе, где я жил [в Симферополе], а в сентябре уехал на работу в Ашхабад. В Ашхабаде уже польская пресса была недоступна. Она была только в Москве доступна, и то с трудом, она не лежала буквально на каждом углу. А уж в провинции ее было вообще не достать. (...)

Не помню никакого очарования Гомулкой. Ну да, какой-то чуть более либеральный. Вообще любая перемена всегда хороша. Но очарование им, по моему, относится к разряду легенд.

Лев Краснопевцев: Летом 1956 г. мы отправились с большой группой студентов убирать урожай пшеницы в Казахстане. И тут произошли все

Первые рабочие демонстрации под лозунгами: «Требуем хлеба!», «Требуем снижения цен!»

эти события в Познани. Но о них информация была лишь самая официальная. Правда, после познанских событий произошло изменение в руководстве.

Пришел Охаб, была такая промежуточная фигура. Летом в Венгрии и Польше после XX съезда обстановка становилась все более накаленной, и в партии пытались как-то ее снизить, убрали старых секретарей. Ракоши был убран в Венгрии, и на его место пришел некий Гере. А Имре Надь стал председателем совета министров. И такое же обновление было произведено в Польше. Циранкевич остался, а вот первым секретарем стал Охаб. Это довольно бледная, такая центристская фигура. Он пытался как-то овладеть положением и что-то изменить в Польше, но положение накалялось, и в сентябре, по-моему, все это дело взорвалось, вспыхнуло, и произошел пленум знаменитый, — или все-таки в октябре, в начале октября, — который вернул Гомулку в ЦК, Зенона Клишко в профсоюзы. Спыхальский вернул в свои руки армию. Полетел Берман, полетел Минц из промышленности. И кто-то там еще из гомулковцев занял эти ключевые посты в руководстве экономикой. Новак куда-то вылетел, конечно. Хотя там было два Новака, один из них остался. В общем, произошли вот эти бурные события. И, естественно, все мы были очень рады. Гомулка вернулся почти из тюремной камеры или прямо из тюремной камеры. Все понадеялись, что случившееся не прошло ему даром, что он многое изменил в своих взглядах, в своих настроениях (Польша, насколько я понял по беседам с [Элигиушем] Лясотой, была в восторге от Гомулки еще летом 57-го). Потом произошли известные венгерские события, которые поставили перед нами всеми вопрос очень круто. Когда стало ясно, что пролилась кровь, что наша армия раздавила национальное выступление, мирное совершенно, национальное выступление венгерских демократов, раздавила традиционным, самым зверским, кровавым образом, то после этого мы не могли, конечно, оставаться, сохранить свое старое положение в существующей системе. Нашим иллюзиям пришел конец. Я тогда отказался от всякого продолжения своей комсомольской деятельности.

Александр Лавут: С 56-го я регулярно читал польские газеты. В то время там была большая заварушка, в результате которой пришел к власти Гомулка, — первое очень заметное обновление в соцстранах, многое там стало другим. Особенно это было видно по газетам. Я стал выписывать и читать их, вначале — что попало, а потом уже регулярно читал «Политику». Из разных публикаций знал, что одним из самых популярных изданий был журнал «По просту», но его здесь не было, да и просуществовал он очень недолго: либеральный по меркам того времени Гомулка его быстро закрыл. А «Политика» хотя и была партийной газетой — ее издателем считался ЦК ПОРП, — но с очень широкой информацией и свободой изложения, сравнимой с нашими изданиями 1987 года. Читая, я начал понимать и устную речь. И потом уже все время старался следить за тем, что происходило в Польше.

ПОЗНАНСКИЙ ИЮНЬ

50 лет назад, 28 июня 1956 г., рабочие вышли на улицы Познани. Причин протеста было несколько. С одной стороны, люди протестовали против все ухудшавшегося материального положения масс. Вместо обещанного коммунистической партией роста благосостояния шестилетний план (1950-1955) привел к обнищанию большинства населения. Несмотря на повышение трудовых норм реальная зарплата уменьшилась, не хватало основных товаров, квартир, коммунальные услуги находились в ужасающем состоянии. Отсутствие реформ и крайне бюрократические методы управления не давали надежд на лучшее.

Второй причиной протеста стала политическая ситуация в стране. После XX съезда КПСС, ставшего первой попыткой осудить сталинизм, в Польше поднялась волна критики «ошибок и перегибов», направленная прежде всего против всемогущества компартии и госбезопасности. Люди все громче требовали демократии в политике, общественной и экономической жизни. Свое осуждение политики коммунистических властей интеллигенция выражала пером и словом, а рабочие — митингами, уличными демонстрациями и забастовками.

И именно Познань стала ареной самого массового протеста. Рабочим придавал смелости тот факт, что в Познани проходила Международная ярмарка, на которую съехалось множество зарубежных гостей. Демонстранты рассчитывали, что в присут-

ствии такого количества иностранцев власти не решаются на жестокую расправу. Первым выступил коллектив одного из крупнейших польских предприятий — машиностроительного комбината им. Цегельского (в то время им. Сталина). Вскоре к рабочим Цегельского присоединились работники других познанских предприятий. В общей сложности в митингах и демонстрациях участвовало около 100 тыс. человек. Сначала митинг прошел перед зданием городских властей, затем перед тюрьмой и наконец перед зданием управления госбезопасности. Дело дошло до перестрелки (демонстранты раздобыли несколько десятков единиц оружия). Бои продолжались сутки. Погибли 57 человек, 60 были ранены. В конце концов с демонстрантами расправились части внутренних войск. Сотни человек были арестованы и подверглись жестоким допросам. Многих судили в ускоренном порядке.

Власти пытались замолчать познанские события, затыкая рот польским СМИ. Не получилось. Весть о восстании разошлась по Польше и по всему миру — в частности, благодаря свидетельствам иностранных журналистов и коммерсантов, участвовавших в Международной познанской ярмарке.

И хотя познанское восстание было подавлено, оно положило начало политической «оттепели», названной впоследствии «польским октябрём».

За несколько дней до начала восстания выдающийся польский писатель и публицист Павел Ясеница написал репортаж с ярмарки, в котором обратил внимание на растущее недовольство поляков экономической ситуацией в стране — оно-то и стало одной из причин мятежа.

Е.Р.

Массового интереса к польским событиям 1956 г., тем более массовой полонофилии, в то время я не наблюдал. Круг интересующихся был достаточно узким — в основном интеллигенция. Их радовали те изменения, которые происходили в Польше, Венгрии, позже в Чехословакии. В подцензурной литературе и публицистике в то время польская тема не могла найти адекватного отражения, а самиздата почти не существовало.

Борис Пустынцев: Это было невероятно интересно. Практически мы знали, стремились знать всё о тех событиях, пристально следили за ними. Это казалось началом трансформации большевистского режима. Польша всегда была оплотом оппозиции русскому режиму: и до большевизма, и после. Сравнительно большая страна с развитой культурой, не Болгария и не Венгрия по масштабу, такой перекресток Европы — Восток — Запад. А в 56-м Польша воспринималась как островок если не свободы, то полусвободы. Не политической — политические различия были незначительны между нашим режимом и польским, по сути это было одно и то же. Но атмосфера в обществе, этот вольный дух, присущий Польше, заражали и притягивали.

Мы прекрасно знали польскую историю. Отношение к Польше, к другим соцстранам — это, по-моему, очень важная составляющая часть мироощущения человека. Имперский период я перерос, когда мне было лет 14-15. Года через два я совершенно серьезно воспринимал лозунг «За нашу и вашу свободу», понимал, что мы делаем одно общее дело — их оппозиция режиму и наша. Борьба Армии Крайовой с советской оккупационной армией для некоторых из нас, для меня в частности, была примером, моделью. Я постоянно слушал Би-Би-Си на английском и всю ситуацию искренне воспринимал с подачи Лондона. Я был белой вороной среди своих приятелей, ориентированных на прогрессивную модель социализма, потому что мне было интересно все, что касалось польского правительства в Лондоне, армии Андерса, гражданской войны в Польше после 1944 года. Я проникся польским духом сопротивления, у меня был мощный комплекс вины уже тогда, не только перед поляками, но и перед другими народами, которым мы учинили столько кривды. Он основывался главным образом на знании истории: я знал, что эти страны оккупированы моей армией. Нет, я не считал ее своей, я всегда говорил «они», а не «мы». Но я ведь не выступал против этого — значит, был соучастником.

Тем летом события в Познани стали импульсом, каким-то поворотным моментом для меня и моих друзей. Они показывали, что нынешний режим не навек: в цитадели появились трещины — значит, можно пытаться расширять их, ломать ее дальше. Мы решили тогда, что надо пытаться что-то сделать. В наши 20 лет это выглядело вполне естественно: казалось, всё можно изменить. Правда, быстро пришло понимание того, что мы в этой стране совершенно одиноки.

Владимир Гершуни: Очень важными для меня были встречи с поляками в лагере. Среди них встречались такие, кто в полной мере соответствовал выражению «гордый поляк». Незави-

симые, с развитым, не сравнимым с нашим, чувством собственного достоинства. Там были разные люди, из разных сословий и поколений, но всех отличало чувство собственного достоинства и способность до конца сопротивляться.

Освободился я в 1955-м. Когда через год в Польше началась революция, я был внутренне совершенно готов к этому, я как будто бы ждал чего-нибудь подобного именно от поляков. В тот год родилась острота, потом применяемая и к другим странам восточного блока: «Польский барак — самый веселый в нашем лагере». Очень воодушевляли художественные выставки, где поляки первыми стали выделяться своим авангардом. Мы сразу почувствовали: жизнь там пошла веселее, чем у нас. Хотя очень быстро начался откат, Гомулка дал погулять всего несколько месяцев. Я помню его слова: «Пора за работу, хватит митинговать». Рассказывали, что он не любил театра, плевался и чертыхался, когда бывал на спектаклях. Это был тупой, черствый функционер, замкнутый в партийных делах, интригах и дразгах, совершенно чуждый культуре. Он очень напоминал этим Никиту. Тем не менее именно со стороны Польши в то время мы получали не только информацию о последних художественных течениях, но и наглядные примеры развития современного искусства.

Сергей Ханженков: В 56-м моим родителям разрешили выехать с Колымы «на материк». Наша семья обосновалась в Минске. Тогда я уже был законченным антисоветчиком. Открытое сопротивление коммунистической системе, к которому меня влекло, казалось еще чем-то немислимым, просто самоубийством. Но уже не привлекали те формы скрытого противостояния, которые появились после «оттепели»: узкие брюки, джаз, кино и другие влияния Запада и Польши в частности. Все это казалось чем-то вроде фиги в кармане, и я смотрел на это несколько свысока. Поэтому польский ревизионизм того времени я не переживал как-то особенно ярко, и те события в Польше не стали значимыми для моей внутренней биографии. Если говорить о Польше, то намного важнее для меня был провал польской кампании Красной Армии в 1920-м. Большевики говорили тогда: «Варшава — Берлин — Париж!..» И тут — на тебе: вся страна поднялась, и армия Тухачевского была разбита — это меня восхищало. Идея «мировой революции» провалилась, и это, бесспорно, заслуга поляков, именно они тогда защитили Европу от коммунистического нашествия. Узнал я об этом достаточно рано. Все было прекрасно описано, хотя и старались многого не говорить: ведь это было крупным военным поражением. А «польский октябрь» был все же по сути попыткой реформировать существующую социалистическую систему, если не считать извечного стремления поляков к независимости.

Николай Обушков: В 1950-е годы горячий интерес к Польше был связан с поисками ответа на вопрос: что и как делать? У поляков мы искали образцов поведения.

Чрезвычайно поучительной была моя поездка в Польшу осенью 1956 года. Я был молод и энергичен, у меня было много интересов. Это был самый канун октябрьских событий в Поль-

Павел Ясеница

ГЛАЗАМИ ТУЗЕМЦА

Отрывок из репортажа

Я стоял в толпе туземцев и слушал, как они громко высказывают свои замечания. Замечания эти показались мне знаменательными и политически важными.

Политика не терпит абсурда. Давайте сначала по-настоящему заботиться о повышении уровня жизни населения, а потом уже хвалиться прекрасным павильоном №2, в котором выставлены польские швейные, текстильные, кожаные и деревянные изделия, а также продукты питания.

Я увидел вещь, которую неоднократно описывал велепую, — первую польскую промышленную турбину ТП-2. Два года назад мне рассказывал о ней профессор Роберт Шевальский из Гданьска, руководитель создавшего ее коллектива. Отеюда мои, весьма ограниченные, знания о ней и... симпатия.

Проблема недоступности мучила меня все время, пока я осматривал павильоны с товарами народного потребления. Впрочем, она не дает мне покоя уже давно. Не так-то легко догнать страны, которые, пользуясь благоприятными историческими обстоятельствами, вырвались далеко вперед. Польская турбина ТП-2 лучше аналогичной швейцарской, но в Швейцарии — и во всем мире — производят множество других типов.

Стратегия подсказывает, что никто не может быть одинаково сильным на всех участках фронта, поэтому нужно сосредоточиться на тех отрезках, где можно успешно нанести удар и одержать решающую победу. Если применить это к производству, то мы

должны искать новые области — такие, каких в других местах еще просто нет.

С большим вниманием читал я сообщения о том, что польская химическая промышленность добивается высоких результатов и заключает множество экспортных договоров. Пожалею, именно в области химии мы можем сыграть важную роль, так как у нас есть соль, сера и уголь. Зато печально вест от сообщений о продаже бензола, который практически является сырьем и служит, в частности, для производства лекарств, красителей и пластмасс.

Не знаю, подумали ли организаторы выставки о ее психологических последствиях.

Выставка великолепна. Переступив порог, ты попадаешь в огромную цветную аллею шелков, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, льна... Рядом можно увидеть прекрасную мебель, изделия из лозы, белье, кожгалантерею, продовольственные товары, текстильно-резиную обувь и тысячи других вещей. И над всем этим надпись: «ЦТБ экспортирует льняные ткани в 19 стран — в том числе...» — далее следует перечень стран, начиная со Швеции и кончая Австралией и США. Не буду шитировать все, что говорят посетители, так как из соображений приличия никто этого просто не напечатает. Некоторые, самые наивные, вписывают свои претензии в книги жалоб и предложений.

Каждый понимает необходимость экспорта, дающего нам валюту. С другой стороны, каждый посетитель выставки мог прочитать в газетах, как депутаты Сейма взывали к совести министра. Дело в том, что в период шестилетнего плана мы закупили до сих пор не использованные машины и приборы. Закупили за границу, т.е. как раз за валюту. Из объяснений министра следовало, что значительную часть этих машин

ше и Венгрии. Я впитывал ту предреволюционную психологическую атмосферу — атмосферу предгрозя. Такое я наблюдал впервые. Дело в том, что как аспирант, начинающий научный работник, я очень интересовался июньскими событиями 1953 г. в Берлине. Но тогда мне еще казалось, что все это — действие «бывших» элементов, продолжение «фашистского похмелья». Так работала пропаганда. Но уже появились сомнения, не было полной уверенности в адекватности официальных советских оценок. Очень смущало активное участие рабочих. И тут вдруг в Польше я увидел совершенно незнакомую мне обстановку... Ведь у нас в Москве это был еще дофестивальный период: боязнь доносов, страх перед любым лишним словом, постоянная оглядка на совершенно реально существовавших тогда, открытых осведомителей — их полно было вокруг нас. А в Польше я увидел, что это уже не работает или на это никто уже не обращает внимания, что люди раскованы, внутренне свободны, вплоть до того, что свободно бросают лозунги, пусть наивные и неглубокие. Это была уже не иллюзия свободы, это были ее первые признаки, заря свободы в обществе. И это очень сильно повлияло на меня. Появилось желание что-то подобное делать, чтобы достичь такого же уровня раскрепощенности общества у нас.

Особенно интересно было узнать, как молодежные группы готовят и разбрасывают листовки, организуют различного рода диспуты, встречи, маленькие митинги — словом, создают брожение в обществе. Я понял, что какие-то радикальные изменения — дело вовсе не легендарное, что это вот тут, в нашей среде, существует. Я увидел носителей этой идеологии, которые участвовали в подготовке революции и не гордились этим, а рассказывали обо всем так просто, как могли бы говорить, например, о том, как танцевали накануне с прелестной девчонкой. И меня всерьез заинтересовало то, как готовились молодыми поляками преобразования в обществе.

В то время я был морально готов вступить в какую-нибудь нелегальную группу или создать ее. Поэтому, когда вернулся, то буквально в течение пары месяцев мы с Краснопевцевым договорились о формировании своей организации. Потом я узнал, что речь шла о моем вхождении в уже реально сложившуюся или складывающуюся группу, а не о ее создании. И мое участие в написании листовки летом 1957 г. было связано не столько с ожиданием каких-то определенных политических сдвигов в нашей стране — я уже не был настолько наивен, — сколько был расчет на то, что наконец начнется что-нибудь подобное тому, что я видел в Польше.

На собраниях нашей группы я рассказывал о программных установках польской партии, о том, как они собираются реформировать польский социализм. Взгляды польских коммунистов, польский ревизионизм были очень сильным стимулятором нашего духовного развития, формирования нашей идеологии. Мы тогда считали, вслед за Гомулкой, и еще более вслед за радикальными деятелями типа Элигиуша Лясоты, что социализм можно и нужно реформировать, что есть возможности для этого. Пример Польши в 1956 г. был для нас доказательством.

В лагере от желания адаптировать польский опыт к нашим условиям я перешел к разработке какой-то системы взглядов, более ориентированных на ситуацию в нашей стране. Но и тогда их опыт преобразований в экономике, начиная с 1955-го до сегодняшних дней, остался ценным для меня, я часто использую его в своих работах.

Марат Чешков: Для советского студента — а я был обычным, средним советским студентом — проблемы традиций не существовало. Нам, историкам, вроде было бы и важно ее учитывать, но этого не происходило, насколько я могу сейчас реконструировать лично мои взгляды того времени. Мы активно интересовались политикой, были крайне политизированы. Но при чем тут традиции, когда нами владело сознание первопродства, даже первородства? Мы всё начали сначала, мы не знаем, чем это всё может закончиться, как будет развиваться. Да, мы знали о польских восстаниях, декабристах, Герцене. Краснопевцев Ленина сопоставлял с герценовской традицией. Тем не менее для него эталоном оставался Ленин. Традиции оставались в области теоретического знания. Но это не касалось рефлексии. Всерьез к традициям стали обращаться тогда, когда стала более или менее вырисовываться и осознаваться химеричность тех наших марксистских иллюзий.

Учась в аспирантуре на экономическом факультете, я заметил, что в отличие от нашей любви к марксистской теории, умения разбираться в основных догмах, поляки старались отстраняться от этого, как бы не принимали такого теоретизирования всерьез. У нас, лично у меня, на этой почве возник комплекс превосходства. В среде советских ревизионистов он существовал весьма устойчиво и довольно долго. Нам казалось, что мы намного лучше владеем марксистской теорией. Но это вызывало у поляков отнюдь не чувство собственной ущербности, а скорее иронию. Марксистские догмы они тогда не отвергали открыто, но как бы отодвигали их. Вот так: «Не столь уж это важно, в конце концов...» И очень часто уже тогда излагали новейшие западные идеи. Главный их вклад в том, что, оценивая с точки зрения эмпирической науки и с точки зрения реальности марксистскую истматовскую догматику, они снизили ее теоретический статус. Поляки очень много сделали для развенчания марксистских догм, вплоть до сведения их к идее бесполезности.

Для меня лично было важно развитие польских общественных, социологических наук. Польша выполняла роль не только некоего реле, передатчика западных идей в сфере общественных наук. Они в значительной степени прогрессировали в то время, по сравнению с нашими, и были очень важным источником в моей работе, а я все время занимался развивающимися странами. В каком-то смысле некоторые наши научные работники занимались тем, что перелагали идеи поляков для местного обихода. Многие мои друзья и коллеги по институту в разное время после 1956 г. пропагандировали польский опыт.

совершенно невозможно установить и запустить в течение ближайших пяти лет.

Каждый, кто почти ежедневно читает о подобных вещах, согласится, что нельзя добывать валюту ценой обнищания туземцев, и не позволит перефразировать известные слова поэта, которые в новом прочтении звучали бы: «Быть поляком — это жить грязно и безвкусно».

Вот почему вид прекрасного павильона вызывает раздражение. Я хочу подчеркнуть, что речь идет не о французской или бельгийской, а о польской выставке. Получается, что наша собственная промышленность могла бы вполне успешно заполнить пустые места на полках магазинов и прекратить наконец всенародное поклонение заморским шмоткам.

Политика не терпит абсурда. Либо наши первосвященники из Государственной плановой комиссии, многочисленных министерств и центральных ведомств начнут действовать по-новому и перестанут наконец устранять всё так, чтобы потери были максимальными, либо мы не будем растревать людям душу и заставлять их скрежетать зубами. Я пишу «мы», так как мне кажется, что по случаю ярмарки наша печать взялась за старое и опять забыла, что даже самые громкие фанфары ничего не меняют.

Пожалуйста, не удивляйтесь тону этой статьи. Я вернулся с ярмарки несколько часов назад, но перед глазами у меня до сих пор стоит один бедно одетый человек, который, осмотрев несколько стендов в павильоне №2, достаточно громко произнес: «Это для масс! Это для масс...» — и закончил свою реплику чем-то совершенно нецензурным. А ведь он имел в виду нечто очень простое и правильное: если можно делать хорошие вещи для заграницы, то почему бы не сделать их и для собственной страны.

*«Пшеглёнд культуральный»,
1956, №26*

Польские события мы очень много и долго обсуждали до ареста и в лагере. Для нас стало очевидным, что сталинская модель социализма не воспроизводится в странах Восточной Европы, а именно в Польше и Венгрии, что она там потерпела поражение, и они будут искать свой, индивидуальный путь. Начиная с 1956 г. Польша интересовала меня в нескольких аспектах. Первый аспект: что вносят польские эксперименты, польский опыт в модель социализма — критика сталинской модели, восприятие и попытка усвоения поляками югославской модели. Мы в то время считали, что именно югославский опыт был модельным.

Помимо внутренних польских преобразований нас интересовало развитие отношений Польши с Советским Союзом. Мы стали осознавать, что имеются основания для постоянно возникающих противоречий и непонимания, что польская сторона, начиная с руководства ПОРП, все чаще открыто выбирает позицию противостояния. Взять хотя бы положение перед октябрьским пленумом 1956 г. и сразу после него. Несмотря на то что отношения Гомулки и Хрущева впоследствии нормализовались, было впервые публично продемонстрировано не просто стремление к независимости, а открытое игнорирование установок Москвы. Это было большой победой Гомулки и необычайно подняло его авторитет в глазах поляков и всех сочувствующих польской революции.

Вадим Козовой: Для определенной части интеллигенции в Советском Союзе Польша с 1955-1956 гг. служила мостом в Европу, в европейскую культуру, начиная с культуры самой отвлеченной, культуры идей, вплоть до политической культуры. То, что было запрещено или не допускалось советской цензурой, доходило до нас в Москве через Польшу, через польские книги, журналы, кино и театр. Все это было на польском языке, с польскими акцентами и нюансами. И так получилось, потому что поляки добились сохранения относительной свободы в области культуры даже в период сталинского режима.

Нечто подобное происходило и в Венгрии, что-то там тоже печаталось, несомненно. Но, думаю, будет довольно трудно найти кого-нибудь в бывшем Союзе, кто бы впитывал все это в венгерской интерпретации.

Если говорить о кино, то в польском кино 50-х годов есть примеры подлинного искусства. «Канал» Вайды я впервые увидел в лагере — очень трагический, прекрасный фильм. Позднее в лагере нам показали фильм Ежи Пассендорфера «Покушение» — очень хороший фильм, снят в строгой, документальной манере. Уже тогда поляки умели делать отличное кино. В их фильмах остро и трагически был изображен конец целой эпохи, границей которой и стал, на мой взгляд, 1956 год.

В польских журналах я впервые прочитал многие философские труды, новейшие произведения западной литературы, стихи и романы, Фолкнера к примеру. Этого я не забуду полякам — в хорошем смысле, я им многим обязан. Я не просто следил тогда за развитием польской общественной жизни, культуры в особенности, — это было частью моего существования.

Эрнст Орловский: Именно к культуре — музыке, живописи, архитектуре — у меня интерес был небольшой. Не только польское искусство меня не интересовало, но и русское. Честно. На польское кино я, конечно, ходил, фильмы Вайды очень люблю. Но, скажем, намного важнее того же фильма «Пепел и алмаз» для меня была книга Анджеевского, которую я прочитал гораздо раньше... Вот книги — да! Совершенным потрясением для меня стало в 1956 г. заглавие одной польской книги, которую я увидел и сразу же купил: «Обзор боевых операций Войска Польского в 1946-1949 гг.». У нас никогда не бывало подобных книг.

Я старался следить за развитием польской литературы постоянно. Очень гордился, когда кроме газет смог осилить первую книгу на польском. Это был один из детективов Збигнева Ненацкого. Я стал выписывать журнал «Новые польские книги» (он выходил на русском языке), чтобы быть в курсе всех новинок. В журнале «Польша» тогда был опубликован отрывок из романа Казимежа Брандыса «Мать Крулей». Эту книгу я считаю особенно важной, просто необходимо перевести ее на русский. Это одна из немногих книг, где глубоко, талантливо изображена психология если не прямых виновников, то соучастников репрессий — партийных работников, авторов доносов и так далее. С тех пор Брандыс, скажу вам, важен для меня ничуть не меньше Льва Толстого. К ним двоим я обращаюсь постоянно. До сих пор мне кажется, что польская литература во многом глубже нашей с психологической стороны, там чаще и больше затрагиваются рефлексия, осмысление прошлого и настоящего. Мне очень много дали польские художественные, исторические и юридические источники.

Юрий Левин: Мои листовки назывались «Палачи из ЦК КПСС преподнесли себе достойный подарок». Сделал я их к «дню 39-й годовщины торжества палачей» [распространялись в Ленинграде 7-8 ноября 1956 года]. Прежде всего, в них шла речь о событиях в Венгрии. Но там была и такая фраза: «Кремлевские коммунистические вожди лили и продолжают лить кровь русского, польского, венгерского, румынского и других народов». Что значило для меня выражение «кровь польского народа»? Взять хотя бы события 1939-1940 гг., когда советские и германские войска разделили Польшу, когда советские войска захватили в плен значительную часть польского офицерства, а потом Сталин дал указание уничтожить этот цвет польского офицерства. Кроме того, я знал, что во время Варшавского восстания сталинское руководство не предприняло никаких мер в поддержку, а дождалось, пока гитлеровцы разгромят его. Хотя советские войска находились очень близко от Варшавы. Это я знал из передач Би-Би-Си например — от других источников мы были изолированы. Эту информацию приходилось принимать сквозь глушилки. Или вот по радио «Свободная Россия» — это радио НТС, оно, уходя от глушилок, меняло волну. Приходилось подстраиваться, искать. (...) Я записывал передачи Би-Би-Си и «Свободной России» на магнитофонной приставке, потом расшифровывал. Несколько тетрадей с расшифровками этих передач стали следующим пунктом обвинения после листовок. (...)

Единство польского народа проявилось в 1956 году в восстановлении демократических норм. Выступали журналисты против цензуры. В Польше возродилась адвокатура. Раньше политические процессы проходили за закрытыми дверями, а тут появилась гласность. Даже польские чекисты выступили за независимость от КГБ СССР. Это отмечалось в зарубежных передачах в 1956 г. после выступления Гомулки. То есть все то, что у нас появилось намного позже, в конце 1980-х годов. И уже можно было на следствии ссылаться в разговоре с прокурором на то, что в социалистической стране есть свобода слова, нет цензуры, там информация свободно распространяется, а у нас... *(смеется)*. На это мне было сказано: «Одно дело Польша, а другое дело — Советский Союз». Меня арестовали 26 декабря 1956 г., в день рождения Мао Цзэдуна, как сейчас помню. Допросы шли в январе 1957 года.

Митинг у здания познанского университета

Баррикада напротив Управления безопасности

Захваченный восставшими танк

Ирэна Вербловская: Начиная с 1956 г. Польша была одинаково важна для филармонических девочек и джазовых мальчиков, для марксистов и антикоммунистов, для достаточно большой части советской интеллигенции разных поколений. Почему все, что происходило у них тогда и потом, находило здесь такой живой отклик? Может быть, потому, что поляки все же очень близки нам. Они свои, наши, в отличие от чехов или венгров. С ними у нас была общая история, совместный опыт. А совместный опыт, как я думаю, пусть даже отрицательный и самый страшный, — людей не разъединяет. И пример тому — лагерь. А чужой опыт остается чужим...

Как бы там ни было, они продолжали и после своего «октября» сидеть под нашим кулаком — все равно все дирижировалось Москвой. Они всегда безумно нас боялись и не любили. Очень боялись и очень не любили. Сколько поляков прошло через наши лагеря!.. Как им не бояться?.. Наши отношения не взаимoadекватны: у них нет оснований для любви к нам. Они симпатизируют только тем из нас, кто определенным образом демократически настроен, с теми они могут искать общее. Но, к сожалению, те, кто демократически настроен, никогда не делали музыку в нашей стране. Демократы здесь играют под сурдинку... Плохо у нас с комплексом вины. У русских вообще плохо с комплексом вины. По отношению ко всем, начиная с самих себя...

Польша всегда имела для нас особое значение, потому что это была связующая нить, которая тянула нас к Западу. Какие бы катаклизмы ни возникали, то, что там происходило, было для нас чем-то вроде зеркала, зачастую мучительного, — мы наблюдали и начинали проецировать: а вот у нас могло бы быть так? Независимо от границ, а в зависимости от разных этапов политической истории ближне-западное, польское влияние было сильнее, чем какое-либо другое. Между Россией и Польшей происходит значительная диффузия. В особенности в момент, когда появляются оттепельные симптомы и тоталитарный режим немножко отступает, мы лучше, полнее воспринимаем. В 56-м она стала для нас окошечком, калиточкой, каким-то глазочком... Да, впервые оттуда мы о многом узнали, многое увидели. Нам казалось, что многое из опыта их преобразований можно и у нас претворить, нам хотелось этого. Польша была каким-то подобием модели. Мне приходит на ум кокетливое сравнение: Польша была моделью такого прекрасного платица, которое я, конечно, никогда на себя не надену, но как же оно замечательно!..

Биографические справки

Борецкий Рудольф Андреевич (р.1930), журналист, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ, многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше. Живет в Москве.

Вербловская Ирэна Савельевна, (р.1932), историк, экскурсовод. Арестована в Ленинграде в марте 1957 г. по делу группы своего мужа Революта Пименова. Приговорена к 5 годам лагеря по ст.58-10 УК РСФСР за участие в антисоветской группе, изготовление и распространение антисоветских материалов. Живет в Санкт-Петербурге.

Гершуни Владимир Львович (1930-1994), трижды арестован: в 1949, 1969 и 1983 г., судимости по политическим статьям, сроки отбывал первый раз в лагерях, последние два — в спецпсихбольницах. Жил в Москве. Писал стихи, занимался правозащитной деятельностью.

Катерли (Эфрос) Нина Семеновна (р. 1934), литератор, писатель-фантаст. Живет в Санкт-Петербурге.

Ким Юлий Черсанович (р.1936), учитель русского языка и литературы, поэт, драматург, бард, активный участник правозащитного движения (1966-1968). Живет в Москве.

Козовой Вадим Маркович (1937-2001), поэт, переводчик французской поэзии, до ареста — студент IV курса исторического факультета МГУ. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 8 лет лагеря.

Краснопевцев Лев Николаевич (р.1929) историк, основатель подпольной марксистской группы, политзаключенный (1957-1967). Живет в Москве. Интервью записано в Москве в 1992 году.

Лавут Александр Павлович (р. 1929), математик, правозащитник, член Московской Хельсинкской группы. Арестован в апреле 1980 г., осужден по ст. 190-1 за изготовление и распространение правозащитных документов на 3 года лагеря, повторно в 1983 г. осужден по той же статье за антисоветскую агитацию среди заключенных на 5 лет ссылки. Живет в Москве.

Левин Юрий Леонидович (р. 1938), инженер, в 1955 г. создал подпольную организацию «Молодая Россия», вступил в Народно-трудовой союз, распространял листовки НТС, призывавшие выходить на демонстрацию с лозунгами протеста против ввода войск в Будапешт, в заключении в 1956-1964, 1969-1971 гг. Живет в Санкт-Петербурге.

Любарский Кронид Аркадьевич (1934-1996), астрофизик, правозащитник, политзаключенный (1972-1977). С 1977 г. в эмиграции, журналист, издатель и редактор альманаха «Вести из СССР», журнала «Страна и мир». Вернулся в Россию в 1990 г., заместитель главного редактора журнала «Новое время».

Обушенков Николай Григорьевич (р. 1929), историк. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопецева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 6 лет лагеря. Живет в Москве.

Орловский Эрнст Семенович (1929-2003), математик, правозащитник. Подвергался допросам, обыскам и вызовам в КГБ по многим политическим делам начиная с дела группы Пименова (1957). Известный правозащитник-законник, помогал многим составлять жалобы и апелляции, консультировал перед допросами в КГБ.

Пустынцев Борис Павлович, родился во Владивостоке в 1935 году. Переводчик, режиссер дубляжа. Арестован в Ленинграде в мае 1957 г. за участие в антисоветской группе Виктора Трофимова и выпуск листовки в поддержку восстания в Будапеште. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 10 лет лагеря. Живет в Санкт-Петербурге.

Ханженков Сергей Николаевич родился в лагерном поселке Усть-Утинский Магаданской области в 1942 году. Инженер. Арестован весной 1963 г. в Минске. Осужден на 10 лет лагеря по ст. 69, 65 и 67 ч.1 УК БССР за антисоветскую деятельность, создание антисоветской организации и диверсию — подготовку взрыва глушителя одной из минских радиостанций. Живет в Минске.

Чешков Марат Александрович, родился в Москве в 1932 году. Историк. Арестован в сентябре 1957 г. по делу группы Краснопецева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 8 лет лишения свободы. Живет в Москве.

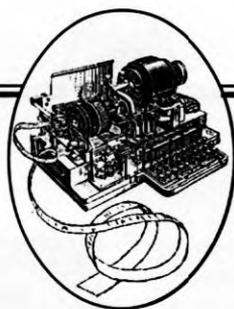
Милиция переходит на сторону рабочих

Штурм Управления безопасности

Захваченная восставшими агитмашина

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Президент Лех Качинский: «Конституция 3 мая [1791 г.] стала итогом многолетней борьбы за реформу нашего государства (...) Я убежден, что и сегодня Республика Польша, наше независимое государство, высшая ценность, объединяющая всех поляков, преобразится». (*«Жечпосполита», 4 мая*)

• «77% поляков хотят, чтобы влияние ЕС на жизнь в нашей стране было еще больше, чем сейчас (...) Согласно опросам, из 12 ведущих стран Евросоюза мы доверяем Брюсселю больше всех (...) Только 28% опрошенных доверяют польскому правительству больше, чем Европейской комиссии (...) Поляки уверены, что благодаря интеграции наша страна будет быстрее развиваться. В это верят две трети опрошенных (...) 61% поляков считают, что введение общей валюты будет «положительным шагом» (...) 69% полагают, что в будущем Брюссель должен играть в мире более важную роль, чем сейчас (...) Только 37% поляков придерживаются мнения, что Брюссель раздает дотации справедливо (...) Каждый второй опрошенный прямо утверждает, что наша страна платит в общий бюджет больше, чем должна». (*«Жечпосполита», 21 апр.*)

• «В течение двух лет членства в ЕС Польша получила из структурных фондов почти 4 млрд. злотых. Благодаря этим деньгам в прошлом году польский ВВП вырос на 8,3 миллиарда. (...) «Я бы оценивал первые результаты с некоторой осторожностью. Ведь эти деньги вкладываются, в частности, в развитие человеческого капитала. По-настоящему комплексно эффекты нашего членства в ЕС можно будет оценить через восемь-десять лет», — говорит Витольд Орловский». (*«Газета wyborcza», 28 апр.*)

• «На вопрос о том, как развиваются новые страны-члены через два года после вступления в структуры ЕС, европейские дипломаты и администраторы единодушно ответили, что представители Польши хорошо подготовлены и уже вошли в ритм ежедневной работы. В Европейской комиссии считают, что «за относительно короткий срок полякам удалось создать мощную сеть влияния», а их уровень использования региональной и сельскохозяйственной помощи можно назвать хорошим». (*Фернандо Гарсия, «Газета wyborcza», 8 мая*)

• «В прошлом году вести хозяйственную деятельность начали 220 тыс. поляков. Впервые за последние 10 лет число новых предпринимателей увеличилось. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2005 г. число единоличных предприятий выросло на 17%, а новых компаний — на 12%». (*«Жечпосполита», 21 апр.*)

• «Работников ищут уже более 40% предприятий, в т.ч. почти половина частных. Хуже всего дело обстоит в строительной отрасли. Согласно последнему отчету Польского национального банка (ПНБ) о положении дел на предприятиях и конъюнктуре, «51% строительных фирм жалуется на нехватку рабочих рук» (...) Как это вяжется с самым высоким в ЕС уровнем безработицы? По данным ГСУ, в конце марта она все еще достигала 17,8%, хотя по сравнению с прошлым годом число зарегистрированных безработных уменьшилось на 230 тыс. человек. «Истинный уровень безработицы ниже официального. Во-первых, поляки ездят работать за границу (...) Во-вторых, многие люди, не работающие по собственному выбору, регистрируются в центрах занятости, чтобы иметь медицинскую страховку. В-третьих, есть еще теневой сектор», — говорит Мартин Петерлик из Института изучения рыночной экономики». (*Анна Блацак, «Жечпосполита», 4 мая*)

• «Оживление наблюдается почти во всех отраслях экономики. Увеличение объема продаж отмечено в 28 из 29 секторов. Самое большое (более 80%) — в производстве телерадиоаппаратуры. Производители металлопроката, автомобилей и неметаллического сырья увеличили объем продаж более чем на 30%. В строительной отрасли рост составил 15,5% (...) В целом по сравнению с прошлым годом объем продаж в промышленности увеличился на 12,4%, а в строительной отрасли — на 4,5% (...) По данным министерства экономики (...) в первом квартале 2006 г. ВВП вырос на 4,4%». (*«Жечпосполита», 21 апр.*)

• «По данным ГфК «Полония», супермаркеты — единственный сектор т.н. современной торговли, в котором польские предприниматели опередили своих иностранных конкурентов. Более 50% построенных в прошлом году супермаркетов принадлежат польским фирмам (...) Все чаще эти фирмы в состоянии финансировать строительство современных, призывных магазинов. Правда, у отечественных сетей не такие высокие обороты, как у иностранных, зато они, как правило, лучше используют свои объекты, достигая более высоких объемов продаж в пересчете на квадратный метр площади. Отечественным предпринимателям благоприятствует смена настроений независимых торговцев, которые все охотнее присоединяются к крупным сетям, рассчитывая на более дешевые поставки и маркетинговую поддержку». (*«Жечпосполита», 20 апр.*)

• «Год назад Томаш Бодах основал в Рыбнике частную почту (...) Пока что четыре почтальона разносят в месяц 20 тыс. писем. У Городской доставочной почты есть собственные каталоги, марки и даже конверты (...) «Если старосте надо отправить тысячу заказных писем с уведомлением, то на почте это стоило бы 5400 злотых, а у меня — тысячу» (...) — хвалится Бодах (...) В мае начнут работу пять новых отделений: в Кракове, Лодзи, Гожуве, Кошалине и Гданьске. Это начало всепольской сети (...) Однако предприятие нелегально (...) У Городской почты нет разрешения Управления по электронной связи. После жалоб Польской почты управление уже наложило на ее частного конкурента штраф в размере 40000 злотых. Правда, это не дало никаких результатов (...) Законодательство не предусматривает штрафов для тех, кто нарушил территорию, закрепленную [до 1 янв. 2009 г.] за Польской почтой (...) Владелец Городской почты (...) надеется, что апелляции будут тянуться до 2009 г. (...) «Тогда возможные процессы не будут иметь никакого значения», — говорит Бодах, рассчитывающий на помощь ЕС». (Петр Мёнчинский, Лешек Костицкий, «Газета wyborcza», 24 апр.)

• «7,7 млрд. долларов составили в прошлом году инвестиции иностранных предпринимателей в нашей стране (...) Благодаря им появится 51 тыс. новых рабочих мест (...) Больше всего было фирм средней величины (стоимость которых составляет от 10 до 50 млн. долларов). Их общая стоимость превысила 1,5 млрд. долларов. В нашей стране хотят открыть производство не только крупные концерны, но и более мелкие предприятия, прежде всего из Германии». («Жечпосполита», 10 апр.)

• «Министр финансов Зита Гилёвская, президент ПНБ Лешек Бальцеревич и многие экономисты считают, что экономический рост может составить более 5% ВВП (...) По последним данным, вместе с экономикой растут и зарплаты поляков (...) В марте объем розничных продаж увеличился более чем на 10%». («Газета wyborcza», 27 апр.)

• Профессор Цезарий Юзефяк: «Политики занимаются раздачей государственных денег, не слишком считаясь с возможностями бюджета. Между тем работодатели безуспешно призывают власти ликвидировать бюрократические препоны, упростить и стабилизировать законодательство, наверстать упущенное в области приватизации (...) Успехами нашей экономики в 90-х мы обязаны глубоким и трудным реформам, особенно тем, которые были проведены в первые годы. Благодаря им мы первыми вышли из переходного периода экономического спада (...) а затем развивались быстрее других. Это произошло благодаря упорщению налогов, освобождению цен, упорядочению зарплат, открытию границ. Ну и благодаря сокращению внешнего долга, которое стало возможным опять-таки потому, что мы столь многого достигли». («Газета wyborcza», 15-17 апр.)

• Профессор Витольд М. Орловский: «Продолжается приток в Польшу иностранных инвестиций, конъюнктура остается благоприятной, никто не распродает польские облигации, уровень инфляции низок, а курс валюты стабилен. К счастью, Польша — член ЕС, и именно этот фактор воспринимается всеми как гарантия долгосрочной экономической стабильности и неплохих перспектив развития (...) Но... есть и причины для опасений. За включение в программу правительства элементов экономического популизма (если это действительно произойдет) так или иначе придется заплатить (...) Вступление в ЕС не спасет от расплаты за популизм». («Газета wyborcza», 14 апр.)

• «Полгода прошло с того времени, как Россия закрыла свои границы для польских продуктов питания (...) Мы продаем в Россию гораздо меньше продуктов питания, чем еще несколько лет назад, хотя в целом объем экспорта растет. Наши предприятия пробиваются со своей продукцией на более трудные, но более предсказуемые рынки». (Кишишоф Собчак, «Жечпосполита», 15-17 апр.)

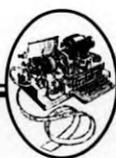
• «Вчера Федеральная ветеринарная служба дала понять, что Россия еще не скоро отменит эмбарго на импорт польских продуктов питания». («Дзеник», 5 мая)

• «Российские власти не рассмотрят ходатайства Польши о возвращении культурных ценностей, перемещенных в годы II Мировой войны (...) В сентябре 2004 г. Польша направила России официальную ноту, касающуюся возвращения десяти произведений искусства, попавших в Россию в результате II Мировой войны». («Жечпосполита», 12 апр.)

• «Московские власти приостановили движение судов в Вислинском заливе (...) Это еще одно доказательство ухудшения отношений между двумя странами». («Жечпосполита», 9 мая)

• ««Построив трубопровод по дну Балтийского моря, «Газпром» сможет уменьшить поставки газа в европейские страны через Белоруссию, Польшу и Украину», — сказал вчера российский посол в Минске Александр Суриков (...) Российский дипломат признал, что Северный газопровод строится не только ради увеличения экспорта российского газа на европейский континент». («Жечпосполита», 28 апр.)

• На американо-европейской встрече в верхах в Брюсселе министр национальной обороны Радек Сикорский подверг критике строящийся Россией и Германией газопровод по дну Балтики. «Поскольку газопровод соединит эти страны в обход Польши, прибалтийских стран, а также Белоруссии и Украины, Варшава опасается, что таким образом Россия получит оружие, позволяющее шантажировать соседей перекрытием крана в наземных газопроводах, не нанося при этом ущерба Германии. Сикорский заявил, что «Польша особенно чувствительна к коридорам и соглашениям за ее спиной (...) Это традиция Локарно и пакта Риббентропа—Молотова. Мы не хотим, чтобы

это повторилось», — сказал министр (...) Несколько сот собравшихся в отеле «Конрад» участников саммита восприняли его слова с пониманием». (*Бартош Т. Велинский, «Газета выборча», 4 мая*)

• «Немецкие политики почувствовали себя уязвленными (...) В защиту Сикорского выступил литовский министр обороны Гедиминас Киркилас: «Возможно, метафора Сикорского была слегка преувеличенной, но она точно отразила суть дела» (...) По словам евродепутата от Союза демократических левых сил (СДЛС) Богуслава Либерадского, хотя заявление Сикорского сочли в Брюсселе слишком резким, в Европарламенте господствует убеждение, что он прав». (*Элиза Ольчик, «Дзенник», 4 мая*)

• **Глеб Павловский: «Высказывание Сикорского (...) не поможет и без того плохим отношениям между Москвой и Варшавой (...) Россия истолкует это высказывание как враждебную декларацию».** (*«Дзенник», 4 мая*)

• «Митрополит Варшавский и всея Польши Савва стал лауреатом премии Фонда единства православных народов. Вместе с ним этой высокой награды (...) удостоились президент Армении Роберт Кочарян и «Газпром»». (*«Пиесгёнд православный», май*)

• **«Збигнев Семёнтковский выиграл процесс против фирмы «J&S». По мнению суда, Семёнтковский не оклеветал фирму, утверждая, что она была основана для реализации российских интересов. Таким решением закончилось вчера дело по иску фирмы «J&S» к бывшему начальнику Агентства разведки (...) Зарегистрированная на Кипре и руководимая двумя российскими эмигрантами с польскими паспортами компания «J&S» уже многие годы является крупнейшим импортером российской нефти в Польшу (...) Бывший начальник Агентства разведки, а ранее Управления охраны государства (...) сказал в радиопередаче, что «компания «J&S» была создана по воле российской стороны и служит осуществлению ее целей».** (*Войцех Чухновский, «Газета выборча», 27 апр.*)

• «В опубликованном вчера интервью российскому информационному агентству «Интерфакс» президент Лех Качинский (...) выразил удивление в связи с решением Главной военной прокуратуры России не признавать расстрелянных в Катыни польских офицеров жертвами политических репрессий. Президент заявил также, что Польша потребует у российской стороны копии всех материалов следствия по делу о преступлении 1940 года». (*«Газета выборча», 21 апр.*)

• **«Витомила Волк-Езерская написала беспрецедентную жалобу, которая уже через несколько дней будет отправлена в [Европейский] суд [по правам человека]. В 1940 году ее отец, офицер Войска Польского, был убит в Катыни сотрудниками НКВД (...) Витомила Волк-Езерская вместе со своим адвокатом Романом Новосельским обвиняет Россию, а конкретно — Главную военную прокуратуру в неэффективности расследования катынского преступления. По их мнению, это нарушает ст. 13 Европейской конвенции по защите**

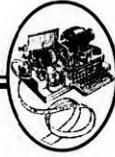
прав человека и основных свобод (...) «Думаю, было бы более разумно обратиться вначале к верховным властям России, лучше всего — к самому Путину, который может повлиять на следователей», — говорит профессор[историк] Наталья Лебедева». (*«Жечпосполита», 22-23 апр.*)

• «Было бы наивно ожидать оттепели в польско-российских отношениях. Разумеется, смена языка диалога и нормальные экономические контакты могут смягчить напряженность, однако более глубокие изменения невозможны из-за стратегии России, стремящейся создать империю нового типа: политико-экономическое пространство, выходящее за пределы бывших вассальных территорий (...) и управляемое с помощью давления и зависимости (...) Польская карта разыгрывается именно исходя из этой концепции. Это должно усыпить бдительность Евросоюза, ослабить польскую решимость (...) и предотвратить возможность появления общей восточной политики ЕС (...) Россия может достичь этого, втягивая Польшу в исторические споры и убедительно доказывая, что наша русофобия разрушает европейскую (...) атмосферу добрососедства. Ни одно демократически избранное польское правительство не установит с Россией приемлемых для общества и стабильных взаимоотношений без согласия российской стороны на расследование и осуждение (хотя бы российской общественностью) преступлений против польских граждан, совершенных после 17 сентября 1939 года». (*Кишиштоф Ясевич, «Впрост», 7 мая*)

• **«Вчера новым послом России в Варшаве был назначен Владимир Гринин. Ранее 59-летний российский дипломат возглавлял посольство РФ в Финляндии, а до этого работал, в частности, в Германии и Австрии (...) Посла в Польшу у России не было со времени смерти предшественника Гринина в июне 2005 года».** (*«Газета выборча», 27 апр.*)

• «Новым послом Польши в Москве стал (...) 62-летний социолог и дипломат Ежи Бар (...) Бар работает в МИДе с 1974 года. После введения военного положения он оставил дипломатическую деятельность. В 1983 г. получил политическое убежище в Австрии. В эмиграции сотрудничал, в частности, с радио «Свободная Европа». В 1986-1991 гг. был экспертом Швейцарского восточного института в Берне. Был советником посольства в Москве, генеральным консулом в Калининграде, послом в Киеве, а затем в Вильнюсе (...) Возглавлял президентское Бюро национальной безопасности». (*«Газета выборча», 28 апр.*)

• **«Белоруссия — это остров во все расширяющемся море демократии и свободы», — сказал президент Лех Качинский на международной конференции в Вильнюсе. Россия, Белоруссия, энергетическая безопасность и укрепление демократии в постсоветских странах, где недавно победили цветные революции, — таковы были главные темы конференции «Общее видение общего добрососедства», на которой встретились главы государств Центральной и Восточной Европы, а также западные политики.»** (*«Дзенник» и «Жечпосполита», 5 мая*)

• «За жертв чернобыльской трагедии молился президент Лех Качинский в варшавском православном кафедральном соборе (...) Глава Польской Автокефальной Православной Церкви вручил президенту икону Богородицы. «Прошу вас, господин президент, молитесь перед этой иконой, памятуя в своих молитвах и о православной Церкви», — сказал архиепископ Савва. (*«Тыгодник повсехний»*, 7 мая)

• Отец Емельян Ковч. «Он был украинцем, греко-католическим священником из Перемышля. Погиб в Майданеке, куда поехал за помощью евреям (...) До войны он защищал украинцев от дискриминационной политики польского правительства (...) за что и был арестован. После прихода советской власти защищал поляков, в частности, оказывал помощь семье одного полицейского. Когда пришли немцы, помогал евреям (...) После того как гитлеровцы подожгли синагогу в Перемышлянах вместе с молившимися в ней евреями, многие видели, как отец Ковч вбежал в огонь и выносил людей. Иоанн Павел II причислил его к лику блаженных. Евреи удостоили его титула цадика (т.е. праведника) (...) Он воспринимал Евангелие дословно. Об этом мы знаем от свидетелей — украинцев, поляков и евреев». (*Табелуи Соболевский, «Газета выборча»*, 14 апр.)

• «Чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь в Республике Польша Павел Латушко вернулся в Варшаву. Посол Латушко был отозван на консультации в Минск (...) после того как премьер-министр Марцинкевич и лидер белорусской оппозиции [Александр Милликевич] подписали соглашение о приеме в польские вузы белорусских студентов, подвергшихся репрессиям за оппозиционную деятельность». (*«Жечпосполита»*, 15-17 апр.)

• «Бывший посол Польши на Украине Марек Зюлковский удостоился высшей украинской награды — ордена Ярослава Мудрого (...) Зюлковский был послом в то самое время, когда на Украине были фальсифицированы президентские выборы, что повлекло за собой «оранжевую революцию» и избрание президентом Виктора Ющенко. За активное участие в демократических переменах на Украине бывший польский посол и был награжден украинским орденом». (*«Газета выборча»*, 12 апр.)

• «Двое украинских граждан отсидели 4,5 года за шпионаж в пользу польской разведки. Киевский гарнизонный военный суд признал майора Олега Гриценко и его бывшую жену Людмилу виновными в измене родине, так как они передавали полякам тайные сведения об украинских вооруженных силах». (*«Газета выборча»*, 11 апр.)

• Ежи Помяновский: «Я считаю, что торжества в Павлокоме с участием президентов Польши и Украины имели первостепенное значение и стали подлинным шагом к искреннему примирению между нашими народами (...) Примирение в Павлокоме важно также для нашего собственного исторического сознания (...) Больше всего бед принесло Польше желание господ-

ствовать над нашими восточными соседями (...) Решение совместно почтить память нескольких сот украинских жертв [польского] преступления в Павлокоме может свидетельствовать о том, что наша внешняя политика наконец-то возобладала над внутренней». (*«Жечпосполита»*, 12 мая)

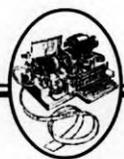
• «За три года существования польской миссии в Ираке через нее прошли более 10 тыс. солдат. В Ираке побывал каждый четвертый польский офицер и солдат-контрактник из сухопутных войск. В настоящий момент там служат 900 человек. «Приобретенный нами опыт бесценен», — говорят участники миссии (...) Есть и потери: начавшаяся три года назад интервенция стоила жизни 17 польским солдатам; 80 человек вернулись домой ранеными; для более чем 20-ти миссия закончилась инвалидностью». (*Гжегож Прачик, «Жечпосполита»*, 12 апр.)

• «Лех Качинский подписал закон, предписывающий создание советов трудовых коллективов (...) Закон касается предприятий, на которых работает по меньшей мере 50 человек. Советы должны представлять интересы трудовых коллективов в контактах с работодателями, играть роль посредников и помогать в разрешении конфликтов. Работодатели обязаны информировать советы об экономическом положении предприятия, а также об изменениях в организации труда и занятости». (*«Дзенник»*, 29 апр. — 1 мая)

• Профессор Ежи Регульский из Фонда развития демократии: «Каждые четыре года в Польше происходит смена чиновников — в большинстве случаев их меняют на «своих». Еще до выборов работа во многих учреждениях замедляется, так как в ожидании результатов голосования чиновники боятся принимать какие-либо решения, не желая вызвать недовольство тех, кто может выиграть. В результате этого круговорота чиновников государство начинает буксовать». (*«Дзенник»*, 27 апр.)

• Мария Гинтовт-Янкович, основательница и директор Всепольского [высшего] училища государственной администрации: «Как человек, руководящий училищем уже 16 лет, со дня его основания, должна признать, что пока правительство Казимежа Марцинкевича очень выгодно [отличается от своих предшественников] с точки зрения наших выпускников (...) Судя по количеству предложений, поступающих в школу от правительства, новая власть нуждается в молодых высококвалифицированных служащих (...) Я не заметила также, чтобы многие компетентные служащие лишались работы (...) Мне кажется, что правительство Казимежа Марцинкевича ведет довольно разумную кадровую политику». (*«Дзенник»*, 29 апр. — 1 мая)

• «Радио «Мария» стало частью фронта, который может изменить Польшу», — заявил председатель «Права и справедливости» (ПиС) Ярослав Качинский. Качинский убеждал, что «яростная кампания» других СМИ против торунской радиостанции — это «удар по возрождению Республики». «Сказать, что это радио не имеет права на

существование в демократическом государстве, могут только враги свободы и демократии», — сказал Качинский. («Дзенник», 2-3 мая)

• **Марек Эдельман, последний оставшийся в живых руководитель восстания в варшавском гетто:** «Враг демократии — это тот, кто допускает распространение антисемитских, националистических и фашистских настроений; тот, кто хочет вызвать ненависть к «чужакам», к людям, по-другому смотрящим на мир, и потому называет их врагами Польши (...) Если эта новая, «возрожденная» Республика будет говорить на языке ненависти, которым продолжает пользоваться радио «Мария», то я действительно против (...) Я против радио «Мария», и это значит, что я за демократическую и справедливую Польшу, за Польшу, которая не забыла об идеалах I съезда «Солидарности»». («Газета wyborcza», 2-3 мая)

• «Торунская прокуратура сочла оскорбительным для евреев воскресный радиопелетон Станислава Михалкевича, прозвучавший в эфире радио «Мария», и возбудила по этому факту уголовное дело». («Тыгодник повieszny», 7 мая)

• «Программный совет радио, новый устав и договор между епископством и орденом редемптористов [формальным владельцем радио «Мария»] должны оздоровить ситуацию на радиостанции о. Тадеуша Рыдзька. Таково решение епископов (...) Дискуссия о радио, которое Ватикан обвиняет в политизации, и о правовом урегулировании его ситуации продолжалась почти целый день». (Эва К. Чачковская, «Жечпосполита», 4 мая)

• Председатель Конституционного суда Марек Сафьян: «На наших глазах происходит деградация правового государства (...) Именно так следует расценивать приписывание Конституционному суду действий, противоречащих государственным интересам, направленных на защиту патологических явлений (...) или обусловленных защитой частных интересов определенных кругов (...) Хотелось бы напомнить, что решения Конституционного суда — это не одно из возможных истолкований законодательства (...) Это позиция независимых судей, выраженная в виде постановления, принятого именем Республики». («Газета wyborcza», 25 апр.)

• Из резолюции Сената Ягеллонского университета о политической ситуации в стране: «Сенат Ягеллонского университета выражает сожаление в связи с тем, что в процессе политической борьбы и конфликтов последних месяцев (...) глубоко деформировались четыре основополагающих для демократических институтов ценности: чувство общего блага, готовность служить обществу, ответственность и взаимное доверие (...) Печальным свидетельством такого положения дел стали попытки дезавуировать Конституционный суд — один из столпов законности. Мы не можем оставаться равнодушными и к несправедливым оценкам интеллектуальных и научных кругов, включая выдающихся нравственных авторитетов. Краков, 19 апреля 2006 года». («Тыгодник повieszny», 7 мая)

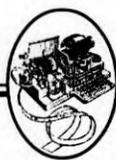
• «Давно уже политикам не доставалось от епископов так, как в эту Пасху (...) Председатель епископата архиепископ Юзеф Михалик напомнил, что они должны руководствоваться благом других, а не собственной выгодой: «Здоровая политика — это не искусство перехитрить других, не лифт, поднимающий на пьедестал значимости меня и мою партию, но школа мудрости и строительства мостов и дорог к другим людям. Это труд ради общего блага, радение о народе и отечестве, бескорыстная жертвенность ради других»». («Газета wyborcza», 18 апр.)

• Согласно опросу ЦИОМа, президенту Леху Качинскому доверяют 43% поляков, хотя еще в январе эта цифра составляла 64% (...) Его брату Ярославу, председателю ПиС, (...) доверяют 34% опрошенных. За месяц лидер правящей партии потерял доверие 10% опрошенных, а за четыре месяца — 19%. Председатель «Самообороны» Анджей Леппер потерял 2% доверия, и теперь ему доверяют 36% поляков, а не доверяют 47%. Ярославу Качинскому не доверяют 46% опрошенных. («Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 13 апр.)

• «Полиция произвела обыск в квартире пенсионера, пошедшего два мейла с фотографией, на которой изображены две нырнувшие утки, и подписью: «А теперь, дорогие избиратели, поцелуйте нас в гузки!» Интернет — это страсть пана Александра, 50-летнего пенсионера-инвалида из Эльблонга (...) Полиция и прокуратура отреагировали молниеносно (...) По словам самого виновника, в прокуратуре он уже услышал, что за оскорбление главы государства может сесть на три года». (Гжегож Янковский, «Газета wyborcza», 27 апр.)

• Согласно опросу ТНС ЦИМО, правительство положительно оценивают 23% поляков, а отрицательно — 69%, премьер-министра Марцинкевича — соответственно 58 и 32%, президента Качинского — 35 и 55%. По данным ЦИОМа, президента Качинского положительно оценивает 31, а отрицательно — 49% опрошенных, Сейм — соответственно 12 и 76%. Проведенное ЦИМО обследование избирательских предпочтений дает «Гражданской платформе» (ГП) 36% голосов. Если бы выборы прошли в начале апреля, ПиС набрало бы 27%. («Тыгодник повieszny», 30 апр.)

• Радослав Марковский (ПАН): «Польская партийная система характеризуется (...) нестабильностью партий и электоратов. Показателем нестабильности партийной системы является «текучесть электората», т.е. переход голосов между партиями. В Западной Европе эта «текучесть» уже полвека составляет менее 9%, а в Польше между выборами 2001 и 2005 г. она достигла 38% (...) Целых 26% избирателей голосуют то за левых, то за правых (...) Как у ПиС, так и у ГП есть «устойчивый электорат», составляющий приблизительно по 5-6% от общего числа избирателей (...) У ГП электорат более дисциплинированный, чем у ПиС (...) Не в пользу ПиС говорит и тот факт, что за него голосовала значительная часть сельского электората, который (...) способен

поддержать другие силы, приведя партию не только к поражению на выборах, но и к исчезновению с политической сцены». (*«Газета wyborcza»*, 24 апр.)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), самое положительное влияние на ситуацию в стране поляки приписывают кардиналу Станиславу Дзивишу и Ежи Овсяку (создателю «Большого оркестра рождественской помощи», покупающего аппаратуру для детских больницы) — оба они получили по 76% положительных оценок. 3 и 4 места разделили Вислава Шимборская и Казимеж Марцинкевич (по 64%). Хуже всех был оценен директор радио «Мария» о. Тадеуш Рыдзык, получивший 70% отрицательных оценок. Лидер «Лиги польских семей» (ЛПС) Роман Гертых получил 58, Анджей Леппер — 43, а Ярослав Качинский — 42% плохих оценок. (*«Газета wyborcza»*, 19 апр.)

• Президент Лех Качинский вручил председателю ЛПС Роману Гертыху и председателю «Самообороны» Анджею Лепперу указы об их назначении. Оба они стали вице-премьерами и министрами. Гертых возглавил министерство образования, Леппер — сельского хозяйства. Министром труда стала Анна Калята из «Самообороны», министром строительства — Антони Ящак, тоже из партии Леппера, а министром морского хозяйства — 28-летний депутат ЛПС Рафал Вехецкий. Теперь у кабинета Марцинкевича есть большинство в Сейме. Он может рассчитывать на 245 голосов. (*«Дзенник»* и *«Жечпосполита»*, 6-7 мая)

• «Приговор действующему вице-премьеру (...) вступил в законную силу (...) Варшавский апелляционный суд отклонил апелляцию защиты Анджея Леппера, приговоренного к году и трем месяцам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком за клевету на политиков СДЛС и ГП с трибуны Сейма в 2001 году. «Анджей Леппер злоупотребил должностью в политических целях, вел грязную политику», — сказал в обоснование приговора судья Ежи Ледер, напомнив, что в момент произнесения достопамятной речи Леппер занимал пост вице-маршала Сейма». (*«Жечпосполита»*, 9 мая)

• Согласно опросу ЛСИ, тем, что Анджей Леппер стал вице-премьером, довольны 28% поляков, а недовольны 64%. В случае Романа Гертыха эти цифры составляют соответственно 24 и 63%. (*«Газета wyborcza»*, 6-7 мая)

• «Впервые у нас появилась правительственная коалиция, которая в культурном и ментальном отношении очень близка польской провинции, той части Польши, которую во всех послевыборных анализах уже много лет именуют Польшей категории «В» или «С». Эта Польша не вкусила плодов преобразований, чувствовала себя в стороне от перемен, не могла приспособиться к новым реалиям. В этой Польше антикоммунизм — зачастую иррациональный и эмоциональный — смешивается с сильной привязанностью к пензюровской социальной безопасности на низком уровне, а приверженность традиции проявляется главным образом в виде приверженности церковной обрядности». (*Янина Парадовская, «Политика»*, 13 мая)

• «Существует три причины, по которым Леппер играет в польской политике не только отрицательную роль. Во-первых, в свое время уже одно появление «Самообороны» напугало политиков и склонило их к оздоровлению системы. Во-вторых, у преобразившегося Леппера есть шанс ввести своих избирателей в мир гражданского общества или по крайней мере уменьшить их недоверие к системе (...) В-третьих, у Леппера есть шанс стать символом амбиций и успеха простых людей, а такие герои очень нужны». (*Игорь Залевский, «Впрост»*, 7 мая)

• «В политической родословной всех новых союзников ПиС есть внушающие опасения связи с Востоком. Радиопередатчики Рыдзыка по непонятным причинам и наверняка не без согласия Кремля размещены в России. Леппер поддерживает отношения с близкими к российским спецслужбам панславистами из бывшего СССР; вдобавок всем известна его нескрываемая симпатия к Лукашенко (...) ЛПС, «Самообороны» и радио «Мария» много лет делали все, чтобы не допустить переход Польши в западную сферу влияния. Если бы Третья Речь Посполитая, следуя их советам, отказалась от вступления в НАТО и ЕС, сегодня мы были бы легкой добычей путинской России (...) Братья Качинские и основная часть их избирателей — это люди, отличающиеся горячими патриотическими чувствами. Зависимость правительства от представителей опасной для Польши восточной ориентации уязвляет самую суть их самосознания». (*Яцек Жаковский, «Дзенник»*, 4 мая)

• Лешек Бальцерович: «В каждом обществе есть течения, объединяющие людей, которые ввиду своих личных особенностей или жизненной ситуации готовы поддержать действия, тормозящие развитие. В каждом государстве встречаются политики, которые хотят усилить такие вредные течения. Общество побеждает, если ему удастся противостоять этим тенденциям (...) Несколько лет назад в Словакии правил Мечьяр, и некоторые утверждали, что он отражает национальный характер словаков. А потом те же самые словаки стали примером для всей Европы, выбрав правительство, в котором пост вице-премьера занял Миклош». (*«Газета wyborcza»*, 19 апр.)

• Митрополит Люблинский Юзеф Житинский: «Арифметика партийных союзов не может быть важнее этики. Если в политике отодвинуть нравственные принципы на второй план, это станет своего рода наградой для людей, не считающихся с понятиями чести, стыда и порядочности». (*«Дзенник»*, 9 мая)

• «Министр иностранных дел Стефан Меллер подал в отставку». (*«Дзенник»*, 29 апр. — 1 мая)

• Новым министром иностранных дел стала Анна Фотыга, ранее замминистра. В свое время она была советником по внешней политике премьер-министра Ежи Бузека. В ее послужном списке есть также многочисленные заграничные стажировки и должности, в частности, в Европейском банке реконструкции и развития и во Всемирном банке. Заняв должность статс-секретаря МИДа, она отказалась от мандата евродепутата

та. Это первая женщина, возглавившая польское дипломатическое ведомство. (*«Жечпосполита» и «Газета wyborча», 10 мая*)

• «Увязка польского вопроса с англо-франко-российским союзом [в годы I Мировой войны] была великой заслугой [Романа] Дмовского (...) Именно благодаря его действиям державы, воевавшие с Германией и Австрией, начертали на своих знаменах лозунг возрождения независимой Польши, зная, что она будет их лояльной союзницей (...) И именно ему мы обязаны выгодными для нашей страны постановлениями Версальского договора. Учитывая эти неоценимые заслуги, которых не могут перечеркнуть менее славные страницы его деятельности, Дмовский вполне достоин памятника». (*Томаш Наленч, «Впрост», 14 мая*)

• «Пятиметровый памятник Роману Дмовскому будет поставлен не где-нибудь, а на [варшавском] Королевском тракте (...) «За заслуги Романа Дмовского перед Польшей его именем уже названа варшавская площадь. И хватит. Все-таки это был мрачный антисемит, и украшать столицу его памятником, по-моему, излишне», — считает проф. Анджей Гарлицкий». (*«Газета wyborча», 25 апр.*)

• «Люблинская комиссия по расследованию преступлений против польского народа, работающая при местном отделении Института национальной памяти (ИНП), провела 50 расследований по делу об истреблении лиц еврейской национальности в годы II Мировой войны. «Нам неважно, кто убил: поляк, украинец или немец», — говорит председатель комиссии Яцек Новаковский (...) Впрочем, трудно определить, кто был виновником преступлений, совершенных столько лет назад (...) Даже если убийцы до сих пор живы. В настоящее время комиссия занимается 60 очередными расследованиями по делу об уничтожении евреев на Люблинской земле». (*Магдалена Божко, «Жечпосполита», 24 апр.*)

• «В канун 63-й годовщины восстания в варшавском гетто представители правительства, еврейской общины и Израиля почтили память его бойцов и жертв (...) Торжества в честь годовщины восстания были перенесены на предыдущий день из-за еврейской Пасхи (...) «Торжества должны быть в тот день, когда восстание действительно началось», — говорит Анна Лее, эмигрировавшая в Данию в 1968 году (...) С ней согласна актриса Еврейского театра Голда Тенцер: (...) «Тогда никто не смотрел, праздник это или нет. Было восстание. Мой отец, который в нем участвовал, часто спрашивал: где тогда был Бог?»» (*«Газета wyborча», 19 апр.*)

• «Венок к памятнику [Героям гетто] возложил президент Польши Лех Качинский. «Это было необыкновенно героическое восстание людей, которые сражались, чтобы дать свидетельство, ибо его военные шансы были равны нулю», — сказал президент». (*«Газета wyborча», 20 апр.*)

• «Более 9 тыс. участников «Марша живых» почтили память жертв концлагеря Аушвиц. Евреи и поляки вместе прошли путь из Освенцима в Бжезинку (...) Концлагерь Аушвиц был основан в 1940 г. как лагерь принудительного труда. Аушвиц-2 или Биркенау (Бжезинку) немцы построили двумя годами позже. В газовых камерах этого крупнейшего лагеря уничтожения гитлеровцы убили более миллиона человек — глав-

ным образом евреев, а также поляков, цыган и советских военнопленных. Начиная с 1988 г. «Марш живых» («Йом Га-Шоа») организует израильское министерство образования совместно с организацией «March of the Living». В 2005 г. в самом масштабном из них приняли участие 20 тыс. человек». (*Изабела Лецинская, Артур Дроздзак, «Дзенник», 26 апр.*)

• «Бывший премьер-министр Израиля и лауреат Нобелевской премии мира [Шимон Перес] приехал в Польшу на «Марш живых» в Освенциме. Вчера он посетил Плонск, родной город основателя государства Израиль Давида Бен-Гуриона (...) «Я всегда хотел увидеть место, сформировавшее Давида Бен-Гуриона», — сказал он в Плонске». (*«Газета wyborча», 25 апр.*)

• Анджей Леппер о себе: «Я три раза баллотировался в президенты и собираюсь баллотироваться снова. Я не скрываю, что участие в правительстве — тоже шаг в этом направлении (...) Я всегда хотел и по-прежнему хочу быть главой государства. Уже долгие годы это моя главная цель (...) Я не стыжусь своего членства в ПОРП — ведь я был всего лишь рядовым членом. А в воскресенье я, директор госхоза, ездил на бричке в костел (...) Я был самым молодым директором госхоза. И капитаном команды борцов — боксом я занимался очень недолго (...) Ручным вице-премьером я уж точно не буду». (*«Ньюсуик-Польша», 23 апр.*)

• Депутат от ГП Ярослав Валенса (сын Леха Валенсы): «Я обожаю сигары и сопутствующий им ритуал. Чтобы оценить вкус табака, надо закурить в подходящем месте и в подходящее время, например после хорошего ужина». (*«Впрост», 16 апр.*)

• «Польское монархическое движение празднует свое 15-летие (...) Штаб-квартира организации, насчитывающей 1100 членов, расположена в Катовице. До сих пор движение пожаловало дворянство, а также титулы барона и графа 300 человекам». (*«Дзенник», 24 апр.*)

• «Археологи обнаружили в Познани древнейший польский храм (...) Его построила Домбровка, чешская жена Мешко I, вероятно еще до свадьбы, т.е. до 965 года». (*Данила Кальбушовская, «Газета wyborча», 5 мая*)

• «Самому старому в Польше дереву, тису, растущему в Генрикове-Зубанском, 1260 лет. Первые ростки он выпустил, когда (...) славянское племя вислян строило у реки деревянное поселение, названное Краковом». (*«Дзенник», 19 апр.*)

• По данным канцелярии президента, за последние пять лет польское гражданство получили почти 8 тыс. иностранцев: в 2001 г. — 776 человек; в 2002-м — 988; в 2003-м — 1471; в 2004-м — 1791; в 2005-м — 2696. Среди новых граждан Польши больше всего бывших граждан Украины, Литвы, Израиля, Белоруссии, Германии, России и Швеции. Получения гражданства надо ждать около двух лет. (*«Жечпосполита», 2-3 мая*)

• «В Польше впервые прошли рекомендованные Евросоюзом симулятивные учения по борьбе с птичьим гриппом (...) В четверг на одной из птицеферм при помощи углекислого газа было убито около 400 кур-несушек (...) Это невозможно сделать понарошку. Нужно научиться на практике, как это делать, сколько использовать газа». (*«Жечпосполита», 21 апр.*)

Лешек Волосюк

ПРОСТИТЬ И ПОЛУЧИТЬ ПРОЩЕНИЕ НЕ ЗНАЧИТ ЗАБЫТЬ

День 13 мая 2006 года останется в истории как очередной шаг на пути примирения поляков и украинцев. Важный, но вопреки надеждам одних и опасениям других — не переломный, ибо и те и другие не заметили... что перелом уже совершился!

В солнечную майскую субботу в деревню Павлокома в юго-восточной Польше съехались тысячи украинцев с Украины, из Канады и США, а также из разных частей Польши. Польские украинцы представляли население, выселенное в 1947 г. в ходе операции «Висла» на северные и западные земли Польши.

Прибыли президенты Виктор Ющенко и Лех Качинский, греко- и римско-католическое, а также православное духовенство во главе с кардиналом Любомиром Гузаром с Украины, архиепископом Юзефом Михаликом из Польши и польским православным епископом Авелем.

В маленькой деревне у подножья Карпат встретились представители обоих государств, а также церковной иерархии православия и обоих обрядов католичества, чтобы вместе с множеством украинцев и поляков — католиков, униатов и православных — почтить память 266 украинцев, убитых 3 марта 1945 г. одним из отрядов уже распущенной Армии Крайовой в отместку за 11 поляков, похищенных украинским подпольем.

Президенты произнесли речи о «прочном примирении, строящемся на истине», когда «наши народы показывают всему миру, что нет такого зла в истории, которое нельзя преодолеть», ибо «перед крестами Павлокомы, так же, как перед крестами Вольни, Подолья и еще многих трагических мест нашего прошлого, мы соединяем память и надежду» (Лех Качинский), не забывая о «тяжелом для десятков тысяч людей пути, который они прошли к этому акту примирения», пути, ознаменованному, в частности, «открытием мемориала Орлят на Лычаковском кладбище во Львове и сегодняшним открытием памятника жертвам», следовательно, «единственного настоящего пути, который может обеспечить нам перспективы на будущее» (Виктор Ющенко).

Духовенство и миряне на обоих языках пропели молитвы за души погибших. Были прочитаны отрывки из Евангелия о любви к врагам, милосердии и отпущении, чтобы и нам было отпущено.

Я видел слезы тех немногих, кто пережил эту трагедию, слезы родных и потомков погибших.

Я видел горечь многих украинцев.

Я видел горечь многих поляков.

— Мы приходим сказать нелегкие, но нужные слова: прощаем и просим прощения, — говорил архиепископ Юзеф Михалик, предостерегая: — Важно не уклоняться от трудных и горьких истин, не смягчать их истолкованиями, которые, вместо того чтобы целить, снова ранят, унижают и даже оскорбляют и приносят боль. Куда благородней признать истину, признаться в ошибках, прощать и просить прощения. До войны жители Павлокомы жили в согласии, создавали смешанные семьи, вместе праздновали, помогали друг другу. Политические обещания и интересы всё это разрушили. Сегодня мы стыдимся этой истории, горюем над ней.

Архиепископ заключил свою речь словами:

— Просим прощения.

***

День 13 мая 2006 года останется в истории как очередной шаг на пути примирения поляков и украинцев. Важный, но вопреки надеждам одних и опасениям других — не переломный, ибо и те и другие не заметили... что перелом уже совершился!

Президенты Украины и Польши во время траурной церемонии

Поляки и украинцы говорят друг с другом о трагических конфликтах сороковых годов прошлого века. В этих разговорах участвуют престарелые свидетели кровавых схваток. Над могилами тех, кому не удалось избежать смерти, стоят чудом уцелевшие и свидетельствуют о преступлениях.

Траурная церемония в Павлокоме — еще одно звено в цепи свидетельств памяти, подобное многим более ранним встречам, в том числе таким важным, как в Порыцко-Павливке на Волини в 2003 г., когда почтили память убитых там поляков, или на Лычаковском кладбище во Львове в 2005 г., когда были открыты реставрированные мемориалы польских «орлят» и украинских «стрельцов», погибших в братоубийственных боях за

Львов поздней осенью 1918 года. И — еще одно зернышко четок; религиозная метафора здесь уместна, так как этим встречам всегда сопутствуют молитвы верующих обоих народов.

— Надо, чтобы мы, поляки и украинцы, понесли это наследие в будущее, чтобы мы всегда находили в себе то, что в нас есть лучшего, — говорил президент Лех Качинский. — Чтобы мы умели с милосердием и дерзновением молиться Богу словами: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

***

Слова молитвы Господней, главной для христиан всех вероисповеданий, обрядов и оттенков, обретают здесь особую выразительность, сравнимую (а для верующих еще более глубокую) со знаменитым «Прощаем и просим прощения» — словами польских епископов, обращенных к немецким епископам в 1965 г., к чему я вернусь ниже.

Напомню, что первые разговоры о польско-украинском примирении начались намного раньше, еще в 1950-е, в кругах эмиграции, а на религиозной почве — в 1988 г., в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси. Еще жив был Советский Союз, где национальная и религиозная темы оставались под запретом, и эти встречи не могли происходить ни на Украине, ни в ПНР. Юбилейные торжества были проведены в Риме в октябре 1987 года. Вокруг Папы-славянина собрались католики греческого и римского обряда со своими епископами, в том числе с кардиналом Мирославом Любачивским, архиепископом Львовским (в изгнании), и кардиналом Юзефом Глемпом, примасом Польши, чтобы начать разговор о примирении.

Потом, в августе 1991 г., в Ченстохову на Всемирный день молодежи — встречу с Иоанном Павлом II — прибыло свыше ста тысяч юношей и девушек из бывшего СССР, в том числе больше половины — с Украины.

Еще позже, в 2001 г., Иоанн Павел II побывал на Украине и, в частности, призывал оба братских народа к примирению.

Я упрямо включаю веру в этот процесс, ибо без нее он был бы не полон.

— Перед нами еще много работы, необходимой для того, чтобы наши народы нашли взаимопонимание и были готовы к взаимному прощению, — говорил кардинал Любомир Гузар.

***

Все это доказывает, что примирение — не одноразовый демонстративный акт, но живой процесс. Историки из обеих стран собирают документы и свидетельства тех трагических дней.

Все более частыми и публичными становятся размышления о бессмысленности этих братоубийственных схваток. И — что, может, важнее всего — примирение зреет в умах и сердцах как тех, кто пережил и помнит, так и тех, кто родился позже и память эту унаследовал. Происходит это в духе стремления к

исторической истине и взаимной веры в добрые намерения обеих сторон. И с сознанием, что дурное прошлое раскрывают затем, чтобы строить хорошее будущее.

— Прощать могут только сильные, — заявил президент Виктор Ющенко. — Я склоняю голову перед жертвами этих трагедий, перед вами, мои дорогие украинцы и поляки. Вы ведете отважную и верную политику. Сегодня мы заявляем, что Украина и Польша демонстрируют новую политику солидарности. Да поможет нам Бог!

***

Меня, человека, который много лет внимательно следит за отношениями государств и народов Украины и Польши, поляка с фамилией, звучащей по-украински, потому что на Украине родились мои родители, того, кто с детства наслушался историй о резне на Воляни, но и о том, как соседи-украинцы помогали, рискуя собственной жизнью, — раздражают призывы ускорять или тормозить этот процесс. Я плохо воспринимаю как недовольство «гонкой преждевременных жестов и слов на вырост», так и прикрывание «мнимых виновников, обвиняемых лишь потому, что они из якобы враждебного нам народа».

Мое мнение таково еще и потому, что, родившись в Западном Поморье и поддерживая частые контакты с тоже родившимися там, но старшими по возрасту немцами и их потомками, я много лет наблюдаю польско-немецкое примирение. И тоже не могу избежать сравнений. Только в последнее время оно начало — и то постепенно — ускользать от политических деклараций высоких государственных мужей и спускаться ближе к рядовым людям. А это уже длительный процесс, притом намного чаще использующий факты общей судьбы изгнанников и общности современных интересов, нежели самые благородные намерения.

А фактов — хороших фактов, начиная с сотрудничества поверх границ и кончая путем в Европу, ведущим через Германию, — прибывает. И в опросах общественного мнения растет рейтинг доверия. Каждый год повышаются показатели симпатий поляков к соседям — немцам и украинцам. Начиналось же — напомним — с «рейтинга недоверия»!

Помню письмо польских епископов их немецким собратьям во служении (1965), переданное в ходе заканчивавшегося II Ватиканского собора, в канун празднования 1000-летия крещения Польши (1966). В ПНР не проводили опросов общественного мнения, созывали митинги с осуждением епископов, порицали их за то, что они высказываются от имени всей страны. И авторы письма, кардинал Стефан Вышинский и архиепископ Вроцлавский Бронислав Коминек, познали горечь поражения: не было адекватного ответа от немецкого епископата — первыми и с большим пониманием откликнулись тамошние евангелические Церкви. Однако вскоре (в декабре 1970-го) были подписаны первые государственные соглашения между ПНР и ФРГ. В результате немцы, родившиеся на западных и северных землях Польши, впервые смогли приезжать в родные места. Помню страх поляков, живших с 1945 г. в их домах: вот приедут поглядеть на семейное гнездо, а потом вздумают вернуться и отнять дома у здешних поселенцев. Но очень скоро их объединил опыт общей судьбы изгнанников. Таким образом, этот поступок польских епископов по сей день приносит и полякам, и немцам благословенные плоды.

— Ваш отец был братом моего родича Павла. Родство далекое, но я чувствую себя семейно связанным с вами. Я очень рад этой встрече. Знаю, что родом я из польской семьи, и никогда об этом не забывал, — говорит профессор Петро Потычний, украинец из Канады, автор монографии о Павлокоме (в том числе и о трагедии 3 марта 1945-го) солтысу Павлокомы Тадеушу Поточному, поляку.

***

Кто хочет побольше да поскорее — хочет дуновением согнуть лес и степь (и немецкий Черный Лес). Кто хочет поменьше да помедленней — палкой поворачивает к истокам Вислу и Днепр (и Рейн).

Все, что «сверх того, то от лукавого» — скажу это на библейском языке, который здесь, повторяю, и уместен, и просто необходим.

— Простить и получить прощение не значит забыть, — говорила Саломия, семья которой погибла в Павлокоме, а она выжила вместе с братом, потому что они были тогда в перемышльской гимназии.

О ЯЗЫКАХ ОБЩЕНИЯ

*Варшава — Калининград — Москва:
беседа со Станиславом Свиридовым*

Исследуя нынешнюю напряженность в польско-российском диалоге, русская редакция радио «Полония» провела цикл бесед, разъясняющих калининградский взгляд на проблему. Вот одна из них — со Станиславом Свиридовым, кандидатом филологических наук, замдекана факультета славянской филологии и журналистики Российского государственного университета им. Канта в Калининграде.

— Видна ли Польша из Калининградской области? Вопрос может показаться парадоксальным, но общий диагноз польских публицистов сводится к тому, что российская политика, когда ей удобно, вообще не замечает отдельных членов Евросоюза, а когда надо — замечает только отдельные страны ЕС, выстраивая с ними подчеркнуто дружественные отношения или идя на конфронтацию. Калининград же — ближе...

— Бог его знает, как там Польша видна из Москвы. Но уж из Калининградской области она видна очень отчетливо. И совершенно отдельно от Евросоюза. Даже учитывая движение образов других стран в сознании калининградцев, Польша остается в нашем сознании отнюдь не частью Евросоюза: Польша остается для Калининграда именно Польшей. Это, кстати, напоминает и образ самой области в Польше: из Варшавы она, пожалуй, не видна как нечто особенное, но вот из Ольштына, не говоря уже о Бранево, она видна как нечто совершенно особенное: уж больно она близкая и, очевидно, занимает полгоризонта. Точно так же и для нас полгоризонта занимает Польша. Давнее восприятие польского — как было модно говорить в советское время — брата в значительной степени сохранилось. И не из-за того, что сохранились стереотипы того времени, и не из-за того, что стереотипы исчезли, как и не из-за того, что они сменились новыми. Воспри-

ятие Польши как чего-то очень близкого сохранилось просто из-за того, что оно обосновано самой жизнью.

— Варшава и Москва говорят на двух совершенно разных языках — констатирует нередко печать, имея в виду вовсе не лингвистические различия двух славянских языков, а язык политического дискурса. В этом контексте называют хотя бы разногласия в подходе к, казалось бы, общим категориям — таким, как, допустим, права человека. Это свойство политики — или совокупности польско-российских отношений? Что подсказывает опыт единственной российской области, которая непосредственно граничит с Польшей?

— Я думаю, что по многим причинам говорить на общем языке можно. Общий язык есть. Когда мы говорим: Польша видит, Россия видит, Польша говорит, Россия говорит, — мы зачастую представляем себе правительства и официальные позиции. Когда же мы находимся на пересечении культур в приграничном регионе, то это пересечение не намерений того или иного правительства или политических верхов. Это пересечение на уровне граждан, на уровне общественности. Находить общий язык здесь всегда будет не так трудно, как в сферах тех или иных политических раскладов и игр.

Вы упомянули права человека. Вообще, если не считать права человека категорией политического языка, уже ставшей в его рамках не больше чем метафорой, то возможно ли различное их понимание? Конечно, возможно. Тем не менее на уровне человеческого оно не будет различаться так, как на уровне тех или иных политических концепций, языков политических процессов. Поэтому тут, безусловно, понимание не только возможно: оно просто есть. И степень имеющегося взаимного непонимания языков и текстов, составляемых на этих языках, я считаю, несколько гиперболизирована

довольно метафорическим использованием некоторых категорий. А также желанием спекулировать на этом метафоризме в полемике с оппонентом, в отстаивании своей точки зрения. Проще говоря, когда политик говорит «права человека» применительно к другому государству, он имеет в виду кучу разных вещей, которые, если назвать их прямо, с правами человека имеют мало общего. Если же политик говорит о своей стране и употребляет то же самое словосочетание, он тоже придает ему значение, которое порой причудливо уклоняется от обыкновенного, словарного, номинативного значения этих слов. Уровень же общественный, уровень человеческий — он от этой метафоричности в значительной степени свободен.

— А значит, при желании, выбор «эффективного» языка возможен?

— Когда люди общаются, они пытаются выбрать тот язык, на котором общение наиболее богато и многогранно, то есть тот язык, который для них общий. Язык политики из этой сферы исключается — из-за того, что он в большинстве случаев (причем это касается не только Польши и России, это почти всеобщая закономерность), ведет скорее к непониманию, нежели к пониманию. Политикам приходится применять семиотическую эквилибристику, чтобы добиться понимания на своем уровне, в то время как граждане запросто понимают друг друга, пользуясь языками, естественными для всех людей.

— Язык общения предполагает некие общие знаменатели, а находить их в польско-российском случае сложно из-за памяти о наиболее важных местах общей истории. Легко ли перейти от взгляда с точки зрения взаимных обид к взгляду с исторической точки зрения, например, общих бед? Он-то в прошлом веке на человеческом, как вы говорите, уровне уж точно был общим знаменателем.

— Думаю, что это реально скорее в будущем, нежели в настоящем. Потому что раздумывая о прошлом и прочитывая прошлое (тут опять мы говорим не о политических верхах, а о простых гражданах), мы прочитываем это прошлое по-разному — еще и в силу того, что это прошлое очень недавнее. Оно должно сначала уйти в более отдаленную перспективу. Люди, живущие ныне и пред-

ставляющие, собственно, активный пласт культуры, еще активно вовлечены в события, составляющие пласт этого недалекого прошлого. Поэтому различие прочтений все-таки имеет место и вряд ли будет решительно ликвидировано в ближайшее время. Язык общего прошлого мог бы — я подчеркну: мог бы — быть объединяющим началом, но вряд ли сейчас им станет. А со временем — станет. Я уверен, что со временем восприятие истории и в России, и в сопредельных странах с общей во многом судьбой станет менее эмоциональным, менее непосредственно затрагивающим личную судьбу и личную память каждого человека и в этом смысле со временем будет все более и более объединяющим моментом.

— В отношении опыта XX века можно сказать, что у сегодняшних калининградцев — как общности, как социума, живущего на земле с чужими культурными корнями, — этот опыт имеет особый характер.

— Исторический опыт сосуществования на этой земле — это очень редкий опыт, имеющийся у очень немногих регионов. Опыт того культурного строительства, которое было совершено — худо ли бедно, хорошо ли, плохо ли, но все-таки эффективно — за пятьдесят лет истории — это опыт довольно редкий. У нас в области часто вспоминают о том, что говорилось в прежние времена: что на территории советского государства строится новая историческая общность — советский народ. Калининградская область — это одно из немногих мест, где в каком-то смысле эта общность состоялась, где жизнь была построена силами людей, которые съехались из очень разных мест и регионов, но где жизнь строилась путем культурного синтеза, неподконтрольного какой-либо концепции или стратегии. И здесь решается задача, которую откладывала на будущее доперестроечная система. Задача совладать в конце концов с культурным наследием, которое несет эта земля, с культурной памятью. Не быть проглоченными этой культурной памятью и суметь стать ее наследниками. Наследниками по воле судьбы — так как по «культурной крови», если можно так выразиться, наследниками мы стать не можем. Если в культурном отношении у Калининградской области и есть что-то уникальное, так это именно этот опыт.

Беседу вел Якуб Садовский

Виктория Дунаева

НУЖНА ЛИ РОССИИ ЕВРОПА?

Польский Институт восточных исследований известен не только в Польше, но и далеко за ее пределами. Прежде всего благодаря Экономическому форуму в Кринице — ежегодному мероприятию, которое собирает известных политиков, экономистов, ученых, экспертов со всего мира. Однако Институт восточных исследований устраивает и другие, не менее интересные мероприятия — как, например, форум «Европа—Россия», который состоялся в Вильнюсе 23-24 марта. В форуме участвовали около 200 человек, представлявших страны Евросоюза и, конечно, Россию.

Среди участников были президент Литвы Валдас Адамкус, помощник президента России Сергей Ястржембский, председатель Парламентской ассамблеи НАТО Пьер Лелуш, председатель Комитета по международным делам шведского парламента Урбан Алин и другие известные политические и общественные лидеры и эксперты.

Вот что рассказал о задачах форума директор Института восточных исследований Зигмунт Бердыховский: «Нашей целью было вовлечь в европейско-российскую дискуссию как можно большее количество партнеров. Темы всех пленарных сессий и семинаров были разработаны нашим институтом совместно с нашими коллегами из России и Западной Европы. В результате нам удалось представить широкий спектр тем, связанных и с политикой, и с экономикой, и с общественным развитием, которые наглядно отражают жизнь современной Европы и России. Мы ознакомили участников конференции с докладом «Россия-2005». Это доклад о ходе преобразований, который мы издали вместе с рос-

сийским Центром политической конъюнктуры под руководством его директора Константина Симонова. Форум «Европа—Россия» проводится уже во второй раз. Первый состоялся в прошлом году в рамках Экономического форума в Кринице. Тогда мы и пришли к выводу, что необходимы ежегодные встречи представителей политической, экономической и интеллектуальной элиты России и стран Евросоюза для непосредственного обсуждения острых вопросов. Мы считаем, что эффективнее всего будет проводить эти встречи в разных странах. В этот раз нам оказали поддержку власти Литвы, а также Вильнюсский институт международных отношений и политических наук. Где пройдет следующий форум — пока трудно сказать. Может быть, в Берлине, Москве или Братиславе. Важно одно — встречаться, говорить и слушать друг друга».

Острые вопросы на форуме действительно обсуждались. Большой резонанс вызвало выступление Сергея Ястржембского, который заявил, что «Евросоюз не созрел для того, чтобы строить двустороннюю политику с Россией. Когда весь ЕС будет говорить о внешней и оборонной политике одним языком, тогда и возможно говорить о налаживании двусторонних отношений с Россией». Он также подчеркнул, что многие страны ЕС видят Россию по-прежнему как коммунистическое государство и не замечают изменений. А современная Россия развивает рыночную экономику и строит демократию, «хотя и по своим правилам».

Последнее замечание Сергея Ястржембского вызвало особенно оживленную дискуссию — так же, как и его слова о том, что ЕС «не должен ставить такие страны, как Украина, Беларусь и Молдова, перед выбором — или ЕС, или Россия». Представители Евросоюза решительно заявили, что речь идет не о вмешательстве, а о поддержке права народов на демократическое развитие и что принципы демократии едины для всего мира. Особенно острой критике политику России подверг председатель Парла-

ментской ассамблеи НАТО Пьер Лелуш. Он отметил, что российское общество на глазах превращается в автократическое, а оно заслуживает лучшего. Европа не может согласиться с тем, что Россия использует в качестве шантажа энергетическое оружие и свои геополитические возможности. «Ни одна демократическая страна Европы — подчеркнул он — не признаёт действий России в Южной Осетии и Абхазии правомочными и не разделяет позицию России по отношению к Косову».

Наверное, очень важно, что критические замечания в адрес друга друга не помешали конструктивному обсуждению различных аспектов сотрудничества России и ЕС. Были сделаны выводы, что «Россия и ЕС в одинаковой степени нужны друг другу», что «причина многих конфликтных ситуаций — недостаток знаний и информации»

и что «необходимо создать атмосферу доверия».

Интересные взгляды на значение этого форума высказали его участники. Александр Осипов, руководитель программы правозащитного центра «Мемориал», отметил, что наибольшую пользу из подобных встреч могут извлечь эксперты. Они получают возможность ознакомиться с позициями своих коллег, узнать, кто какой областью занимается, наладить необходимые связи. Он также добавил, что открыл здесь для себя много нового и будет использовать это в своей дальнейшей работе, возможно, в каких-то совместных проектах.

Для Константина Симонова, генерального директора Центра политической конъюнктуры, важно было другое: «Я увидел, что здесь собрались люди с разными взглядами, но готовые к дискуссии. Среди нас были и эксперты, которые находятся в оппозиции к нынешней власти в России, и представители властных структур, были и те, кто старается занимать объективную позицию и избегает оценочных рассуждений. Западные эксперты были представлены, я бы сказал, в основном *русоскептиками*. Однако у всех была возможность донести свою точку зрения. Это позволяет верить, что форум создается действительно как дискуссионная площадка, а не как пиаровский механизм, направленный или против России, или против Европы».

Тезисы наиболее интересных выступлений на форуме «Европа—Россия» можно прочитать по-польски, по-русски и по-английски на сайте Института восточных исследований — www.forum-ekonomiczne.pl

Тадеуш Конвицкий

Перевод
Ксении Старосельской

ПАМФЛЕТ НА САМОГО СЕБЯ

Отрывки из книги

Встреча русских и польских литераторов в старинной усадьбе под Варшавой. Русским коллегам впервые открыли глаза на то, как относятся к их стране в Польше и на Западе. Хоть у себя они и диссиденты, но советских людей привыкли считать любимцами всего мира. Страны-сателлиты так долго курили фимиам всему советскому, что даже у этих разумных и порядочных людей в голове многое перепуталось. Так что в лагере наших московских коллег наблюдается некоторое замешательство. Нужно как-то разрядить неприятную ситуацию. Выход один: вечером, в неофициальной обстановке, выпить огненной воды.

Я беру все на себя. Чувствую, что у меня на это достанет сил. Сажусь с друзьями-москалями за пиршественный стол. Откупориваем одну бутылку, вторую, третью.

А потом я вижу, что ничего не вижу. Темнота и клиническая смерть.

На следующее утро просыпаюсь, с тревогой озираюсь вокруг. Все в порядке. Одежда висит в шкафу, туфли аккуратно стоят около кровати, а я лежу, заботливо прикрытый одеялом.

Поспешно реанимирую себя и мало-помалу возвращаюсь к жизни. Потом спускаюсь на завтрак. Присаживаюсь за стол к своим слабакам-сородичам.

— Дал я русским прикурить, а? Но потом отключился, — заявляю нагло.

— Да уж. Ты свалился со стула, и русские отнесли тебя в комнату, уложили в постель, а потом вернулись и тут только начали пить.

Наблюдая за современной жизнью моего отечества, я прихожу к заключению, что для нас для всех было бы лучше и безопаснее, если бы депутатов парламента выбирали путем жеребьевки. Как некогда в древней Греции.

Развитие цивилизации лишило мужскую половину человечества многих возможностей азарта. Не на кого охотиться, нечего открывать в океанах и на таинственных континентах. Нет даже рыцарских турниров. Завоевывать независимых дам тоже нет смысла: мужчины смирились с равенством полов, а то и крутят любовь друг с другом.

Так что им осталась только политика, удовлетворяющая извечное стремление к азарту и риску. Оттого к этой несчастной политике рвутся с безумным блеском в глазах все кто ни попадя: невежды и ученые, недоумки и извращенцы, сексуальные маньяки и импотенты. Политика на нашей бедной планете — земля обетованная для неудачников.

Если б депутатов выбирали из всех членов общества с помощью жеребьевки, это, хотя бы частично, спасло бы нас от концлагерей, гитлеров, сталиных и тех, еще неизвестных изуверов, которые пока играют в песочницах.

Всем в Европе известно это странное сооружение, воздвигнутое в центре Варшавы; в ясную погоду его видно даже из Дублина и Лиссабона. Называется оно Дворцом культуры и подарено нам бывшим Советским Союзом. Строили Дворец русские, стараясь угодить — по их представлениям — вкусам поляков. Поэтому небоскреб щедро украшен деталями наподобие

тех, что советские архитекторы заметили в маленьких городках, в костелах и на железнодорожных вокзалах.

Вот и я строю свой дворец культуры из своих книг. Я сооружал его из разных элементов, повторяющихся в разных вариантах, лепил из собственного стройматериала, прихваченного из страны моего детства и из городов, куда меня потом забрасывала судьба. Везде — в подвалах, на первом этаже и на острие шпиля — папиллярные линии моих пальцев, а также следы моих тяжелых трудов, приступов отвращения и кратковременного энтузиазма. Конструкция эта из отдельных своих фрагментах уродлива, неудачна, едва держится.

Но есть у моего дворца культуры одна особенность: его не видно. Ибо стены я возвел из субстанции, подобной стеклу или воздуху, то есть из настроений, робких мыслей, сомнений и смутных предчувствий. Однако из этого скромного небоскреба сквозь прозрачные стекла моей эктоплазмы виден мой мир: женщины, которых я любил или хотел любить, мужчины, с которыми я соперничал, животные, сопутствовавшие мне, и огромные декорации скверной истории, рушащиеся от бурь, ураганов и тяжелого дыхания толпы.

Я стоял в окружении американских писателей, издателей и журналистов в салоне нью-йоркского ПЕН-клуба, председателем которого был тогда Ежи Косинский. Стоял, сжимая в кулаке два жетона на два дринка, полученные у входа. У меня здесь уже вышло несколько книг, я приехал из интересной страны, так что ко мне все время кто-нибудь подходил и пытался завязать светский либо профессиональный разговор.

Но я, к сожалению, из иностранных языков знал только польский. Поэтому после нескольких фраз типа: «How are you?», «Are you Polish?», «I am fine» — собеседник, разочарованный, отходил. Так что я стоял, гордый и одинокий, посреди большого зала и видел направленные на меня любо-

пытные взгляды, и наблюдал за попытками различных доброжелательных дам и господ ко мне приблизиться. Но самый первый мой собеседник, понизив голос, сообщал всем: «Брось, он не говорит ни на одном языке».

И я почувствовал себя пришельцем из приуральских степей, пастухом верблюжьих стад со свирелью в руке, в войлочном халате и сапогах с загнутыми носами, и меня охватил страх, что я вдруг взвою на каком-нибудь староцерковном наречии и станцую, допустим, лезгинку. Именно в этот момент во мне всколыхнулась какая-то могучая славянская сила, обуяла решимость родом изпод Грюнвальда, чудовищная гордыня правнука литовских бояр, и я пообещал себе тут же, не откладывая выучить английский.

Чуть поостыв, уже в Варшаве, я обзавелся дюжиной самоучителей и комплектом пластинок и магнитофонных кассет с уроками этого таинственного языка.

На следующий день, свежий и энергичный, уже в шесть утра я включил проигрыватель, магнитофоны и рьяно принялся за самоучители. Первый раздел назывался «First Lesson». Он был не длинный. Несколько страниц. К полудню я уже освоил первую половину первого раздела «First Lesson». До вечера успешно овладел оставшейся половиной. Но перед тем как лечь спать, убедился, что совершенно не помню первой половины «First Lesson». Заснул крайне подавленный.

Наутро я снова взялся за эту первую часть. Но напрочь забыл конец. Целый месяц я мучился с этим разделом, забывая то конец, то начало. И... сдался. Сломленный, отчаявшийся, слушал несущиеся из моей электроники мычание и стоны, которые называются английским языком. Беспомощно листал этот несчастный «First Lesson», ставший началом и концом моего лингвистического образования.

Однако нет худа без добра. Чем упорнее я учил английский, тем лучше говорил по-русски.

Ксения Старосельская

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Тадеуш Конвицкий стал одним из первых моих открытий в польской литературе. Я тогда еще только к ней «приобщалась», еще не знала, что это станет моей профессией, читала по-польски — как и многие в «послеоттепельной» стране, в основном журналы: «Пшекруй», «Фильм», «Кобета и жиче», — пробовала свои силы, переводя небольшие рассказы. «Современный сонник» Конвицкого впервые прочла по-русски, его перевела моя тетя и учительница, замечательный мастер Юлия Мирская, которой русский читатель обязан знакомством со многими выдающимися польскими писателями; «Сонник» был последней ее работой: она успела прочитать верстку, но уже не увидела книги, вышедшей в 1966 году.

Примерно тогда же я посмотрела фильмы режиссера Конвицкого: «Последний день лета», «День поминовения», «Сальто» — какие-то неожиданные, загадочные и пронзительные, по-своему уникальные — редко кто из прозаиков, владея искусством воплощать образы в слове, умеет переносить на экран свое видение реальности (и нереальности, потому что у Конвицкого эти два понятия близки и переплетены как мало у кого). И с тех пор я уже не пропускала ни одной его новой книги, выходившей в Польше, сначала в открытой печати, потом, когда его имя попало в «черные списки», в самиздате; приезжая в Варшаву, бежала в кинотеатр, чтобы еще раз увидеть старые фильмы, однажды даже попросила показать мне «Как далеко отсюда, как близко» в творческом объединении, где фильм снимался, потому что не было возможности посмотреть его раньше. И наконец, в 1987 году прочитала «Бохинь» — до сих пор это моя самая любимая книга Конвицкого. Тогда в Москве готовился к печати сборник писателя (вышел он много позже, почти через десять лет), мне предложили перевести «Хронику любовных происшествий», но я, зачарованная «Бохинью», упросила редактора, чтобы ее включили в состав сборника и перевод поручили мне. Переводческий опыт у меня тогда уже был не маленький, однако приступала к работе я с робостью, с опаской: а вдруг не получится? Но начала — и поплыла по течению, подстегиваемая душевным волнением и незримым присутствием автора; текст крепко держал при себе, властно управлял мною, ясность и точность польских слов требовали адекватных русских, но они находились, потому что пан Тадеуш постоянно был поблизости, стоял рядом с моим письменным столом и не позволял отклоняться в сторону, придумывать то, чего не было у него. А если такое случалось, не сердился — нет; впрочем, даже если и сердился, прямо этого не показывал, только усмехался, качал головой, чуть заметно морщился или отпускаял, как он это умеет, меткое ироническое замечание, — и я спохватывалась: ох, не туда меня занесло! — и возвращалась к его словам, к его филигранной прозе, к сути. (И однажды, в канун 1997 года, после выхода последовавшего за «Бохинью» «Зверочеловекоморока» была вознаграждена за свои старания полученным от Конвицкого письмом, в котором он высоко — ох, как же я гордилась и радовалась! — оценивает перевод и благодарит меня за то, что я «упорно перевожу и популяризирую некоего полячишку из Привислинского края»...)

Вслед за «Бохинью» и «Зверочеловекомороком» я перевела еще два романа: «Чтиво» и «Польский комплекс», отрывки из «Памфлета на самого себя». Спасибо петербургской «Азбуке» — редактор этого издательства Александр Гузман выловил «Чтиво» из немалого числа польских публикаций на страницах журнала «Иностранная литература» и напечатал отдельной книгой; вслед за этим «Азбука» выпустила переиздания еще двух книг Конвицкого: «Зверочеловекоморок» и «Хронику любовных происшествий» (в переводе М.Игнатов). Кроме того, есть вышеупомянутый сборник 1995 года, куда кроме «Хроники» и «Бохини» входит «Малый апокалипсис» (перевод А.Ермонского). Хочется надеяться, что нашего читателя это не насытит, что интерес к творчеству замечательного писателя не иссякнет — как не иссякал никогда интерес Тадеуша Конвицкого к нашей стране, к российской культуре, — что переводы и других его книг появятся в России.

С самим паном Тадеушем я познакомилась в Москве, когда в 1989 г. он привез на Московский кинофестиваль свой фильм «Лава» по «Дядям» Адама Мицкевича. Увидела его после показа среди актеров и членов съемочной группы — обожающих мэтра, наперебой рассказывающих, что ни с каким другим режиссером так прекрасно и легко не работалось. И неудивительно. Иным не мог быть автор *таких* книг! И сейчас я присоединяю свой голос к тому хору и к голосам многочисленных поклонников Конвицкого — писателя и режиссера, рискуя признаться: я люблю Вас, пан Тадеуш, Вы подарили мне столько чудесных часов, столько радости — ведь это огромная радость: на какое-то время превратиться в Вас (боюсь сказать: влезть в Вашу душу), думать Вашими мыслями, чувствовать Вашими чувствами. И простите, если, переводя Ваши книги, я в чем-то промахнулась, чего-то недоглядела. Долгих Вам лет, здоровья, сил, бодрости. С днем рождения!

Збигнев Мошуманский

КРАКОВСКИЙ МАНЕВР

В ночь с 11 на 12 января 1945 г. на Висле началось масштабное наступление советских войск, приведшее к тому, что весь немецкий Восточный фронт дрогнул и отодвинулся на запад. Определяя сроки наступления на Висле, Нареве и Немане, Ставка Верховного Главнокомандования назначила всем участвующим в нем фронтам разные сроки перехода к наступательным действиям. В ночь с 11 на 12 января первым нанес удар 1-й Украинский фронт под командованием маршала Конева. На следующий день наступательные действия против Восточно-прусской группировки немецких войск начал вести 3-й Белорусский фронт под командованием генерала Черняховского. 14 января удар по противнику нанесли одновременно 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова (на познанском направлении) и 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского (на эльблонгском направлении). Последними начали наступление войска правого крыла 4-го Украинского фронта под командованием генерала Петрова — 15 января они двинулись на Краков и Новый-Сонч.

Метод поочередного наступления отдельных фронтов на разных направлениях парализовал немецкую систему свободного перемещения резервных частей и сделал практически невозможной перегруппировку в оперативном масштабе.

Командующий немецкой Группой армий «А» генерал Гарпе, а также командующие 4-й танковой армией и 17-й армией не удивились направлению главного удара 1-го Украинского фронта и срокам начала операции. Прогноз отдела «Иностранные армии Востока» генерала Гелена от 5 января 1945 г. верно определял цель вислинского наступления и точно указывал направления главных ударов. Немцы ожидали советского наступления с сандомирского плацдарма еще в декабре 1944 г., но размах и сила артиллерийского огня застали их врасплох.

Трудное начало

Ограниченный успех первого дня операции не удовлетворил маршала Конева. Оценивая результаты боев, следует отметить, что в целом задачи, поставленные перед наступающими армиями, не были выполнены. Создается впечатление, что глубина продвижения советских войск (около 20 км) была запланирована слишком оптимистически — в условиях заранее подготовленной немецкой обороны, а также неблагоприятных метеоусловий (из-за нелетной погоды авиационная подготовка была отменена) она оказалась нереальной.

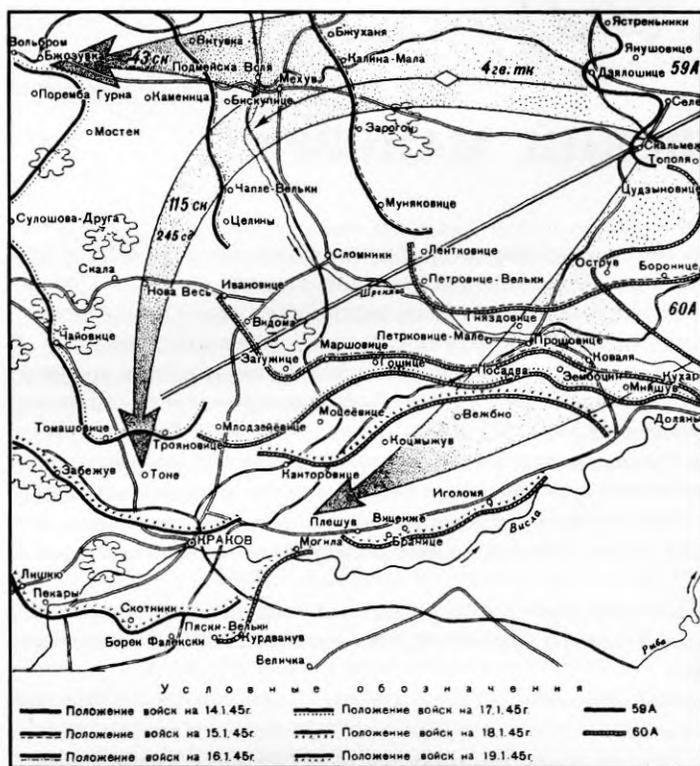
Второй день советского наступления завершился прорывом второй, а на некоторых участках даже третьей линии тактической зоны немецкой обороны. Однако немцы продолжали оказывать ожесточенное сопротивление.

Ситуация кардинально изменилась, когда в наступление перешли войска 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Расположенная на правом фланге 4-го Украинского фронта 38-я армия под командованием генерала Москаленко нанесла удар из-под Ясла в направлении Кракова по правому крылу немецкой 17-й армии под командованием генерала Шульца. Эти действия в сочетании с наступлением 60-й армии под командованием генерала Курочкина грозили отрезать главные силы 17-й армии от Кракова и Верхней Силезии, вынуждая их к отступлению на запад.

14 января маршал Конев задействовал 59-ю армию под командованием генерала Коровникова на стыке между 5-й гвардейской и 60-й армиями. Благодаря этому ускорилось движение войск левого крыла 1-го Украинского фронта, особенно 60-й армии.

Маршал И.С. Конев

Наступательные действия 1-го Украинского фронта на начальном этапе Висло-Одерской операции в январе 1945 года.

После прорыва тактической зоны обороны

После прорыва тактической зоны немецкой обороны полоса наступления 1-го Украинского фронта стала стремительно расширяться. Явственно обозначились три направления ударов фронта. Расположенные на его левом крыле 59-я и 60-я армии, а также 4-й танковый корпус продвигались на юго-запад — в Верхнюю Силезию. В центре 5-я гвардейская и 52-я армии наступали на Радом и Ченстохову. На правом фланге 13-я, 3-я гвардейская и 6-я армии расширяли полосу наступления на северо-западном направлении.

Стремясь использовать благоприятную ситуацию, командующий 60-й армией приказал корпусам, находившимся на левом берегу Вислы, ускорить наступление. Вечером 15 января передовые отряды форсировали Нидзицу, а к вечеру следующего дня вышли к Шреняве. Действовавший на правом берегу Вислы 106-й стрелковый корпус вытеснял отступающие дивизии немецкой 17-й армии.

15 января, уже сознавая неизбежность поражения, немцы совершили

последнюю казнь в краковском Домбье — там было расстреляно 79 человек. Они запланировали еще один расстрел на Гжегужках, но уже не успели: 16 января они начали в панике эвакуироваться из Кракова.

17 января маршал Конев приказал командующему 60-й армией продолжать наступление на западном направлении и к концу дня достичь внешнего кольца обороны Кракова. Между тем немцы перегруппировали свои силы, укрепив оборону на Шреняве. Утром 17 января они перешли в контратаку, чтобы отбросить от Шренявы соединения 60-й армии. Однако в это время 332-я стрелковая дивизия и 152-я танковая бригада, развивая успех 4-го гвардейского танкового корпуса и левофланговых дивизий 59-й армии, возобновили наступление на западном направлении и к вечеру 17 января дошли до внешнего кольца обороны Кракова.

Тем временем 59-я армия заняла Вольбром, а 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Полубоярова — Скалу. После этого корпус Полубоярова направился на юг, подойдя к внешнему кольцу обороны Кракова и захватив врасплох неготовые к атаке с этой стороны немецкие силы. В тот же вечер (17 января) 5-я гвардейская армия под командованием генерала Жадова после ожесточенных боев очистила от врага Ченстохову.

Ответственность за поражение Группы армий «А» Гитлер возложил на ее командующего генерала Йозефа Гарпе. 18 января он снял его с должности, назначив на его место генерала Фердинанда Шёрнера. Хотя эти кадровые перестановки не сопровождались существенным укреплением Группы армий «А», перед 59-й и 60-й армиями продолжали стоять силы противника, насчитывавшие почти восемь дивизий пехоты. Правда, после 15 января по правому флангу немецкой 17-й армии нанесла удар 38-я армия, но, ведя боевые действия в условиях труднопроходимой гористой местности, она развивала наступление достаточно медленно. 16 января она заняла Ясло и отбросила немецкий 59-й армейский корпус на запад от города, однако 545-я и 320-я народно-гренадерские дивизии не были разгромлены и все еще могли оказывать сопротивление.

Направление — Краков

17 января, приняв во внимание отставание 38-й армии 4-го Украинского фронта, а также невозможность прикрыть левое крыло 1-го Украинского фронта при наступлении на Верхнесилезский промышленный район, Сталин приказал маршалу Коневу сначала овладеть Краковом, а затем развить наступление на Верхнюю Силезию силами 59-й и 60-й армий.

В соответствии с этими указаниями 18 января Конев приказал командующему 21-й армией генералу Гусеву до 25 января форсировать Одер и занять рубеж в 15 км к западу от Ополе. Перед командующим 59-й армией была поставлена более близкая задача: обойдя Краков с северо-запада, занять город, а затем наступать на Сосновец и Гливице. Командующий 60-й армией генерал Курочкин должен был во взаимодействии с 59-й армией войти в Краков с северо-востока, а затем двинуться в направлении Хшанува, Рыбника и Рацибужа.

18 января, когда соединения 59-й армии продолжали наступление, ее командующий приказал 43-му стрелковому корпусу под командованием генерала Андреева нанести удар в направлении Олькуша, Славкова, Стшемешиц-Вельких и до вечера 19 января овладеть рубежом Лосень—Славков—Бур-Бискупий. Затем при содействии 115-го корпуса под командованием генерала Сергея Козачка войска Андреева должны были захватить Верхнесилезский промышленный район. 115-й корпус, наступая в направлении Остренжницы, Явожно и Гишовца, должен был выйти на рубеж Ценжковице—Хшанув, а затем занять Краков. Овладев бывшей столицей Польши, он должен был наступать на Катовице и при содействии 43-го стрелкового и 4-го гвардейского танкового корпусов занять Верхнесилезский промышленный район. 245-я стрелковая дивизия должна была очистить Краков от остатков немецких войск, удержать город вплоть до подхода 60-й армии, а затем наступать на Катовице вслед за 115-м стрелковым корпусом. 4-й гвардейский танковый корпус должен был совместно со 115-м стрелковым корпусом нанести удар по Явожно и Катовице.

Чтобы усилить ударную группировку 59-й армии, маршал Конев отдал в распоряжение генерала Коровникова 17-ю артиллерийскую дивизию прорыва и другие артиллерийские подразделения. Ввиду сильного сопротивления немцев к востоку от Кракова командующий фронтом приказал Коровникову использовать для взятия города не только 245-ю стрелковую дивизию, как предполагалось изначально, но и еще две дивизии (92-ю и 135-ю стрелковую) 115-го стрелкового корпуса, а также 4-й гвардейский танковый корпус.

Командующий 60-й армией генерал Курочкин еще в ночь на 18 января принял решение использовать для взятия Кракова 28-й и 15-й стрелковые корпуса, 15-ю танковую бригаду, а также выделенную ему 31-ю артиллерийскую дивизию прорыва. Его войска, пользуясь успехом левого крыла 59-й армии и 4-го гвардейского танкового корпуса, должны были занять Краков в тот же день. Часть этих сил должна была прикрывать город с северо- и юго-запада, а остальные — развивать наступление на западном направлении. Тем временем расположенный на левом фланге 106-й стрелковый корпус должен был продолжать преследование отступающего противника и 19 января форсировать Рабу, а затем при содействии 38-й армии разбить тарновскую группу войск 17-й армии.

Советские войска не собирались шадить Краков. Ожидая решительного сопротивления немцев на подступах к бывшей польской столице и в самом городе, маршал Конев приказал командующему 2-й воздушной армией поддерживать штурмующие Краков сухопутные войска, используя большинство сил и средств. В общей сложности для взятия Кракова, кроме пехоты и танкового корпуса, планировалось задействовать две артиллерийские дивизии прорыва и большую часть самолетов 2-й воздушной армии. Поэтому к приведенным во всех послевоенных советских воспоминаниях и научных работах заверениям маршала Конева и подчиненных ему командармов, что при планировании операции по взятию Кракова их главной заботой было спасение памятников старины и городских построек, следует относиться достаточно сдержанно. Подготовка к битве за Краков велась традиционным методом, характерным для советской школы штурма городов и крупных политико-экономических центров. Бои за Краков не стали продолжительными и разрушительными вследствие общего развития оперативной ситуации, сложившейся в конце второй декады января в районе бывшей польской столицы.

Директива командующего 1-м Украинским фронтом от 18 января 1945 г. предусматривала существенные изменения по сравнению с установками берлинской операции, разрабатывавшейся в ноябре 1944 года. Главным отличием стало создание сильной группировки войск на левом крыле фронта, перед которой была поставлена задача занять Краков и Верхнюю Силезию. Направление действий этой

группировки отклонялось на юг от главного, вроцлавского удара фронта. Это решение привело, с одной стороны, к разделению сил 1-го Украинского фронта и рассредоточению его усилий в слишком широкой полосе действий, с другой — позволило левому крылу фронта нанести два одновременных удара — по Кракову и Верхней Силезии.

Участие в военных действиях на верхнесилезском направлении 21-й и частично 59-й армии при одновременном ударе по Кракову 60-й, 38-й и частично 59-й армии поставило командующего немецкой 17-й армией генерала Шульца, отвечавшего за оборону Кракова и Верхней Силезии, в крайне трудное положение. Силы, которыми он располагал, были слишком незначительными, чтобы сдерживать советское наступление на обоих этих направлениях. Правда, до 18 января главные силы 17-й армии не были разбиты, однако армия понесла значительные потери. Это касалось прежде всего разгромленного под Кельце 48-го танкового корпуса, который командующий Группой армий «А» передал в распоряжение 17-й армии. Большие потери понесли также дивизии, переброшенные с правого берега Вислы на левый и оттесненные 60-й армией под Краков. После того как в наступление перешла 38-я армия 4-го Украинского фронта, атаке подверглось и правое крыло 17-й армии, которое с тяжелыми оборонительными боями отступило на запад. Потеря Ясла и вынужденное отступление дивизии 59-го армейского корпуса за Дунаец (17 января) заставили генерала Шульца вывести 11-й армейский корпус из района Тарнова, так как в противном случае он мог попасть в окружение. Корпус этот, преследуемый во время отступления советским 106-м стрелковым корпусом, понес потери, но сохранил боеспособность. В конечном итоге к 18 января генерал Шульц располагал 48-м танковым корпусом, а также 11-м и 59-м армейскими корпусами. При этом 48-й танковый корпус был равнозначен пехотной дивизии. В общей сложности, учитывая потери, которые армия понесла в ходе оборонительных боев, 18 января ее численность не превышала 60 тыс. человек.

Линия обороны 17-й армии шириной в 160 км тянулась от Нового-Сонча до Велюня. Генерал Шульц оказался перед дилеммой: что защищать, а от чего отказаться? Учитывая общую ситуацию на линии обороны Группы армий «А» и его собственной армии, Шульц пришел к выводу, что как с экономической, так и с военной точки зрения важнее удержать Верхнюю Силезию. Потеря Верхнесилезского промышленного района была бы чревата серьезным кризисом оборонного производства, а кроме того, привела бы к выходу советских войск в тыл защищающей Краков 17-й армии и в конечном итоге к ее уничтожению. Сдача Кракова, центра Генерального губернаторства, в политическом плане была болезненным ударом, но имела меньшее значение с военной точки зрения.

Во второй половине 1944 г. немцы восстановили и модернизировали старые австрийские форты вокруг Кракова, подготовив город к продолжительной обороне. На этих укреплениях, связанных с системой оборонных линий 17-й армии, Шульц намеревался задержать наступавшие с востока на Верхнюю Силезию советские войска. Решение отказаться от обороны Кракова далось Шульцу нелегко, но зато оно не грозило окружением правого крыла 17-й армии, которая до сих пор организованно отступала на очередные оборонительные рубежи и успешно сдерживала натиск советских войск. Защищавшаяся в Карпатах на стыке с 17-й армией армейская группа «Гейнрици» тоже стойко удерживала занятые позиции, в результате чего в наибольшей опасности было все правое крыло Группы армий «А». Отказ от Кракова имел еще и то достоинство, что подразделения, выделенные для обороны города, могли укрепить войска, защищавшие Верхнюю Силезию.

Бои за древнюю столицу Польши

Бои за Краков начались 18 января. За день до этого город бомбили летчики 2-й воздушной армии. Главными целями были железнодорожный узел в Скавине, район Францисканской площади, а также улицы Перацкого, Лоретанская, Любич, Страдом и Дитля.

Воздушный удар по Кракову и отголоски артиллерийской канонады вызвали панику среди оставшихся в городе немецких сановников. 17 января в 13.25 из города бежал губернатор Ганс Франк. Вся административная власть перешла в руки армии. В ночь с 17 на 18 января под покровом темноты город покинули последние представители немецкого штатского руководства. Между тем к северным предместьям уже подходил авангард 59-й армии. Вечером 4-й танковый корпус перерезал катовицкую дорогу, вследствие чего беглецы направились через Дембники в сторону Закопане. 18 января танкисты генерала Полубоярова достигли северных, северо-западных и западных предместий Кракова. Вскоре вслед за ними ударил 115-й стрелковый корпус 59-й армии, который в утренние часы занял Бронувице и курган

Костюшко (откуда открывался прекрасный обзор местности, дававший возможность точно направлять артиллерийский огонь). Затем, около полудня, наступая вдоль Длугой и Славковской улиц, 115-й корпус достиг Рыночной площади. Части, наступавшие с запада и северо-запада, были втянуты в бой на улицах Страшевского и Звежинецкой, где засел отряд власовцев. Под его прикрытием в направлении Дембник и дороги на Закопане поспешно отступали части Вермахта, СС и жандармерии. Советские войска вступали в город, преследуя отступающие немецкие подразделения.

Благодаря благоприятным метеоусловиям 18 и 19 января 2-я воздушная армия нанесла 612 авиаударов (в т.ч. 329 — бомбардировщиками По-2), поддержав 59-ю и 60-ю армии и полностью прервав сообщение на линии Скавина—Освенцим.

Вечером 18 января наступающие на Краков советские части с севера вышли к Висле. Немецкие войска отступили за реку, взорвав все мосты. В ночь с 18 на 19 января преследующие их советские подразделения по льду форсировали Вислу, но в правобережной части Кракова столкнулись с сильным сопротивлением немцев. Бои за полный контроль над городом продолжались до вечера 19 января. Ожесточенные схватки завязались в районе Подгуже, в окрестностях трудового лагеря «Либан», а также улиц Подскале, Кальварийской и Лагевницкой. Под прикрытием арьергарда немцы отступили на юг. Их силы в южных районах Кракова неуклонно таяли.

Между тем 60-я армия, подошедшая к Кракову с востока и северо-востока, натолкнулась на сильное сопротивление немецких войск. Командование 17-й армией, перегруппировав 344-ю дивизию с правого берега Вислы, бросило ее вместе с ранее перегруппированной 359-й дивизией и другими подразделениями на защиту подступов к Кракову. Начиная с 16 января силы эти неоднократно переходили в контратаку с использованием танков и самоходных артиллерийских установок. 17 и 18 января контратаки эти практически остановили наступление 15-го стрелкового корпуса и левого крыла 28-го стрелкового корпуса 60-й армии. 18 января дивизии 28-го корпуса и часть сил 15-го корпуса отражали эти контратаки, лишь незначительно продвигаясь вперед.

Лишь в ночь с 18 на 19 января дивизии 28-го стрелкового корпуса заняли исходные позиции для наступления. 19 января, после коротких, но ожесточенных боев при поддержке 226-й и 107-й стрелковых дивизий, Краков был взят. Однако столкновения на южных окраинах продолжались до самого вечера. 322-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои за старый австрийский форт в Райско. Только после ураганного артиллерийского огня и стремительного штурма пехоты немцы покинули форт, отступив на юг. Населенный пункт Гай несколько раз переходил из рук в руки. В конце концов немцы прорвались в направлении Мысленице и Сухой-Бескидской.

59-я армия, заняв Краков, двинулась на запад, в то время как 28-й и 106-й стрелковые корпуса 60-й армии еще вели бои к юго-востоку от города. Наступление всеми силами на Хшанув и Миколув армия могла начать лишь после завершения этих боев.

20 января Красная Армия выбила из Подгужа остатки немецких подразделений. В январских боях за Краков участвовали 40 тыс. советских солдат. Погибли 19 офицеров и около 1900 рядовых. Части, отличившиеся при взятии бывшей столицы Польши, получили почетное звание Краковских.

29 мая, 10 дней спустя, в древнюю столицу Польши вошли первые подразделения Войска Польского, которые провели там военный парад. Это были части 10-й пехотной дивизии, едущие из Жешува в Поморье.

Подводя итоги, следует отметить, что Краков удалось взять благодаря тщательной подготовке к операции (в частности, благодаря информации, переданной нам советской разведгруппой «Голос», сотрудничавшей с польским движением сопротивления) и выполнению обходного маневра силами 1-го Украинского фронта. Немцы готовились защищать город с востока, однако 4-й танковый и 115-й стрелковый корпуса нанесли удар с запада и северо-запада. Благодаря скорости действий советских войск из всех заминированных объектов (в частности, мостов, газового завода, электростанции, водопровода, железнодорожных станций, Горно-металлургической академии и театра им. Словацкого) немцы успели взорвать только мосты. И хотя в ходе боев было разрушено или повреждено около 450 зданий, историческая ткань города сохранилась!

Збигнев Мошуманский — полковник, доктор исторических наук, сотрудник Военного бюро исторических исследований, автор и соавтор 15 книг.

Януш Красинский

Перевод
Марины Курганской

МАЙ

Он стоял у окна, наблюдая за участниками банкета — одинокая фигура на фоне прямоугольника ночного неба. Гости сметали со стола салаты, стирая пятна майонеза с галстуков и второпях перекладывая вилку из левой руки в правую, чтобы в процессе еды не расставаться с рюмкой. По правде говоря, он даже не понял точно, где находится. Предположительно, в бывшем доме Ростовых, теперь тут помещался Союз писателей. Это был его первый вечер в Москве. Воспоминания о пережитом в тюрьме во времена сталинизма до сих пор мучили его, и здесь, в пасти льва, он снова почувствовал себя в опасности. Окружающие не внушали доверия, и Шимону было совершенно не до того, в чьих гостиных, каких убитых во время революции графов, его принимали. Разумеется, не его одного, а всю многочисленную польскую делегацию. Из гостиницы он прибыл сюда на «Волге» вместе с одним поэтом. По дороге тот шепнул Шимону на ухо: «Нам надо быть поосторожнее, чтоб случайно не сказать там чего не надо!» — «певец волнений и тревог», как писали о нем критики, цепенел от страха при мысли, что бывший узник сталинизма сболтнет за ужином лишнее. Шимон пожал плечами и ответил, что тогда непонятно, зачем вообще туда ехать. Лирик замолчал и больше не проронил ни слова. Распустил язык он уже на банкете. С разметающимися вокруг лысины седыми волосами, он блистал в кружке советских литераторов. Ну... лишь бы случайно, в пылу спора, они не сказали друг другу чего не надо! Толстощекий посланец Силезии подошел к окну, поставил у Шимона за спиной пустую рюмку, закурил сигару. Ах, какой съезд писателей он когда-то провел! Дорогие воспоминания! Сколько было выпито! «У нас на съездах тоже пьют, — заметил приглашенный русский поэт, — много пьют, но не так!» Он сам, организатор, умудрился тогда дважды рухнуть на пол с табурета, после чего раскрыл над головой зонтик, объяснив: «Падать будет не слишком больно». Свалился еще пару раз, но уже удачнее. Здесь, однако, он держал себя в руках. Как-никак в гостях, к тому же глава делегации.

Среди собравшихся было несколько второстепенных советских писателей из тех, кто всегда готов обменяться взглядами с коллегами из-за границы. Подвернувшийся случай вызвал у них желание срочно убедить иностранцев, что они проявляют недостаточный интерес к передовой советской литературе. Некоторые, опять-таки пользуясь случаем, сделались столь предупредительны и любезны, что позволяли своим собеседникам полностью выговориться, а сами помалкивали. Они сразу его насторожили. Не обошлось и без женщин в вечерних платьях. Содержанки пролетарской революции, подумал он, с ними тоже надо быть начеку. Столы ломились от холодных закусок: рыба, копчености, икра — черная и красная. За краем портьеры виднелись разложенные на подоконнике пачки сигарет лучших русских марок, разносили вина, разные сорта водки, шампанское. Атмосфера была изысканная и на первый взгляд непринужденная. Литераторши, общественные деятельницы, редакторши, блистая в свете хрустальных люстр поддельными драгоценностями, скрашивали вечер искрометным интеллектом и запахом духов.

Около высоких, роскошных филенчатых дверей стоял, потягивая из рюмки, молодой, чернявый и, кажется, не совсем трезвый мужчина. Он удивительно не вписывался в окружающую обстановку. Неряшливо одетый, в расстегнутой обвислой куртке и без галстука, он с мрачностью Маяковского издали посматривал на Шимона. Потом двинулся к нему. Подняв рюмку, произнес: «За ваше», выпил и спросил по-русски:

— Вы не взяли бы с собой в Польшу самиздат?

Прямоугольник самиздата, рукописи, которую он хотел издать за границей, явственно обозначался под несвежей рубашкой. Автор, ибо это наверняка был он, исподлобья, сквозь упавшие на глаза черные пряди волос, смотрел на Шимона, ожидая ответа.

— Возьмете?

Шимон прекрасно знал, как тяжела бывает цензура, но смолчал. Провокация?... Вряд ли, слишком грубая работа. Ну так что, взять и тоже засунуть под рубашку? Чернявый прочитал его мысли. Хлопнув себя по груди — звук подтвердил, что там пачка бумаги, — он быстро проговорил:

— Я вам это принесу в гостиницу.

Но в этот момент от ближайшей группы писателей отделился плешивый тип в обтягивающей живот жилетке; скрипя туфлями, он подошел к чернявому и сказал почти со злобой:

— Ты здесь не мешай. Ты оставь гостя!

Чернявый осушил рюмку до дна и сунул ее обалдевшему толстяку, после чего, брезгливо окинув его взглядом и буркнув что-то сердитое, быстрым шагом покинул зал. Уязвленный толстяк посмотрел ему вслед.

— Извините, — вымолвил он, обращаясь к Шимону, и поставил на подоконник злополучную рюмку.

Тем временем из глубины зала до Шимона доносились звуки ученых споров. Завтра делегация должна была лететь в Ташкент, а оттуда в Самарканд. Стоило ли удивляться, что разговор крутился вокруг средневековой истории Востока. Ян, душа-человек, который мог бы сделать много хорошего, если бы чересчур всего не боялся, и посланец Силезской земли, специалист по части пива и сигар, соревновались в знании предмета. Шимон позавидовал им, — не столько эрудиции, сколько тому, как свободно они держались. Рассуждать о монголах, сельджуках, о кочевниках, населявших империю Тамерлана, словно не замечая, что находишься в столице советской империи! Не думать о том, что здесь творится, откуда взялся этот злобещий режим, и заливать себя соловьем, будто в каком-нибудь Лондоне или Париже. Ему и самому хотелось бы представить, что он сейчас не в Москве, а где-нибудь на берегах Темзы или Сены. О Господи, надо успокоиться! Но у Шимона не получалось. Он чувствовал себя скованно, как вольноотпущенник во дворце восточных владык. Стоял с бокалом шампанского и, вода вокруг испуганными глазами, разглядывал собравшихся в этих бывших дворянских покоях, чтобы вовремя заметить, не наблюдает ли кто за ним. И тут он встретился взглядом с ней. Нет, не случайно. Она, не скрываясь, смотрела на Шимона. Его вдруг охватило беспокойство. Не то, из-за которого он не мог расслабиться, боясь пропустить сигнал опасности, нет... не то! Что, черт возьми, с ним происходит?! Забыты подозрительность, сверхосторожность, он не в силах сопротивляться, его бросает в жар. Изысканная, восхитительная дама на светском приеме в государстве победившего пролетариата! Он не знал, кто она — хозяйка вечера, редакторша, поэтесса?! Нервное напряжение спало, внезапную потерю бдительности он объяснил себе приступом сердцебиения. Дама оставила своих собеседников и подошла к нему.

— А вы так, сами с собой, почему? — спросила она, мешая русские слова с польскими, произнося их с певучим восточным акцентом. — Не знаете русского? Здесь есть переводчицы.

У Шимона вдруг сжалось горло и мелькнула крамольная мысль: как хорошо, что в разговоре с ней можно обойтись без посредников. У нее были светлые, густые, свободно ниспадающие на плечи волосы, коралловые не накрашенные губы, а ниже треугольного выреза черной ажурной блузки, где под лифчиком сходились тугие округлости груди, — бриллиантовая брошь! Он пожирал глазами синтетические бриллианты, словно желая увидеть сквозь них тайные, недоступные выпуклости ее тела. Она заметила и усмехнулась — слегка кокетливая улыбка женщины чуть старше его. Шимон это запомнил.

К ним подошла писательница из их делегации — партийная активистка, в свое время знакомая с Дзержинским, — и представила Шимона как молодого, многообещающего прозаика, который в период «ошибок и перегибов» имел несчастье отсидеть в тюрьме. Русская дама учтиво и невозмутимо слушала о его прошлом. В ее темных блестящих зрачках не отражалось ни удивления, ни беспокойства. Она улыбалась, давая понять, что не собирается избегать щекотливой темы, и, глядя на Шимона, как будто он ее знакомый, сказала, что знает об этом, потому что читала в польской газете один его рассказ. И добавила:

— Тюремный.

Тюремный?... Если тюремный, то наверняка его. Никогда бы не подумал, что кто-нибудь в Москве прочтет этот рассказ. Шимон смотрел на нее, не отрываясь, как зачарованный; сказал, что не ожидал встретить здесь свою читательницу, к тому же столь обворожительную.

И тогда активистка произнесла:

— Ты, наверное, догадался, что наша собеседница — Майя Конева, дочь маршала Советского Союза Конева?

Маршала?! Нет, а как он мог догадаться? Шимон потерял дар речи. Но лишь на секунду. Она же, слегка склонив набок голову, заглянула ему в глаза, словно желая показать, что ее знаменитый отец не должен его смущать, и проговорила:

— Не помню, когда читавши ваши рассказы, кажется, довольно давно.

Он подтвердил, что начал публиковаться несколько лет назад, вскоре после того как вернулся из заключения. Она была явно старше его — не стоило, наверное, акцентировать внимание на годах. И он поспешно добавил, что тот рассказ был напечатан только в газете, книга же не издавалась, и вскользь упомянул о цензуре. Майя недоверчиво переспросила:

— Неужели несколько лет? Должно быть, он произвел на меня сильное впечатление, если так запомнился.

Какая удивительная встреча! Он, враг советской власти, которому лишь недавно разрешили снять тюремную робу, и объект его восхищения — дочь советского маршала в длинной юбке из шелкового атласа и в черной ажурной блузке, красавица, которой его тюремная проза запала в душу! Шимон чувствовал в происходящем какую-то политическую несообразность, был взбудоражен, сконфужен, как никогда в жизни. Но чары не рассеивались, колдовство не исчезало. Она это заметила, хотя виду не подала. Ей было приятно, но его жадный взгляд все же смущал ее, и она отводила глаза, отчего он окончательно терял уверенность в себе. В горле пересохло, и Шимон не мог произнести ни слова, упуская шанс поговорить с ней на своем родном языке, без переводчика. Сказать ей?! То, что она прочитала его рассказ, было поистине счастливым стечением обстоятельств, необыкновенным подарком судьбы. Октябрьская газета, в которой он был напечатан, похоже, лишь чудом попала в Москву, да и то только в Союз писателей, а там, нечаянно, — ей в руки. Стоит ли говорить сейчас об этом?.. Но больше ничего не приходило в голову, и он произнес:

— Тюремный рассказ, которому я обязан знакомством с вами... — он проглотил слюну и замолк, сбившись с мысли. Глядя в ее глаза, глубокие, волнующие глаза русской красавицы, он закончил: — В общем, я никогда не писал о любви, но, наверное, попробую...

Ее ресницы дрогнули, она откинула волосы со лба, сделала строгие глаза и рассмеялась. Он хотел еще что-то добавить, но она приложила палец к губам, приказывая ему, словно ребенку, молчать. В зале было много гостей, и, как хозяйка вечера, она не могла надолго оставлять их без внимания.

Ожидая такси, Шимон предавался этим воспоминаниям. На стоянке находилось еще несколько человек, но машины подъезжали сюда чаще, чем куда бы то ни было, и ждал он недолго. Когда подошла его очередь, он сел и назвал адрес.

На площади Дзержинского, в окнах дома, мимо которого они проезжали, отражалось солнце — Лубянка!.. Каждый раз, когда Шимона приглашали в Москву и он оказывался в этом месте, ему вспоминалось другое приглашение: «Гвардии полковник Пименов — бригадному генералу «Медвежонку»* Окулицкому». Знаменитый банкет, устроенный после прихода Красной Армии на вилле близ Варшавы — встреча лидеров конспиративного польского правительства с генерал-полковником Ивановым. Какой там Иванов, возмущился он про себя, это был Серов! Такси двигалось очень медленно. Внушительное строение песочного цвета — Лубянка!.. Тут разыгрался последний акт прерванного тогда банкета. Где им выпало сидеть? Наверное, в глубине, где закрытые металлическими козырьками окна выходят во двор. Не здесь же, где, отражаясь от стекол, бьет в глаза солнце. Самый центр Москвы. Такси огибало памятник Феликсу Дзержинскому. Процесс шестнадцати — и сроки-то по нему дали не очень большие, думал он. Что они сделали с телом Окулицкого?.. Куда палачи с Лубянки бросали трупы своих жертв? Ведь совершенно ясно, что после вынесения приговора Окулицкого расстреляли. А что стало Ясюковичем, с Янковским?.. Они тоже не вернулись. Такси покидало площадь, каменный революционный палач стоял, держа руку в кармане шинели. Шимон погрузился в мрачные воспоминания: Черчилль, находившийся в Москве во время суда над военными союзниками Великобритании, не обмолвился о них ни единым словом. А Берут в ответ на просьбу Миколайчика поднять вопрос о приговоренных, ответил, что эти люди Польше не нужны. Шимон беспокойно дернулся на сиденье. Конев... Но ведь он едет не к Коневу, а к его дочери! Он вспомнил про цветы. Майя, редактор и издатель книги Шимона, сейчас, если верить корреспонденту ПАП, готовила к печати перевод его очередного романа. Жаль, что он без цветов, хоть бы одну розочку!

Он посмотрел в окно и заметил, что такси уже второй раз проезжает мимо гостиницы «Украина» с красной звездой на высоком шпиле. Привстав, он резко произнес по-русски:

— Я иностранец, но Москву знаю. Поезжайте, как надо.

* «Медвежонок» — псевдоним последнего командующего Армией Крайовой генерала Леопольда Окулицкого. — Пер.

— А я так и еду, — возразил таксист и повернул.

Темно-серое здание, до второго этажа облицованное шероховатым, грубо отесанным камнем, застекленные эркеры, опирающиеся на волюты, фризы с богатым орнаментом, профилированные карнизы, во дворе подъезд для конных упряжек — барские излишества, которым положила конец великая социалистическая революция. Мраморную лестницу, по которой он только что поднялся, заливал свет из разноцветного витражного окна, а на стенах лупилась и свисала лоскутами краска. Несмотря на остатки прежней роскоши, все носило отпечаток запущенности. На втором этаже он позвонил в дверь с круглой золоченой ручкой. Если бы дверь открыла не она, а лакей в ливрее, он бы нисколько не удивился.

— Я так и думала, что вы прибудете в Москву, — сказала она по-польски, когда он вошел. Теперь она обращалась к нему «пан», а не как раньше, на русский манер, «вы». — Очень мило, что вы дали о себе знать.

Шимон ответил: это первое, о чем он подумал, оказавшись в Москве, и, наверное, слишком долго смотрел ей в глаза. Она быстро отвела взгляд, он помрачнел.

В длинном темном коридоре виднелся целый ряд дверей, отсвечивающих матовым стеклом. Одна приоткрыта. Они зашли в комнату. На Майе было летнее цветастое платье, легкий клеш мягко обрисовывал бедра. Она пригласила его сесть и спросила, выпьет ли он чаю. В прошлый раз он отказался от кофе, когда был у нее.

В самом деле? Он совершенно не помнил, но раз она говорит...

— Я не забываю вкусов своих авторов, — произнесла она. — Правда, теперь вы в Москве в ином качестве, в составе съемочной группы... Но, кажется, она сейчас в Ленинграде? Так по крайней мере утверждают сегодняшние газеты.

Он объяснил, что да, действительно, группа вчера улетела, а он остался — выскочил из самолета.

— Как — выскочил? Надеюсь, не в воздухе? — она озадаченно смотрела на Шимона, точно тот нес чепуху.

— Нет-нет, еще на аэродроме. — И он рассказал ей, что, когда стюардесса принялась рассаживать пассажиров по чинам, он просто не выдержал и сбежал.

Она согласилась: то, что делается у них в «Аэрофлоте», особенно на внутренних линиях, уму непостижимо: пьяные пилоты, пассажиры — ну как это по-польски — левые, бабушки с бидонами не то молока, не то керосина. Неудивительно, что у него сдали нервы.

— Но ведь интересно... У меня гость, который выскочил из самолета. Так чем же мне вас угощать, чаем или кофе?

— Чаем, — ответил он. Она улыбнулась и вышла, оставив дверь приоткрытой.

Шимон огляделся вокруг. Он был здесь уже несколько раз и успел заметить резной стол на тяжелых точеных ножках, обитые кожей стулья с декоративными гвоздиками, печь, облицованную зелеными изразцами с тисненым узором, эркер со столиком, на котором блестел пузатый самовар. Серые, покрытые выцветшими обоями стены наводили тоску, их несколько оживляли почерневшие от времени картины, написанные маслом; на консоли из карельской березы среди хрустальных вазочек и фарфоровых шкатулок стояла фотография отца, маршала Конева, в рамке. Этот человек с властным неприступным лицом и холодным взглядом из-под набрякших век, жестокий усмиритель венгерского восстания, не вызывал у Шимона особых симпатий. Маршал не пользовался популярностью в армии. Он приказал расстреливать за грабеж и насилие, зато на врага налетал как ураган, атаковал без передышки — солдаты его не любили, но, по-видимому, отдавали ему должное.

Из темного коридора донесся телефонный звонок. Подошла не она, — послышался незнакомый женский голос, который завел какой-то бесконечный разговор. Шимон в который уже раз задумался, живет ли Майя тут с семьей и есть ли вообще у нее семья, замужем она или одинока? Эти пышные дореволюционные апартаменты, судя по размерам коридора и количеству дверей, могли быть просто коммунальной квартирой. Их полно было в Москве: общая кухня, общая ванная, общий телефон... Вовсе не обязательно дочери великого маршала, даже если она вращалась в высших литературных, военных и политических кругах, стали бы специально подыскивать отдельную квартиру. Хватит с нее и одной, вернее, двух комнат в старой коммуналке — здесь нет ни одной книжной полки, а ведь должна же быть у нее библиотека. А кухня?.. Но больше, чем семейное положение или жильё Майи, Шимона занимало другое: откуда у нее глубокий интерес к польской литературе? Отец, беря города по пути на

Берлин (за право дойти до него Конев якобы вступил в серьезное столкновение с Жуковым), в конце концов оказался у Кракова. Остановив войска на подступах к городу, маршал Конев запретил бомбить его и приказал взять штурмом. Загадка!.. По-видимому, маршал, обдумывая план операции, решил, что немцы не окажут ему сопротивления, а может, разглядывая сделанные с самолета фотографии величественного города, раскинувшегося перед ним в ожидании атаки, пожалел увиденную красоту... Ведь что мешало ему пустить в ход авиацию и тяжелую артиллерию, утопить город в адском огне «катюш»? Все было в его распоряжении, он мог жечь, уничтожать, сеять ужас. Пусть эти поляки узнают цену освобождения! Но он поступил иначе, город остался цел. Позже Майя, вероятно, еще юной барышней, бывала в Кракове. Не исключено, что даже жила там какое-то время. Значит, она должна была знать: вместе с армией отца в Краков вошли люди Берии, и для многих горожан то, что он называл освобождением поляков, означало лишь замену гестапо на НКВД. Аресты, тюрьма на улице Монтелюпи, наверное, оставили мрачный след в девичьей душе. Майя выучила польский язык.

Телефонный разговор за дверью прекратился, и на пороге появилась хозяйка с фарфоровыми чашками на серебряном подносе.

— Фильма я еще не *видеши*, но *читавши* рецензии. Вас там упоминают. Я их *откладывав*, чтобы показать в издательстве.

Ее голые руки покрывал золотой загар; она осторожно опустила поднос на стол.

— Вас так заботит моя популярность? — спросил он. — Я очень тронут.

— Дело не в популярности, — возразила Майя. — Раз отзывы очень хорошие, они пригодятся для издания следующей вашей книги, — она взяла с подноса чашку и поставила перед ним. — Я *думавши* о том, чтобы... и так как-то, не советуясь с вами, *сделавши* выбор. Вы, надеюсь, не будете против. Лично мне представляется, что это лучшая ваша книга, — взяв с подноса другую чашку, она улыбнулась. — Вы хотя бы догадываетесь, какой из ваших романов я имею в виду?

— Нет, — ответил он. — Вероятно, тот, который вы столь горячо отстаивали.

От неожиданности она плеснула чаем на блюдце.

— Да, *отстаивали*, а откуда вы знаете? — не дожидаясь ответа, она назвала книгу. — Я считаю, что ее обязательно нужно у нас издать, поэтому и защищала ее. А вы в курсе, кто вдруг оказался против?

— Цензура?

Она покачала головой.

— Нет, не цензура. Чего ей там искать — гитлеровский концлагерь...

И правда, чего?.. Впрочем, Шимон уже знал от того своего верноподданнически настроенного знакомого, что причина в чем-то другом. Он пододвинул к себе чашку.

— Если не цензура, что тогда?

— Да ничего особенного, — ответила она уклончиво.

— А не особенного? — Он попытался обратить все в шутку. — Я иногда делаю промахи, которые таянутся потом за мной годами. Неужели и в Москве я умудрился нажить себе врага?

— Ах, нет, никакого врага вы здесь себе не нажили. Но, — она поколебалась, — вам надо быть поосторожнее с женщинами.

— С кем, простите, — с женщинами?... Как это понимать?

— Извините, я неловко выразилась. Правильнее будет сказать — с дамами.

— С дамами?! В Москве?

— Нет, в Польше. Там, кажется, есть люди, питающие к вам неприязнь.

— Ко мне, неприязнь? У дам?

— Такое у меня сложилось впечатление.

— Значит, вы были в Польше и не позвонили, — заметил он с упреком.

— Нет, я не была в Польше. Просто наши издатели встречались в Москве с представителями вашего Союза.

— Союза писателей?! И среди них была дама?! — вырвалось у Шимона, хотя он и не собирался своим вопросом ставить ее в неловкое положение.

— Да, была тут одна особа... — неохотно подтвердила Майя. — Претензии, которые она предъявила к вашей книге... поистине достойны сожаления. Вряд ли ошибусь, предположив, что за ними кроются какие-то личные счеты. Это очень плохо, плохо, что все так получилось, — поняв, что сказала лишнее, она быстро сменила тему. — Знаете, нам, издателям, иногда удается отбиться от цензуры или

отдельных недалеких критиков, но трудно бывает противиться мнению наших иностранных друзей. Когда они решительно не советуют издавать книгу своего писателя — из-за ее содержания или из-за политических взглядов автора, безразлично, — нам ничего не остается, как уступить. — Майя размешала сахар и положила ложечку. — Несколько лет назад издала я у нас «Боденское озеро». Книгу вашего прозаика**, который не мог или не хотел писать под диктовку. Вы знаете, что этим он сам обрек себя на молчание. Писателю так молчать — хуже всего. Ну, правда, — она вспомнила о его заключении, — вы тогда отсутствовали. Но польские критики по-разному оценивали книгу, называли то буржуазным эпигонством, то декадентским, извините, гуаном. А во время оттепели — как это по-польски оттепель... — вернули ее из небытия и вознесли на пьедестал. И она стала, видите ли, лучшим произведением польской литературы. Но это у вас, а у нас... У нас все сложнее. Польский писатель с французским паспортом, во время войны интернированный где-то в Констанце... надеюсь, вы понимаете, что я не могла ее так сразу перевести и издать. Оттепель оттепелью, а ястребы — над головами. Я многих против себя восстановила. Иной раз даже думала, не подвожу ли отца. У члена ЦК партии, маршала, тоже бывают враги. И кто тогда знал, сколько продлится эта оттепель. Короче, у меня было много оппонентов, я получала письма из Польши, и сколько же в них было ожесточения! — нервным движением она поправила волосы. — Но удалось, и какой был успех, в общем, книга была принята на ура. Но если бы тем дело и кончилось. Все закрутилось снова, когда автор прибыл сюда за гонораром. Нет, нет!... Дело не в деньгах. Ему пришлось самому приехать, потому что у нас правило: мы гонорары не высылаем. Он был с женой, актрисой. У нас актрисы тоже одеваются экстравагантно, но она... эти ее наряды, эти ткани из ангорской шерсти, которых ни одна советская женщина в глаза не видела. Пушистые и до того яркие, что глаза режет. Каждый день новый туалет. Но хуже всего были ее ногти. Длинные, наверно искусственные, накладные и — зеленые. Вы, наверно, догадываетесь, что значит появиться в столовой ЦДЛ с ногтями, покрашенными в зеленый цвет. А теперь представьте, что это ногти супруги того автора, чей роман был встречен в штывки. Отныне роман у каждого, читал он его или нет, ассоциировался исключительно с зелеными ногтями. Не стоило бы обращать внимания, если бы не реакция критиков — особенно женщин. Я в страхе ждала от них очередных нападков в печати. Ну, не на нее саму, а на книгу. Но, если честно, мужчинам Калина нравилась. Редкой, волнующей красоты и женственности, да еще имя русское — Калина. Хотя по углам шептались, что на самом деле она Гелла, ведьма из «Мастера и Маргариты», помните?.. Но Булгаковская Гелла и ее дьявольские штучки — это литература, а Калина... для нее все это театр, который она путала с жизнью. Вела себя вызывающе, даже вульгарно. В Большом на «Лебедином озере» закурила сигарету прямо во время спектакля. К ней подошел пожарный и напомнил, что здесь не курят. Она же ему так ответила, что если бы он понял, со стыда бы, наверно, сгорел. Нет, я вам ее слов повторять не буду; а пожарный, слава Богу, не понял. Я часто думавши, какая жалость, что Булгаков не дожил и не увидел ее в Москве. Не сомневаюсь, что под светло-рыжими волосами Калины он заметил бы рога. Вам смешно, ну, допустим. Только вот все последствия, вся ненависть обрушились на мою голову. Кого я сюда притащила, пару декадентов? Как видите, с польскими писателями приходится нелегко. Но вернемся к вашей книге, — она нахмурилась. — Плохо дело. Такой резкий протест польской стороны... Печально. И скажу вам искренне, я ничего не обещаю. Но, если вы поссорились с кем-то там, в Польше, не могли бы вы как-то уладить конфликт? Это очень облегчило бы дело.

Шимон положил в чай кусочек сахара. Уладить?! Не приходилось сомневаться, кто она, эта польская дама... Он сцепился с ней в Берлине на встрече с немецкими издателями. Она принялась упрекать немцев, что они-де издают лишь те польские книги, где поляки выставлены в дурном свете. И прокурорским тоном начала перечислять — в ее списке оказались произведения лучших современных польских писателей! Когда она дошла до «Дневника Варшавского восстания» — пронзительного рассказа о гибели города — и назвала его автора*** трусом, кровь ударила Шимону в голову, он вскочил с места и крикнул, что не собирается тут выслушивать столь своеобразные мнения, увольте! Чьи бы они ни были, добавил он с нажимом, и уж тем более от имени делегации, членом которой он являлся! Что там потом началось!

** Автор «Боденского озера» (1946) — Станислав Дыгат (1914-1978). — *Пер.*

*** Мирон Бялошевский (1922-1983) описывает Варшавское восстание с позиции очевидца — обычного горожанина, не принимавшего участия в боях. — *Пер.*

— Думаю, она-то и подставила мне здесь ножку, эта оперативная дама, — заметил он. — Но, не стану скрывать, я в свое время здорово ей насолил.

Майя взглянула на него с недоверием:

— Вы?!

— Да, я. У издателей в ГДР. Я вступился за некоторых наших писателей, — он отхлебнул из чашки уже остывшего чая. — Видно, она мне это припомнила.

Она внимательно и молча посмотрела на Шимона:

— Никому-то вы там наверняка не помогли, только себе навредили.

Она угадала. Вернувшись из Берлина, он отправился к председателю союза и рассказал ему о происшествии, ожидая, что тот возмутится, стукнет кулаком по столу, но председатель лишь беспомощно развел руками, будто старый раввин, и проговорил: «Вот видишь, с какими людьми приходится работать».

Он облокотился на мягкие ручки кресла. Майя. Как она сейчас хороша — озабоченная, со сдвинутыми бровями. Наклонившись к нему, она накрыла своей теплой ладошкой его руку.

— Наверное, я напрасно вас обнадеживавши, — Шимона волновал ласковый голос и близость ее груди. — Наверное, не стоило ничего говорить. Но я подумавши, что после успеха вашего фильма в Москве... если попытаться повлиять на ту даму в Польше, вероятно, она бы изменила свою позицию... Тут бы я сослалась на рецензии... — она не убирала ладони. — Книга очень хорошая, а фильм — фильм помог бы ее издать. Все же вам стоит последовать моему совету. Вы скептически улыбаетесь? Но ведь не обязательно разговаривать с ней лично, можно через кого-нибудь... — Майя стискивала пальцами его запястье, стараясь быть убедительной.

Она явно выдавала желаемое за действительное, и он прервал ее.

— Не лично... через кого-нибудь?! Через кого, Майя?

Она возмутилась, хотела возразить, задержала дыхание, поняла, замолчала. Очевидно, ее смущали, не давали покоя какие-то неотступные тайные мысли, она колебалась, стоит ли их высказывать, но, словно наткнувшись в памяти на что-то гадкое, все же произнесла с укором, едва сдерживая негодование:

— Насколько легче было бы помогать полякам, если бы они сами не подбрасывали аргументов против себя. Если бы не вредили тут друг другу.

О, ради Бога... он ведь тоже поляк! Чувство невольного стыда... Он выпрямился на кресле, свободной ладонью накрыл ее руку, лежащую на его руке, судорожно сжал ее, поднес к губам и поцеловал. Она прекрасно понимала, что задела его самолюбие, и, желая загладить свою вину, тоже поцеловала его в щеку. У Шимона закружилась голова. Забыв обо всем: о доносе, книге, национальном позоре, — он притянул ее к себе. Майя не сопротивлялась. Он крепко обнял ее, смяв большие теплые груди, запустил пальцы в густые разлетающиеся по плечам волосы и потянулся губами к губам. Она разомкнула их — пухлые, чувственные!.. Поцелуй был долгим. Исполнилось то, чего оба давно ждали, и они замерли в объятиях друг друга. Казалось, Шимон был близок к высшему наслаждению, которое женщина может дать мужчине. Он смело раздвинул коленом ее сжатые загорелые ноги. И тогда она нежно, но решительно отстранила его от себя.

— Не надо! Сядьте, — сказала она, переводя дыхание. — Прошу вас, — Майя поправила растрепавшуюся прическу и указала ему на кресло. Очевидно, решила не давать воли своим желаниям. Она смотрела на Шимона без обиды, но с легким страхом, а грудь вздымалась и никак не могла успокоиться. — Несмотря ни на что, я думаю, мне удастся преодолеть трудности и издать книгу.

Ах, да, книгу... Смысл слов ускользал от него, он жадно смотрел на ее волнующуюся грудь, слегка раздвинутые колени. Она заметила и одернула платье. Дальше разговор не клеился.

Уходя, уже на пороге, Шимон снова привлек ее к себе. Обманутый в своих ожиданиях, он пытался утолить страсть теплом ее груди, атласной гладкостью щеки. Они постояли, прижавшись друг к другу. Во мраке коридора таились двери, так и оставшиеся неразгаданными, но Шимон их не видел. Он обнимал ее с закрытыми глазами, и она, наверное, тоже. Расстались без поцелуя.

Автору никогда не следует забегать вперед, пусть события в рассказе идут своим чередом, хотя иногда бывает трудно сохранять тайну будущего. Правда, преодолеть страх и приоткрыть ее завесу тоже бывает нелегко.

Итак, вторая книга Шимона не была опубликована в России. Майе не удалось преодолеть сопротивление спесивой варшавской дамы. В споре, кому решать подобные вопросы, она, дочь маршала,

потерпела унижительное поражение. Не менее болезненно воспринял его и Шимон. Но потом другие, гораздо более драматические события отодвинули эти неприятности на второй план. Несколько лет спустя, когда в Советском Союзе догорал коммунизм, Майя в Москве умирала от рака. Как раз в это время Шимон оказался там по делам. Стояла суровая зима, двадцать градусов мороза. Утопающий в сугробах город, голуби на белых заснеженных улицах, дети-побирушки у входа в ресторан, и он в составе делегации с министром во главе. Большой фестиваль польской драматургии. Замотанные, в постоянном цейтноте, они носились из театра в театр, с мероприятия на мероприятие: Москва, Минск, Киев после Чернобыльской катастрофы — и опять Москва. Завтра утром улетать, а сегодня им еще предстояла встреча с советским министром культуры. Туда-то они и направлялись в сопровождении переводчика Василия Васильевича. В суете приездов, отъездов, официальных встреч Шимону не хватало чего-то более личного, каких-то человеческих контактов, глубоких чувств. Усталый, сонный, замученный постоянной переменной мест, он тепло вспоминал о Майе. И спросил сидящего напротив Василия, как она поживает, что нового.

Тот, очевидно, уже придя в себя после тяжелых переживаний, неопределенно повел рукой.

— Как тебе сказать?.. Она умирает от рака.

Сердце у Шимона оборвалось. Повисла гробовая тишина. «Чайка», в которой они ехали, плавно скользила по заснеженной Москве, подобно гондole.

— Майя?! — недоверчиво переспросил Шимон. Собеседник кивнул. Тупая боль под сердцем, спазм в груди. С этим невозможно смириться. — Она в больнице?

— Нет, пока дома, — ответил Василий и добавил, что она в большой обиде на поляков.

— На поляков?!

— Особенно на своих авторов. Говорит, как только почувствовали, что им вернули свободу, сразу о ней, Майе, забыли. Да так оно и есть, — в подкрепление своей мысли он кивнул головой. — Никто в Польше уже ею не интересуется. Если бы ты ее навещил, она была бы рада.

Шимон позвонил ей из города. Набирая номер, он помнил: Майя не должна догадаться, что он знает о болезни. Надо быть начеку, чтобы случайно не спросить ее о здоровье. Голос в трубке был немного тусклым, но она вполне владела собой.

— Кто говорит, Шимон?! Очень приятно, — и сразу перешла на польский. Спросила, надолго ли он приехал. Завтра улетает?! Так быстро? И не успеет с ней повидаться? Шимон был уверен, что, вникнув в ситуацию, руководитель делегации разрешит ему не присутствовать на очередном польском спектакле, привезенном для показа московской публике. И поэтому солгал, что сегодня у него свободный вечер. На мгновенье наступила тишина, и до Шимона донесся ее, уже оживленный, голос:

— Я вас жду. Если память мне не изменяет, вам не кофе, а чай.

— Да, вы правильно запомнили, Майя, мне чаю, — ответил он, прибавив, что очень рад будет с ней повидаться, и положил трубку.

На заседании, посвященном современной драматургии, Шимон шепнул министру, кого и зачем собирается навестить, и, встретив его полное понимание, вернулся в гостиницу. Он ужасно устал. Всю ночь они провели в поезде, почти не сомкнув глаз, с утра разговоры в министерстве о ходе фестиваля и об осквернении в Кракове памятника Ленину, потом то заседание, где до тошноты повторялось имя Мрожека, а Гельман, автор дерзких производственных романов, со снисходительной улыбкой слушал Гротовского, излагавшего свою теорию «театра актера». Поэтому, оказавшись в своем номере и убедившись, что до выхода еще остается немного времени, Шимон с удовольствием растянулся на кровати.

Закрыв глаза, он увидел Майю такой, какой она предстала перед ним в первый раз: атласная юбка, доходящая до самых кончиков туфель, черная ажурная блузка с глубоким декольте, украшенная столь пленившей его брошкой из искусственных бриллиантов, за которой... О, Боже, ведь Василий Васильевич упомянул, что у Майи рак груди! Он резко поднялся на постели, все в нем протестовало против того, что казалось совершенно немыслимым, — рак! Потом снова опустился на подушку и с ощущением полной беспомощности посмотрел на часы. Швейцарские часы неизвестной марки, девять лет ожидавшие его в тюремной камере хранения, показывали, что еще есть пятнадцать минут. Стрелка и циферблат светились в темноте. Четверть часа, но рак, и надо спешить. Нет, в это невозможно поверить! Будто только вчера он был на том банкете, стоял у окна, скованный, отчужденный, и появилась она — не осознающий своей прелести черный ангел с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами: нет, не надо его представлять, она знает, с кем разговаривает — с бывшим узником сталинских застенков! Она

знает и не боится — пусть доносчики наострили уши! Дочь советского маршала, Джоконда с брошкой, улыбающаяся легкой таинственной улыбкой. Бриллианты на черной ажурной блузке, сквозь которую, чуть ниже треугольного выреза, просвечивала белизна ее тела, — синтетические бриллианты, возбуждавшие в нем желание. Все было как вчера! Расставание на банкете, где он признался ей в своих чувствах, а она, приложив палец к губам, велела ему молчать, и последний визит, когда он сбежал из самолета. Обидев его, она хотела загладить вину поцелуем, на короткое мгновение их губы слились, он был близок к исполнению желаний, но не сбылось. Как недавно это было, будто вчера! Отгоняя от себя мысли о болезни Майи, он повернулся на бок и уткнулся лицом в подушку. Воспоминания давали ощущение такого счастья, что не хотелось возвращаться в настоящее, открывать глаза.

Шимон очнулся, словно услышал сигнал воздушной тревоги. Взглянул в окно. Когда он ложился, было темно. А теперь... Боже мой, светает! Вскочив, он посмотрел на часы, ужас, восьмой час! Не вечера, когда он собирался у нее быть, а утра! Он заснул мертвым сном и проспал всю ночь — одетый, в ботинках... Как объяснить ей, почему он не пришел? Как извиниться за то, что заставил себя напрасно ждать? Позвонить в семь утра и что сказать? Устал, прилег и проспал? Ведь нетрудно было договориться, чтобы его разбудили. Позвонили, вырвали из чертового сна. Но он не попросил. Как он мог! Майя умирает, а у него в восемь завтрак в гостинице и после отъезд в аэропорт. Ему нельзя остаться, даже если бы он захотел. Он улетит, продемонстрировав свое равнодушие и неблагодарность. Не выскакивать же второй раз из самолета.

О ее смерти он узнал уже в Варшаве. Неизвестно, что ждет человека за последней чертой, но чем значительнее он был как личность, тем труднее заполнить образовавшуюся с его уходом пустоту. После Майи с Шимоном осталась не только тоска влюбленного, но и память о силе ее духа.

Хотя коммунистическую систему в СССР ожидал скорый крах, впереди у нее было, по крайней мере, еще несколько лет. И у Майи, дожившей до этого великого распада, тоже. Вернемся к тому моменту, когда Шимон от нее вышел. Влюбленный, распаленный, совершенно забыв о высокопоставленной варшавской знакомой, которая подло решила свести здесь с ним счеты, он стремительно шел по улицам, пока, сам не заметив как, не очутился у Москвы-реки.

Януш Красинский (род. 1928), прозаик, драматург. В период оккупации принадлежал к харцерской (скаутской) подпольной организации «Серые шеренги». После Варшавского восстания был узником немецких концлагерей. Вернулся в Польшу в 1947 г., был арестован и до 1956 г. сидел в тюрьме. Как писатель дебютировал после освобождения. Во многих произведениях обращается к своему личному опыту. Автор романов «Дань серого дня», «Коляска» и нескольких сборников рассказов. Из его драматических произведений наиболее известны «Вышка», «Скоро придут братья» и «Завтрак у Дездемоны». Активно участвует в культурной жизни. С 2005 г. — председатель Союза польских писателей.

**Нина
Тэйлор-Терлецкая**

ОТ КОМИ ДО КОЛЫМЫ

Стихи польских поэтов

*Ты мои белые кости увидишь —
Они под стражу не отданы лбам постылым;
И всё-таки я — человек — завидую
Пеплу могил.
Юлиуш Словацкий*

Среди миллиона или двух миллионов поляков, вывезенных в СССР в 1939-1941 гг., было более ста литераторов, а среди них поэты, прозаики, ученые, журналисты и публицисты. Многих из них поглотили необъятные просторы Советского Союза, климат, лагеря, тюрьмы и болезни. Погибли или без вести пропали: Альбин Дзеконский, Владислав Себыла (в Катынском лесу), Лех Пивовар, проф. Пиотрович, Генрик Житинский, Мариан Рентген, Станислав Цивинский, Тадеуш Шпачинский, Станислав Рогож, Анджей Волица, Стефан Зальцман-Суликовский, Казимеж Лечицкий, Казимеж Халабурда, Ян Мазур (автор стихов, мастерски написанных на подгальском диалекте).

Зато среди добравшихся до Земли обетованной — Максимилиан Барановский, Ежи Базаревский, Чеслав Беднарчик, Людвика Бесядовская, Владислав Броневский, Здислав Бронцель, Юзеф Буйновский, Александр Ват, Януш Ведов, Виктор Вайнтрауб, Тадеуш Витлин, Ежи Вошинин, Густав Герлинг-Грудзинский, Павел Герц, Вацлав Грубинский, Ян Гуца, Чеслав Добек, Ежи Доленга-Ковалевский, Тадеуш Зайончковский, Юзеф Живина, Филип Истнер, ксендз Камиль Кантак, Феликс Коначский (Реф-Рен), Януш Ковалевский, Анатоль Краковецкий, Стефан Легежинский, Леопольд Левин, Теодозия Лисевич, Артур Мендзыжецкий, Генрик Мижвинский, Гермения Наглер, Беата Обертынская, Тадеуш Пайпер, Теодор Парницкий, Люциан Пафф, Болеслав Редзиш, Бернард Зингер-Регнис, Войцех Скуза, Анатоль Стерн, Галина Терлецкая, Мария-Анна Тышкевич (Ханка Ордон), Ядвига Чехович, Мариан Чухновский, Витольд Шифер, Северин Эрлих (подписывавшийся и псевдонимом «Синдбад») и еще множество публицистов, журналистов, артистов театра и других.

По словам одного из критиков, война была лирическим опытом, актом «включения сознания в поток событий (...), до некоторой степени — охраны личности от нивелировки, от внеисторического растворения в этом потоке». Для Яна Белятовича поэзия была «насушным хлебом» войны, для Мариана Хемара — «последней линией польской обороны». Белятович, пожалуй, первым написал об «империи польской поэзии». Он заметил, что «солдаты составляют как бы новый, гигантский общественный слой, который открывает оплодотворяюще-оригинальное видение мира». В учебниках литературы различают «солдатскую поэзию» и «поэзию нацистских лагерей», термин «лагерная литература» относится в основном к прозе, а о поэзии советских лагерей мало кто помнит. Может, виноват в этом сам Белятович, который утверждал: «В России польская поэзия стиснула зубы. Она годами хранила молчание, копя пережитое для позднейших времен. (...) Только поэзия-завещание Леха Пивовара протянута, как рука с того света».

Это не совсем точно. Нехватка слова в тюрьмах и лагерях донимала не меньше, чем голод. По свидетельству Януша Ковалевского, узники в львовской тюрьме на Замарстынове иной раз готовы были урезать свои пайки хлеба и сахара, чтоб заплатить за слово, за газету, тайно пронесенную «из мира», за обрывки книг. Важную роль играла и устная поэзия: импровизации, рассказы, декламация, умение пересказывать выдающуюся беллетристику. И хотя внешние обстоятельства: недоедание, вши, отсутствие бумаги — подавляли творческие стремления, «у поляков был свой метод бегства от страшной действительности: они писали. В лагерях, где были большие группы поляков, прятали целые кипы рукописей, которые после обысков попадали в архивы ГУЛАГа». Так утверждает Ежи Стемповский, слышавший это от немца, который провел 11 лет в советских лагерях.

На самом деле польское поэтическое слово рождалось не только в России, но еще раньше — в львовских и виленских тюрьмах. Владислав Броневский написал стихотворения «Каштан» (оконченное три года спустя в Иерусалиме), «Письмо из тюрьмы» и «Разговор с историей» в Замарстынове в апреле 1940 года. Юзеф Буйновский в тюрьме на Лукишской площади в Вильно, где он сидел в одной камере с поэтом Казимежем Халабурдой, нацарапал на стене стихотворение «Полонез». Он воспроизвел его по памяти в следующей тюрьме, в Горьком, а записал только в Персии. Свою «Песнь из спецкорпуса» Анатолий Краковецкий сочинил в Лукьяновской тюрьме в Киеве. Через несколько лет он комментировал ее так: «Если такую песню можно было пропеть там и тогда, то и сегодня спокойней и с большей надеждой можно смотреть на то, что происходит, вернее — пытается происходить».

В виленской тюрьме родилось тогда первое стихотворение Людвика Бесядовской, которая творила потом «в дальней дороге из Вильно или Новогрудка в Сибирь, в вагоне с решетками на окнах...». Самое красноречивое свидетельство такого рода — случай Леха Пивовара, участника сентябрьских боев, арестованного НКВД. Он начал фиксировать свои недавние военные впечатления уже 20 октября 1939 г., в тюремном вагоне. В Старобельске, как свидетельствует Юзеф Чапский, «невзирая на нары и неотступный штык за спиной» он продолжал чисто и ровно, каллиграфически вести записи на бумаге для самокруток. Он складывал эти бумажки в книжечку в розовой обложке с «топорно изображенным черным матросом и надписью «КРАСНОФЛОТЕЦ КУРИТЕЛЬНАЯ БУМАГА СОЮЗКУЛЬТТОРГ», и книжечку удалось сохранить несмотря на многочисленные обыски. Стихотворение «Родина со всех сторон» он читал, стоя в мокром снегу на пороге задымленного, переполненного барака в период, когда мы были дальше всего от способности перелагать свои переживания». Пивовар нашел даже декламаторов, которые пытались увлечь слушателей трудной авангардной поэзией.

Очередные поэтические мастерские — лагерь в глубине России, на севере, а также совхоз в Казахстане. В лагере «Яя» Людвика Бесядовская написала стихотворение «Моему Вильно». Галина Терлецкая писала, кажется, «на 15-й день путешествия в Казахстан», потом урывками занималась поэтическим творчеством в совхозе на Иртыше. У Здислава Бронцеля первые стихи Ядвиги Чехович ассоциировались с «песней, которую напевают во время ритмичной работы, такие строки часто шепчут при скучной, бессмысленной работе». «Уральские сонеты» самого Бронцеля написаны в лагпункте под Гарами в ходе совместных культурных «пиршеств». Посвященные товарищам по несчастью, отдельные сонеты вскоре были переведены на литовский, эстонский, русский и еврейский. Текст выцарапывали на березовой коре, страницы шивали липовым лыком.

На фоне тех же пейзажей рождалась и поэзия коллективная, самородная, почти народная, в виде рифмованных писем и неподписанных стихов анонимных авторов. В поселке Озерки Яборинского района Свердловской области некий Ян Завада записывал свои сочинения «на бересте, потому что с бумагой очень трудно», а письма писал на «тетрадных страничках, которые выпрашивал в поселке».

*... лес вокруг, и вповалку — братья. Так много их
лежит за посёлком, что страх студит жилы —
словно мы тут в посёлке лет сто прожили:
спят они вечным сном, изнурённые долгой дорогой.*

Новый творческий период начинается после договора Сикорского—Майского и так называемой амнистии, после открытия польского посольства в Куйбышеве и штаба Польской армии в Бузулуке. Десятки тысяч будущих солдат прибывали в Тоцкое и Татишево со всего Союза. Время, свободное от обязанностей, принадлежало поэзии. Юзеф Чапский вспоминает, как Владислав Броневский постоянно читал вслух свои новые стихотворения («Вьюга», «Уйди»). Теодор Парницкий декламировал множество стихов Словацкого, Тувима, Лесьмяна, Блока, Белого и даже виттлиновский перевод Гомера, чем просто завораживал слушателей.

Когда краковский хейнал (обрывающийся трубный сигнал. — *Ред.*) пронесся над Волгой, он прозвучал странно посреди малонаселенного пространства. На земляной скульптуре в лагере в Колтубанке уже была надпись: «Польские непобедимые крылья». В Татишеве служили мессу в часовне, переделанной из большевистского клуба. Над польским военным кладбищем вблизи лагеря в Тоцком, на высоком степном кургане вырос крест.

Уже в августе 1941 г. Януш Ведов поэтически «приветствовал вождя». С формированием польской армии в СССР связаны первые военные песни и эстрадные ревью, такие как «Возвращаемся домой», «Да здравствует наша армия», «Марш поляков», «Мы — легионы». Рождаются произведения Феликса Конарского (Реф-Рена) («Мы на защиту свободы», песня, которую пели потом отряды на марше), Чеслава Добека («Мы снова войско»), Витольда Шифера («Железный марш»). В Бузулуке возник «Гимн девушек-добровольцев» Людвики Бесядовской и другие «прикладные» тексты. В Тоцком Максимилиан Барановский писал национальные стихи для развлечения и укрепления сердец, другие сочиняли к ним музыку. В самых трудных условиях песни и скетчи ансамбля Реф-Рена поддерживали солдат, особенно когда пели Зофья Терне и Рената Богданская. В «польских военных республиках» создавались хорошие театральные труппы, кинотеатры, в Кресовой дивизии был даже кукольный театр «Виленская басня». А в узбекских степях, в создающихся отрядах, стихи писали тогда почти все.

Пресса расцветала. Рукописный, богато иллюстрированный лагерный журнал «На марше» выходил тиражом целых 18 экземпляров. Выходили и другие рукописные периодические издания: «Солдат в поле», «Мы дойдем», «Девушка-доброволец», «Взвейся, орленок!», «Связной», «Бродяга», «Приволжский улан», «Рысь», «Компания», с декабря 1941 года выходил «Белый орел». Издававшийся посольством Польской Республики в Куйбышеве еженедельник «Польша» печатал стихотворения Слонимского, Балинского, Павликовской, Броневского, Иллакович, Лисевича, Будзинского. Стихи писали по социальному заказу, а жили стихией поэзии, которая пользовалась горячей поддержкой начальника отдела военной пропаганды Юзефа Чапского. В Янги-Юле, на фоне гор Тянь-Шаня и далекой, платиновой горной цепи Памира, Гермина Наглер читала доклады о поэзии великой и новой эмиграции и декламировала стихи. Там же, под знойным южным небом, «поэты собрали все цветы тоски, составившие букет «Цветов Польши». Среди военных в России самой большой популярностью пользовалась «Тревога» Слонимского: в столице республики Коми, на польском торжественном заседании, ее исполняли также в русском переводе.

Пришло и время юмора, шутки. Увидев в Бузулуке новый номер стенгазеты, иллюстрированный цветными карикатурами на солдат и девушек-добровольцев в виде кукол, Тадеуш Виттлин решил поставить политический вертеп. Костюмы сшили девушки, маски кукол слепили из хлеба. На поворотной сцене городского театра, где только что ставилась советская пропагандистская пьеса, появилась польская соломенная крыша с огромным аистом на коньке. Другие аисты, на занавесе, были так сконструированы, что, когда дергали за веревочку, они взлетали и уносились ввысь. Представление открыл конфетансье «Бродяга», хитроумный солдат. Выступали: Лев Британский, Девушка-Доброволец, Петух Галльский, Сказочник Андерс-ген, Адольф Кровавый, Бенит Ему-Всолили (эти двое отплясывали хуся-сюся), Большой Тюбик Вазелина и наконец — Лагерник в драной шапке, дырявых лаптях, с неизменным котелком в руке. Потом на улицах Бузулука русская детвора во все горло распевала одну из песен — «Английский френч, советская фуфайка». Виттлин вспоминал, что песня Лагерника чуть не вызвала политический скандал. А в Тоцке Ханка Ордон устраивала рождественские кукольные представления для солдат и ввиду отсутствия подходящих текстов написала свой:

*Не в яслях, а в палатке,
Белым снегом заваленной,
Нынче солдаты Господа увидали,
И дружным хором запели,
И сердца ему в дар отдали...*

В приволжском Татищеве рождались колядки характерного солдатского содержания:

*Вчера в плену, а сегодня в строю —
Из Литвы, из Латвии, с Севера,
Хоть праздники на чужбине,
Но души — в родном краю.*

*Войско наше, орлы наши,
Рыси, Сулик и Борута,
Встанем вместе, встанем рядом,
Иисусу песнь споём.*

После того как польская армия покинула Россию, уже в Иране началось настоящее поэтическое извержение, причем тексты были выше среднего уровня. Поэзия цвела потом в Ираке и Палестине, где «шумели по ночам издательства, готовившие томики польских стихов». В Ираке, где трудно было найти типографию с латинскими литерами, «поэты творят лишь в тени звезд». Именно здесь Ежи Базаревский присоединился к трем поэтам Карпатской бригады: Болеславу Кобжинскому, Станиславу Плещинскому и Тадеушу Совицкому. Они вместе печатали журнал «Поэтический караван» — в четырех экземплярах, для самих себя.

Столица Ирака стала тогда «раем польских поэтов-солдат», а редакция «Курьера польского в Багдаде» — главной сортировочной станцией их лирических проб пера. «Курьер» сообщал: «Кипа стихов составляет в комнате редакции отдельную пирамидку. Рукописей набралось [за два месяца] не менее полутысячи. Среди них целые циклы, целые сборники. (...) Ни одни весы в Багдаде не взяли бы такой вес. Потому что это вес польской души». В молодых поэтах видели в основном «культурных людей, которые учатся трудному искусству стихосложения». Присланные произведения невольно вызывали снисходительную улыбку:

*Поляк для того был в тайге сибирской,
Чтоб золото мыть на островах колымских,
Голодая, ругаясь, по 12 часов выполнял норму,
Невзирая ни на погоду, ни на дня форму.*

Огромной популярностью пользовались поэтические вечера. Когда их вел Мельхиор Ванькович, в зале собиралось до полутора тысяч слушателей.

Но стихи писали не все. Мариан Чухновский, «как псалмопевцы на реках вавилонских — лютию свою повесил на иву. Только он один верен принципу: *Inter arma silent Musae*». Связано это с тем, что он бросился в водоворот военной публицистики, которая «ритмом своим напоминает побудку, зовущую к бою». Не каждый бывший лагерник хотел писать на темы ссылки. В 1944 г. на поэтическом вечере «у Грифов» Анатолий Краковецкий, который уже начал писать «Книгу о Колыме», предпочитал «любоваться гроздьями спелых черешен», то есть вновь обрести душевное спокойствие и здоровье. «Краков! О чем думать в багдадском госпитале? Может, опять о тайге? О полярной ночи? Об ужасе, ничтожестве человека на дне несчастья? О еще большем ничтожестве другого человека, который его туда толкнул? Нет, закрыть это занавесом мрачного презрения, радоваться жизни, еще раз отвоеванной, улыбнуться мечтам! Мечтам о Кракове — улыбнуться. Помечтать о будущем».

Были и другие причины. О некоторых вещах «сегодня еще нельзя писать слишком много». Новый союз с Россией не способствовал тому, чтобы беречь раны. В «Курьере польском в Багдаде» британская цензура приказала белым пятном заменить стихотворение Ежи Базаревского «Дорога на запад», пропустила его только через год. «Старобельские воспоминания» Юзефа Чапского не сразу дождалась *nihil obstat*. Вацлав Радульский писал Тимону Терлецкому, что у бывших лагерников «свежа была память о собственных обидах, и они не могли себе представить, что на родине может быть еще хуже». Чтобы уйти от автомартирологии и включиться в течение жизни, Наглер написала пьесу о Польше под немецкой оккупацией, где собственным страданиям противопоставила чужие, все еще не окончившиеся.

Тиртейская побудка должна была воодушевлять на победу над Германией. На примере стихотворений Броневского видно, как творчество бывших ссыльных превращается в литературу борющейся эмиграции. «Мы будем биться до смерти, / Будем биться и после смерти». В его стихотворении «*Noto sapiens*» первая бомба летит в Берлин, вторая — в смоленские могилы.

*Пускай же рыцари восстанут,
а в их груди сияют раны,
как след безвинной муки адской, —
их кровь пролита палачами,
в чужую землю ей впитаться
под ужас мира, но молчанье,
за вольность, равенство и братство.*

Солдаты вырезали стихи Броневского из газеты и прикалывали в палатках над койками. Иногда мотив борьбы соединялся с тоской:

*Была бы в руках винтовка, что осечки в бою не даст —
и что мне песок ливийский, что мне сибирский наст!*

*Что мне лагеря и тюрьмы, голод, цинга, скитанья —
как хлеб и патроны, радость кладу я в солдатский ранец.*

*Ни к чему мне награды, ни к чему мне венки и слава,
мне бы крепкие сапоги, чтоб в них дойти до Варшавы.
(«Что мне тревоги»)*

Нога возмездия — не доминанта, она связана с мессианской предпосылкой, с предвидением возрождения.

*А если он не вернется... Тогда уж ты сам сумеи:
Вырастешь и поймёшь, соберёшь все силы —
И ударишь, и уничтожишь. А потом — посеи
Зёрна новой свободы на старых могилах.
(Ежи Воцинин. «Сыну»)*

Более важную роль играют религиозные переживания и символы.

*О пути своем в тайгу из Силезии
Рассказала Богоматерь Пекарская,
Показала на карте судьям
Дорогу до Красноярска...*

*Отвечала про всё, как было,
На вопросы людей ученых,
Только раз дрогнул голос — вспомнила:
Замёрзших детей бросали,
Как дрова, из вагонов.**

(Ежи Доленга-Ковалевский. «Богоматерь Пекарская»)

Ссылльные непоколебимо верили, что по бездорожью Сибири и по шоссе через Ближний Восток они наконец вернутся на родину. И это были отнюдь не чрезмерные претензии. Краковецкий требовал: «Но мой ДОМ должен быть — моим Домом / и всё (...) должно быть моим! / — принадлежать миру, но быть моим!» Потом оказалось, что сибирская одиссея ведет в никуда, то есть в эмиграцию. Тогда Доленга-Ковалевский позволил себе даже немного юмора:

---

* В примечании автор стихотворения поясняет, что образ Матери Божией из силезской майолики действительно проделал путь до Красноярска. «Расколотый в Советской России, он был склеен в Тегеране».

*Валил я в тайге деревья, жуя лист капусты,
Был «помбухом» в совхозе (вроде счетовода).
Снова кутузка; сказали: каюк тебе, враг народа.
Ну что же — придётся «сдохнуть»: всё ясно, хотя и грустно.*

*Не «сдох». Извините за выражение, но и вы заметить могли бы —
Слово точное. Тёплое. Народное и доступное.
Дальше — Персия. Делегат. Наш посол. Только тут я
Готов окончить свой путь. Как на песке рыба.*

(Ежи Доленга-Ковалевский. «Из дневника»)

Принудительное странствие вело через «белых медведей» на Печоре к Кольскому полуострову, к лагерям и шахтам, затерянным в тайге, до Памира и Ферганской долины, на Амур, на Камчатку. Когда-то Мицкевич сказал в Коллеж де Франс, что тяготы и лишения ссылки отчасти компенсирует необычность природы. Иначе говоря, русская каторга давала литературе большой шанс. У поэтов, воспитанных в традиции дворянской идиллии, воспевавшей земные наслаждения на малой родине, Сибирь резко расширила образ пространства, дала понимание бесконечности. Длительное пребывание за колючей проволокой знакомило с пейзажами, которых нет в туристском путеводителе. Позволяло углубиться в иную идеологическую систему. Давало представление о реальном развитии реального коммунизма. Рассказывало какую-то невероятно искаженную сказку. Люди возвращались из мест, официально не существовавших, откуда не должно было быть возврата.

Даже время было чужое, азиатско-кремлевское. Беате Обертынской, архикатоличке и архидворянке, все это было чуждо, как, пожалуй, никому другому. Ее поражала мертвенность пейзажа, черная пустота реки и тайги, безмерность России среди болот, бездорожья и пустошей. Ее охватывало метафизическое, космическое одиночество. Сама природа, вечная и глухая, отрицала традиционные ценности. Это была скорее антиприрода, или природа наоборот.

Для недобровольных туристов из Польши советская урбанистика была не особенно привлекательна. Высокому Ташкенту и розовому Ашхабаду Тадеуш Виттлин предпочитал улицы Варшавы. Глядя через заиндевевшие окна на снежные вершины Урала, ссыльные мечтали увидеть Львов и Вильно, в которых все еще пребывали сердцем и памятью. Этому сопутствовало некоторое раздвоение личности, типичное для эмигранта. По словам Владислава Яворского: «Я провожу дни в выцветшем, сухом Курдистане, а ночи во Львове. Эта двойственность существования срастается в целое моего сердца: в изгнание».

Географическая ситуация польских изгнанников опровергает общепринятую схему военного пространства. В оккупированной Польше тюремное пространство ассоциировалось с жестокостью и бесчеловечностью, лес (партизанский рай!) означал борьбу и спасение. В СССР же местом самой эффективной изоляции оказывается открытое пространство, лоно природы, где свобода бывает хуже неволи. Краковецкий пишет: «Тайга сковывает меня безжалостней, чем кандалы, стискивает шею, терзает мозг, доводит до безумия». Пейзаж отождествляется со смертью, он — смерть как таковая, земное соответствие дантовского подземелья, ибо дно каждой пропасти ведет в еще более глубокую бездну.

Однако там, на дне, польские ссыльные переживали своего рода просветление. Краковецкий восхищался неумолчным пением жаворонков, круживших над его «прорабством», и восхитительной красотой колымской флоры, которая влекла, как «фата-моргана». В окружении гигантских гор Александр Ват пережил ощущение, что он проник в тайники красок, когда, аккомпанируя бурному зеленому потоку, заиграла невероятная симфония лиловых деревьев и цветов миндаля. Обертынская остро чувствовала вечность и безразличие видимого мира. Но под старость она влюбилась последней, неразделенной любовью в красоту далекого, чужого, почти абстрактного Урала. Позднее под Бухарой она достигла небывалой степени посвящения в тайну округлого, кристального совершенства Земли и ее единства с космосом. Размышляла о сущности красок. Восхищалась «воздухом сыпким, пушистым, пастельным, как пыльца на крыльях мотылька, пронизанным светом». Не иначе и Юзеф Чапский восторгался прозрачной колористикой пустыни Кара-Кум, особенной бирюзой неба, видом человека на ослике на фоне лимонно-лилового пейзажа.

Можно усомниться, являются ли эти озарения компенсацией за баржи смерти на Аму-дарье и белые крематории Колымы. Мицкевич в парижских лекциях говорил о высшей целесообразности сибирского опыта в моральном и религиозном обновлении, в потребности предъявить счет собственной совести. Он подчеркивал, что литература ссылки являет собой свидетельство массовое, коллективное, весьма демократичное, почти народное, универсальное и всеславянское, наконец — анонимное, поскольку говорит от имени всех погибших и пропавших.

В польском Лондоне уже во время войны заметили разницу между «политизированной, родом из кафе» эмиграцией с берегов Темзы и братьями из России, напоенными «каким-то священным внутренним экстазом, верой первохристиан и патриотизмом повстанцев 63-го года». Один из уцелевших пишет: «Мы гордились своей цингой и худобой (...) мы остались в Польше». Между тем «каждый второй поляк, едва только он ступал свободной стопой на благословенную тогда землю персов, готов был писать книгу о том, что пережил в СССР». Так звучит комментарий Яна Олеховского, бывшего лагерника, который упрекает творчество «сибиряков» в автомартирологии, позерстве, пропагандистской тенденциозности, напыщенных жестах и эгоцентрическом нытье.

Кстати, самая суровая в содержательном отношении критика звучит из уст бывших каторжников. Прделанный Здиславом Бронцелем анализ «русской» поэзии и поэзии «карпатцев» недвусмысленно указывает на преимущество последних. Бронцель сам был автором сборника стихотворений «Благодарить ночи», который был с энтузиазмом воспринят как «первая попытка охватить драму в целом». Восхищались «холодом греческого мрамора», веющим от его сонетов, усматривали в них сходство с «Дзядами», поскольку они подобным же образом раскрывали национальную трагедию через страдания небольшой группы обреченных.

Факт остается фактом: пережитое в ГУЛАГе пробудило многих «спавших» писателей, преобразило «амебообразных интеллигентов» в людей (так считал Александр Ват). Некоторые бывшие ссыльные (Герц, Гуца, Левин, Пайпер, Стерн) вернулись прямо в Польшу. Те, кто остался потом на Западе, стали важным элементом социального фундамента польской диаспоры, круг их сибирского опыта лежит в основе мировоззрения эмигрантской литературы, является ее порогом, ее начальным этапом воспитания. Их наследие дополняет литературу о нацистских концлагерях, поскольку «дым над Биркенау и дым над тайгой — это крылья одного сатаны». Наследие это составляет один из важнейших разделов польской словесности в изгнании. Более всего речь идет о выдающейся прозе Густава Герлинга-Грудзинского и Юзефа Чапского, авторов «подрывных книг», сформировавших несколько поколений диссидентов в Польше.

В отдаленном будущем лагерная поэзия не имела большой силы воздействия. Но независимо от ее эстетической ценности она была нужна, даже необходима, создавалась с сознательно утилитарной целью, по социальному заказу. Как условный рефлекс она была неизбежна, как гигиеническая процедура — незаменима. Таким образом, она в значительной мере представляет собой явление на грани психологии и социологии. Даже самый слабый рифмованный стишок свидетельствует о чем-то большем, общем для многих. Как человеческий документ он свидетельствует также о том, что даже на дне отчаяния поэзия помогает жить и выжить.

Так пусть же польский Лондон, храня верность памяти ссыльных, всегда надлежащим образом заботится о своих поэтах. Пусть он помнит и о том, что в архивах ГУЛАГа находится часть польской литературы в изгнании. Пусть не забудет напоминания Ежи Стемповского, чтобы, как только представится случай, потребовать возвращения этого наследия после долгих лет неволи.

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХИ ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРНИКОВ

Беата Обертынская

Последняя осень
(1939)

...Ночь нарастает с востока, большая, косматая.
Ночь скоро задушит на краю света остаток
зарева, что в почерневших кронах деревьев тлеет.

Парк уснул, погружаясь в землёй притянутый холод,
в сон, над которым воронья стража темнеет —
комьями грязи облеплены ветви голые...

Парк уснул, как усталый узник приговорённый,
что наяву о смерти думать ещё не смеет,
хотя его сон заранее — смерти бессильный брат...

Жар последнего зарева в теснине стволов зажат,
ночь нарастает с востока...

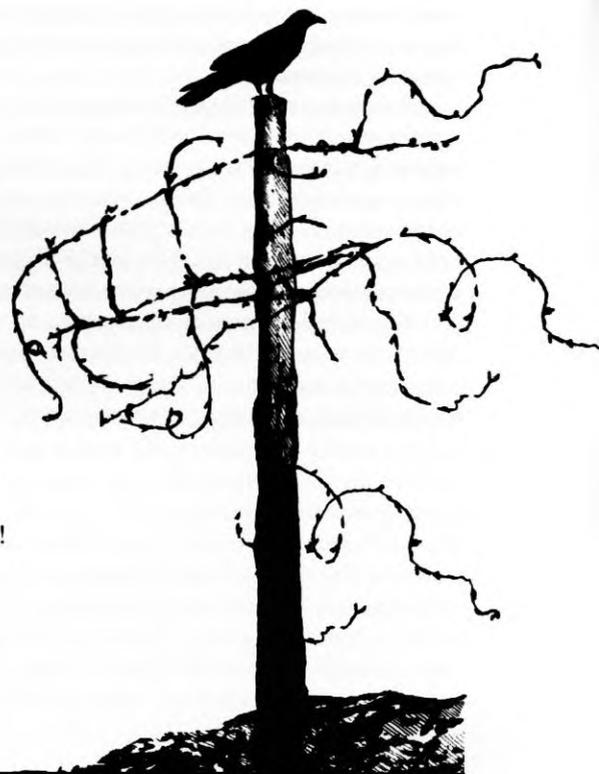
Воркута

Помню тебя, чужая вода, мёртвая, ледяная...
Ты широко по долине шла илистым яром,
равнодушная ко всему, что было в том вражьем крае
обречено на гибель, на беспощадную кару...

Едва сочился рассвет, испаренья курились бледные,
за волосы в неизвестность вода их тянула прочь...
Следом безвольно влачились, напропалую, слепо,
туманы, зарёй рождённые, умирая к исходу ночи.

Ты, вода, не умела, а может статья, и впрямь
не стоило впитывать образ берегов, что плыли с тобой,
лозу и серую глину, выцветшую и упрямую, —
отражённую полуночной, бесцветной, тоскливой водой!

И только когда запад заревом абрикосовым
воспарял над снежным Уралом, где дикая ночь люта,
ты, заколдованная, от страха покорного плоская,
смертельную красоту его удваивала, Воркута!

Ежи Воцинин

Лесоповал
(Из «Тайжных сонетов»)

Стук спотыкался об эхо на рассветном морозе крепком
И отдавался в тайге, угасая где-то над нами.
С вершин и веток дрожащих снег опадал пластами,
Железо разило деревья, летели светлые щепки.

В ритме сухом и быстром пилы визгливо запели,
Как сойки, кричащие осенью среди омертвевших листьев,
Качнулась сосна подрубленная и, резко верхушкой свистнув,
Обрушилась наземь взрывом снежной метели.

Дым от костров в небо тяжёлой лавиной валит,
Пляшет весёлое пламя на ветвях суковатых,
Отогревают спины в дырявых бушлатах
Люди, которые вкалывают на лесоповале.

Охранник курит махорку; как журавль, осторожный,
Бдительно водит штыком; счёт бригаде ведя несложный.

Здислав Бронцель

Лазарь

Мы теперь тоже смердим, словно брат твой, Марфа,
Когда велели ему выйти, обвитому пеленами —
Милость жестокая, жуткая и хранящая жар тот,
Святой, как безмерность свободы, открывшейся перед нами.

Нам, восставшим из праха в мареве зыбком, неярком,
Скорбен путь средь погостов, занесённых снегами.
Мы покаянным шествием плетёмся вдаль, а над нами,
Над нашим надрывным гимном вороны яростно каркают.

Вы на нас смотрите, как на мощи, нежданно найденные,
В страхе: вдруг дорогое лицо ощерится, точно череп.
А кто из вас, заглянув правде в глазные впадины,

Улыбался иначе? Кто решится измерить,
В какую низвергнуты пропасть те, чью вину не изгладить,
А чтобы восстать, словно Лазарь, — как надо верить.

Александр Ват

Ивы в Алма-Ате*

Ивы, они всюду ивы

Прекрасна ты, в блеске и в инее, алма-атинская ива.
Но если я забуду тебя, сухая ива с улицы Розбрат,
пусть отсохнет моя рука!

Горы, они всюду горы

Передо мной Тянь-Шань плывёт в фиолетовой дымке,
пенился свет, скала красок бледнеет и исчезает.
Но если я забуду тебя, вершина далёкая в Татрах
и речка Белая, на берегу которой мы с сыном мечтали о странствиях
под парусами,
а с нами тихой улыбкой прощалась наша добрая покровительница —
пусть превращусь я в камень татранский.

*Если я вас забуду
Если забуду тебя родной город*

Ночь варшавская, дождь и ворота, а перед ними

*нищий просит хлеба крошку,
пёс порвал ему одёжку.
Спи, Ендрусик...*

Горестно раскинул я руки, как плакучая польская ива

Если я вас забуду,
газовые фонари на Журавьей, этапы моей любовной муки -
блеск сердец, затаённый в тёмной стыдливости листьев,
шёпот, шорох и дождь, и громыханье колёс в Аллее,
и златопёрый рассвет голубиный

Если забуду тебя, сражающаяся Варшава
кровью вспененная Варшава

если забуду Тебя
если я Вас забуду...

январь 1942

* Стихотворение написано после освобождения поэта в рамках амнистии 1941 года. В то время Ват не знал, где находятся его жена и сын. Опубликовано в 1942 г. в журнале «Польша» стихотворение помогло ему найти своих родных. (Ред.)

Магдалена Байер

РОД ШЕПТИЦКИХ

Документированная генеалогия семьи начинается на рубеже XIII-XIV веков. Генеалогическое древо, приложенное к выпущенным несколько лет назад запискам Зофьи Шептицкой, урожденной Фредро, о сыне Романе, ставшем впоследствии греко-католическим митрополитом, невероятно развесисто. Помещичьи семьи бывали, особенно в далеком прошлом, многодетными — отсюда пошло родство Шептицких с Шембеками, Сапегами, Старовойсками, Яблоновскими, Брель-Платерами (предками Эмилии Платер, героини восстания 1830 года), Красинскими, Фредро и Велёпольскими.

Двое Шептицких, внуки графа Леона, дети Яна Сильвестра, рассказывали мне о семье и о себе: Мария Шептицкая, профессор-физик Института ядерных проблем им. Анджая Солтана в Варшаве, и Анджей Шептицкий, профессор-зоолог Института систематики и эволюции животных ПАН под Краковом. Еще один брат, Павел, — профессор-математик в США. Они представляют собой довольно недавнее новшество в семейных традициях, где сплелось множество задач, из поколения в поколение выполнявшихся на благо Речи Посполитой многих народов — на полях сражений за независимость, в организациях, служивших выживанию нации, в органическом труде, религиозной жизни, культуре и особенно в словесности. Зофья Шептицкая, дочь драматурга Александра Фредро, унаследовав и талант отца, и желание писать, оставила богатые воспоминания — одновременно и историю семьи, и автобиографию, и ценную картину эпохи, многие черты которой еще сохранились в биографиях правнуков.

Мария Шептицкая интересуется временами прабабки, но ее живая память и сердечный интерес обращены к поколению дедушки Леона, которого трое нынешних профессоров, собственно, не знали, так как он был расстрелян красноармейцами в своем имении 27 сентября 1939 года. Жена пошла на смерть вместе с ним, не желая спасаться бегством. Мои собеседники были тогда в таком возрасте, которого взрослый человек уже не помнит. самого младшего из троих еще не было на свете.

Дедовские фотографии

Пани Мария хранит фотографию пяти братьев Шептицких, братьев дедушки Леона, сделанную летом 1939-го, когда некоторые уже предчувствовали, что наступает если не конец того мира, который они создавали, то во всяком случае долгий период неизвестности в судьбе. Двое старших из семерых сыновей Зофьи и Яна Шептицких рано умерли. Еще двое перешли в греко-католический обряд, вступив в орден василиан. Их внучатые племянники, особенно пани Мария, издавна живущая в Варшаве, глубоко почитают «русинские» корни семьи и то богатство, каким наделило ее призвание обоих двоюродных дедов. Старший из них, Роман (в монашестве Андрей), стал греко-католическим митрополитом Львовским, фигурой, вызывавшей споры. Включившись — с ведома и согласия Папы Льва XIII — в реформирование ордена василиан, чтобы лучше служить культурным и национальным чаяниям украинцев (как их тогда еще не называли), у поляков он встречал осуждение, особенно когда конфликты на общей земле обострялись. Младший брат, постриженный под именем Климентия и ставший архимандритом василиан-студитов, был вывезен большевиками из Львова после смерти митрополита (1944) и умер в тюрьме (ныне причислен к лику священномучеников).

Александр Шептицкий, тоже увековеченный на фотографии, хозяйничал в имении Лабуня на Замойщине и тоже погиб, замученный в замойской «Ротонде». А Станислав Мария, генерал австро-венгерской, а затем польской армии, умер в своей постели, как с улыбкой отмечает пани Мария.

В 1996 году, в год 400-летия Брестской унии, Мария Шептицкая поехала со своим сыном, студентом факультета международных отношений Варшавского университета, на юбилейные торжества в Рим. Там они встретили многочисленных приезжих с Украины, проявлявших к ним дружеские чувства.

— Люди нам радовались. Мне не раз говорили: «Митрополит Андрей дал моему деду стипендию, чтобы тот учился; митрополит отправил мое-

го деда за границу... — и, как бы оправдываясь, Мария Шептицкая добавляет: — Я сегодня никому не могу дать стипендию, но... Шептицкие это делали, а люди помнят.

Тени великих и близких

У Леона Шептицкого было восемь человек детей. Две из шести дочерей постриглись в монахини. Один из сыновей, Ян Сильвестр, скончавшийся в 1980 г., был отцом троих нынешних профессоров. Со стороны матери Зофьи, урожденной Велёпольской, у них тоже большая родня, включая знаменитого общественного деятеля XIX века маркграфа Александра Велёпольского.

Я спрашиваю своих собеседников о том, каким образцам им хотелось подражать. Ближайшим и первым, хотя и не «абсолютным образцом», был отец. Мария и Анджей в детстве знали его мало, так как, вывезенный большевиками, он сидел в тюрьмах, строил Находку, после чего, выйдя из «дома неволи» с армией Андерса, осел в Южной Африке и вернулся, когда Анджею было уже 18 лет. Семья, разделенная после войны, сохранилась, и это, по мнению пани Марии, особенно ценная заслуга ее членов. После ареста отца мать с тремя детьми осталась в Девятниках, украинской деревне, отношения которой с помещицей усадьбой в Прилбичах (польское название — Пшилбице) были всегда хорошими. Благодаря помощи «тети Хани» все перебрались во Львов, а оттуда дальше — на земли, носившие при немцах название Генеральной Губернии.

Императивом в том, чтобы «выйти в люди», то есть прежде всего учиться, была легенда отца, которую мать лелеяла тогда, когда дети не знали, что отец живет в Африке, что о нем пришло известие через Красный Крест. Они воспитывались в тени фотографии в кожаной рамке, где Ясь (так они всегда называли отца) был в защитного цвета обмундировании армии Андерса.

Трое профессоров Шептицких относятся к прилбичской линии, а Прилбичи в свое время достались по обычаю рода Леону как самому младшему. Семейное гнездо они знают хорошо, хотя только косвенно, по рассказам, как «дом большой, невероятно гостеприимный», куда на Рождество съезжалась вся огромная семья. Утром в сочельник выезжали на охоту, потом за столом пели польские и украинские коляды, а на рождественскую мессу отправлялись в костел в Брухнале. Они зна-

ют также, что их бабушка, уроженка келецкой земли, часто отправлялась на воскресную службу в расположенную гораздо ближе, чем костел, греко-католическую церковь в Девятниках. Пани Мария ходит сегодня в церковь василиан в Варшаве, иногда ее сопровождает сын.

Несколько лет тому назад она поехала на Украину, в Прилбичи, и, пожалуй, впервые со времен военного лихолетья зажгла поминальные свечи на могилах предков в день Всех Святых. Дома, который собирал всех Шептицких, больше нет; их тени словно продолжают опекать эту землю, чтобы она не ощущала их отсутствия.

Земляки

Отец моих собеседников однажды сказал, что нет никого среди Шептицких, кому были бы чужды польско-украинские проблемы. Семья веками жила на украинской земле и постепенно ополячилась. Ощущение «национальной двойственности» осталось сильным и превратилось в заинтересованность, отмеченную ощущением общности.

У Анджея Шептицкого постоянные научные контакты с Украиной, а значит, и много друзей там. — Еду туда почти как к родне.

Сын пани Марии говорит об украинцах: «Твои земляки, мама», — и она считает эти слова прекрасным определением той связи, которая соединяет ее с жителями родных мест. Кстати, кроме физики Мария Шептицкая занимается как раз историей своих земляков, прежде всего историей взаимоотношений поляков и украинцев — со всеми ее болезненными аспектами, со всей той неправдой, которая нагромождалась писавшими эту историю, с особым вниманием к судьбе братских Церквей, с личным равнодушным отношением к личности владыки Андрея и стремлением развеять мрачную легенду, которая возникла по невежеству биографов и по их не всегда добрым намерениям. Такое стремление должно, как говорит пани Мария, основываться на глубоких знаниях. Это мнение разделяет ее сын Анджей, и оба они возлагают большие надежды на результаты поисков в семейных и исторических документах.

Мы должны были быть лучше всех

— И в школе, и в гимназии мы знали, что должны быть лучше всех, — рассказывает профессор Анджей Шептицкий. Он признается, что у него самого не было трудностей из-за происхождения, когда он поступал в вуз в 1956 году. Самого стар-

шего, Павла, приняли на математический факультет «по большой протекции». Мария хотела... строить самолеты. На соответствующий факультет Вроцлавского политехнического института ее не приняли, как потом и на физический факультет Ягеллонского университета. Помогло лишь вмешательство одного «перядочного человека».

Профессор Шептицкий считает, что «учебность» рода идет скорее по материнской линии, от двух дядьев — Александра Велёпольского, варшавского химика, и Альфреда, щецинского историка. К этой же линии относится историк, муж сестры матери, познанский профессор Герард Лабуда. Впрочем, многие поколения Вёлепольских получили образование в хороших школах и вузах, а самый старший сын унаследовал имение, которое как родовое нельзя было разделять.

Карьера, не связанная с ценностью личности, в семье вообще не входила в расчет. Такое понимание прививалось молодежи и в прилбичском доме, и после войны — в Корчине под Кросно, где проходили школьные годы героев семейной саги. В один голос они утверждают, что не в состоянии отделить то, что вынесли из родного дома, от того, к чему их обязывает история в более широком смысле слова — история родной страны; а ощущение подобного долга присуще каждому из них. Академические карьеры обоих и стали способом исполнения этого долга. Анджей «пришел в биологию» из интереса к тому, как что называется, и желая знать «по именам» самых разнообразных животных — рыб, птиц, насекомых. Он занимается этими проблемами профессионально, ведет исследования в области систематики животных, а после работы с удовольствием занимается садом, в котором есть множество... интересных насекомых. И он, и его сестра приняли участие в тех переменах, которые произошли после августа 1980-го. Анджей Шептицкий был директором Института систематики и эволюции животных ПАН, и это учреждение под его руководством сумело пройти весь нелегкий период военного положения. Мария Шептицкая возглавляла лабораторию в Институте ядерных проблем. Кроме занятий наукой, она, не имея сада, разводит на балконе 11 видов можжевельника. Живет она поблизости от ипподрома и приходит туда полюбоваться лошадьми. Ее брат чтением углубляет свои знания по истории древнего мира.

Следующее поколение, по мнению обоих, в своих интересах и устремлениях нацелено более «жизненно». Неизвестно, будут ли среди них ученые, но ясно одно: каждый захочет получить высшее образование — не потому, что такова потребность нынешнего времени, но потому, что в семье к молодежи всегда предъявлялись такие требования.

Мария и Анджей Шептицкие, как и их брат Павел, как и их ровесники по лабунской линии: Александр, директор Института механизации сельского хозяйства, его жена, химик, принимающая участие в работе богадельни и других формах помощи ближним, — все они начинали взрослую жизнь в ту эпоху, когда помещичье сословие лишило материальных основ быта и привилегий, а официальная идеология отрицала его социальное значение и ставила под сомнение исторические заслуги.

— Мы это приняли к сведению и, пожалуй, успешно справились с этим испытанием, — говорит Мария Шептицкая и добавляет: — Я надеюсь, что мы сумеем создать кое-что ценное — мы как люди.

Люди их поколения из сословия помещиков перешли в ряды интеллигенции, но уже в иных условиях, чем это случалось с их предками в XIX веке. Либеральные демократии сомневаются в духовном лидерстве интеллигенции по другим причинам. Я спрашивала моих собеседников, нет ли у них ощущения, что данная роль исчерпала себя. Пани Мария ответила отрицательно, несколько косвенным образом:

— Невозможно себе представить, чтобы профессор отменил лекцию без основательной причины. Из-за бронхита позволительно отменить лекцию, но из-за интересной встречи за границей — нет. Вся сфера воспитания — это сфера наших обязанностей. Вторая сфера — это разнообразная общественная деятельность, ради других, вместе с другими. Если мы хотим построить нечто конкретное в нашем ближайшем или более далеком окружении, то мы просто должны это делать. И, пожалуй, мы это делаем.

Очерк подготовлен по материалам передачи из цикла I программы Польского радио «Династии ученых»; цикл передач финансируется Фондом поддержки польской науки. Очерк был опубликован в журнале «Форум академицке»

Богдан Цивинский

НЕ БЕЗ ПРИЧИНЫ ЕПИСКОПСКИЙ ПОСОХ НОШУ...

О митрополите Львовском Андрее Шептицком

Нелегко историку писать портрет видного и спорного лидера общественной жизни в тот момент, когда идет церковный процесс его беатификации. Ко всегда весомой профессиональной ответственности за слова о прошлом прибавляется чувство усиливающейся в такой момент актуальности и важности поднимаемой нами темы: каким был этот человек, которого Церковь намерена указать как особо ценный образец христианского поведения. Историк не намерен прямо высказываться по этому вопросу: его роль — не оценивать людей, а всего лишь напоминать о событиях.

Греко-католический митрополит Андрей Шептицкий (1865-1944) присутствовал при стольких событиях своей эпохи, и таких важных, и так активно в них участвовал, что, упустив его из виду, более того — не описав его, невозможно рассказать ни историю Греко-католической Церкви в XX веке, ни историю возрождения украинского народа и его культуры в тот же период. Наложил он свой отпечаток и на традиции польской культуры восточных окраин, и на историю католицизма в России, став точкой скрещения многих вопросов, важных для культурного и вероисповедного самосознания всей Восточной и Центральной Европы. О таких людях говорят, что они подталкивают историю.

***

Роман Александр Шептицкий (имя Андрей, под которым он вошел в историю, он принял 2 июня 1888 г., вступив в греко-католический орден василиан) родился в 1865 г. в Прилбичах Львовского воеводства, т.е. в тогдашней Австро-Венгерской империи. Семья оказала на его личность влияние, силу которого мы сегодня почти не умеем осознать. Находясь на грани зажиточного дворянства и титулованной знати, она входила в специфический культурный круг, многонациональный и расположенный поверх европейских границ, связанный бесчисленными матримонийными и всякими другими узами. Участие в этом кругу давало разнооб-

разные культурные, социальные и даже экономические прерогативы, но навязывало определенный стиль поведения и границы допустимых отступлений от того, что там было принято. Ян Шептицкий, отец будущего митрополита, похоже, весьма заботился о соблюдении этого неписаного кодекса своего круга. Мать, Зофья Шептицкая, урожденная Фредро, дочь великого драматурга, исключительно ревностная католичка, получившая религиозное образование, меньше заботилась о светском конформизме и по крайней мере в делах веры была готова нарушать предписания. Она тоже пользовалась у своего сына огромным авторитетом.

Говоря сегодня о патриархальной модели аристократической или помещичьей семьи, мы обычно рассматриваем эту модель как принятую извне систему зависимостей и иерархии поколений, систему, ограничивающую свободу поведения и поступков отдельных личностей, поставленных в зависимость от воли отца семейства. Однако наблюдение отношений в конкретных семьях этого круга показывает, что патриархальность не строилась на жесткой структуре приказа и повиновения, а была обычно укоренена в чувстве эмоциональной связи, солидарности и совместной ответственности за всю семью. К семейным связям относились всерьез, они много значили, но в то же время были лишены сентиментальности, почитаемой слабостью и недостатком культуры чувств. Подобной сентиментальности избегали и в рамках религиозности, редко демонстративной, почти не обсуждавшейся и в связи с этим сильно индивидуализированной. Эта религиозность в малой степени опиралась на местное, обычно довольно убогое, пастырское окормление. Зато пищей ей служила весьма широкая европейская религиозная литература, наверняка традиционная и традиционалистская, но культурно весьма богатая.

У семьи Шептицких были, разумеется, украинские («русинские») корни, лежащие в восточном христианстве, в XVIII веке один из Шептицких

был даже греко-католическим митрополитом — но к концу XIX века она уже была чисто латинской, западной и «европейской». Постоянные контакты с населением, в большинстве своем украинцами и греко-католиками, были дружескими и культурными контактами «господ» со «службой». Интересно, что в доме действовало правило: к каждому из служащих обращаться на его родном языке. Кстати сказать, сын писал матери письма чаще всего... по-французски.

Этот культурно-социальный контекст поможет нам осознать скандал, каким стало

в этой семье решение сына Романа, глубоко религиозного, покинуть латинский обряд своих родителей и всего окружения и стать греко-католиком — вступить в восточный орден василиан. Это была религиозная, культурная, социальная революция. Со временем она проявила и свой национальный аспект, но это обнаружилось намного позже. Выполнение этого решения совершалось постепенно и с заботой сохранить полное уважение к авторитету отца. Это тянулось несколько лет, однако свершилось: из светского общества исчез Роман Шептицкий, а в монастыре василиан в Добромиле появился послушник, а через четыре года — отец Андрей.

Нелегко ответить на вопрос, какую историческую реальность — религиозную, культурную и социальную — представляла собой Греко-католическая Церковь в Восточной Галиции в конце XIX века. Польские свидетельства, чаще всего принадлежащие латинскому духовенству или знающим деревню помещичьим кругам, оценивают ее весьма критически, но, вероятно, они в некоторой степени пристрастны.

В них особенно подчеркивается культурное убожество пастырского окормления греко-католиков. Такие мнения могут отражать истину даже в отношении большинства греко-католических приходов, но они не исчерпывают всей картины. Украинская элита, начинавшая создавать нацию, рождалась прежде всего как раз среди греко-католиков, и происходило это по крайней мере за два

поколения до эпохи, о которой мы здесь говорим. Не следует забывать, что знаменитая «русинская троица» молодых поэтов, с которых начинается украинская литература Нового времени: Сташкевич, Вагилевич и Головацкий, — были выпускниками греко-католической семинарии, что авторами 40 из 43 украинских текстов, изданных до 1850 г., были греко-католические священники, а председателем Головной Рады в период революции 1848 г. был епископ Григорий Якимович, греко-католический митрополит Львовский. Значительно поз-

же, в 1882 г., польские иезуиты по поручению Папы Льва XIII активно помогали реформировать пришедший в некоторый упадок греко-католический орден василиан. Возглавлял эту деятельность о. Генрик Яцковский — обратим внимание, духовник юного Романа Шептицкого. Здесь мы, как нам кажется, затрагиваем обстоятельства юношеского решения постричься в василиане.

Из-за сильного сопротивления отца осуществление этого плана было отложено на несколько лет, во время которых Шептицкий отбывал воинскую службу, весьма недолгую из-за тяжелой болезни, а потом изучал право в Бреслау и Кракове, весной 1888 г. получив звание доктора права. Годы учебы он использовал для того, чтобы получить как можно более полные знания о тогдашних проблемах жизни Церкви: в Кракове он подружился с братом Альбертом (Хмелевским), в Велеграде участвовал в обновлении кирилло-мефодиевских традиций, в Риме 21-летним студентом познакомился с престарелым основателем ордена воскресенцев о. Петром Семененко, с кардиналами Влодзимежем Чацким и Мечиславом Ледуховским, в Киеве — с выдающимся украинским историком Владимиром Антоновичем, в Москве — со знаменитым религиозным философом Владимиром Соловьевым. Список контактов такого уровня можно было бы продолжать. Пополнив таким образом свое образование, в 1888 г. он стал послушником в василианском монастыре в Добромиле.

С этого момента его биография набирает захватывающий темп. Через четыре года он рукоположен во священники, через пять — стал учителем василианских послушников, через семь — настоятелем львовского монастыря св. Онуфрия, через девять — реформировал женский орден монахинь-василиянок, через 11 — возведен в сан епископа в Станиславе, а через 12, назначенный митрополитом Львовским, — возглавил Греко-католическую Церковь в Галиции. Это служение он нес до самой смерти (1944), то есть 44 года. Годы трудные и драматические.

***

В одном из пастырских посланий он написал: «Не без причины епископский посох ношу!» Это прозвучало тогда весьма категорично и почти грозно: от своих подчиненных он требовал повинности и дисциплины. Но у меня создается впечатление, что тут есть нечто большее: личное осознание своей роли епископа и митрополита в этой Церкви и этом народе. Поняв это удивительное восклицание, можно, пожалуй, обнаружить общий знаменатель всей его деятельности.

Греко-католическая Церковь, уже около двух десятков лет переживавшая период пробуждения своей элиты, нуждалась в динамическом продолжении своего развития. Выбирая из нескольких возможных ее путей, митрополит вначале счел главной задачей духовное и интеллектуальное образование самого духовенства. В течение 15 лет до начала I Мировой войны это выражалось в заботе о митрополичьей семинарии во Львове, в отправке самых способных священников продолжать образование в Риме, Фрибурге, Инсбруке, но также и в стремлении развивать монашескую жизнь. Еще до того, как Шептицкий стал митрополитом, он, используя опыт брата Альберта и польских альбертинцев, готовил создание ордена студитов, первый монастырь которых был открыт в 1904 году. Перед самым началом войны митрополит предпринял шаги по созданию греко-католической ветви латинских редemptористов. Всю эту деятельность можно считать обогащением Греко-католической Церкви путем использования латинских образцов. Но в то же время Шептицкий был сторонником и пропагандистом мысли о том, что Греко-католическая Церковь должна оставаться верной своим традициям, связывающим ее с восточным христианст-

вом, его духовностью и культурой. Со временем он стал духовным лидером этого «восточного течения» в греко-католичестве XX века.

Обращение к традициям брата Альберта в свою очередь означало, что пастырское окормление должно быть тесно связано с реальной помощью в материальных и социальных нуждах всей церковной общины. Этот аспект пастырских задач, разумеется, важный и сильно подчеркнутый, нес с собой, однако, огромную социальную, идейную и политическую проблематику жизни Греко-католической Церкви в многонациональном обществе, раздираемом внутренними конфликтами. В таких исторических обстоятельствах следование евангельским заповедям неизбежно втягивало Церковь в водоворот борьбы — социальной, между социалистами, народниками и консерваторами, и национальной, где главными сторонами были украинцы, католики греческого обряда, и поляки — латинского. Желая оставаться в контакте с мирянами своей Церкви, священники были вынуждены выражать мнение по обоим этим вопросам, а желая оставаться в согласии со своим призванием, должны были показывать, где проходит путь между смирением перед лицом несправедливости и террористическим ответом на насилие. Задача была чрезвычайно трудной, она требовала высокой нравственной квалификации и от рядового священника, и — несравненно больше — от митрополита, который становился судьей во всех конфликтных ситуациях. При этом он был митрополитом украинцев и должен был указывать путь не только Церкви, но и народу.

И здесь, в этой второй плоскости, его предложения по развитию совпадали с теми, какие он выдвигал в отношении Церкви. Первой задачей было укрепить национальное самосознание. В 1905 г. митрополит учредил во Львове украинский Национальный музей. Вскоре он приступил к стараниям по основанию украинского университета. Этого ему добиться не удалось, но благодаря ему во Львове начало свою деятельность Научное товарищество им. Тараса Шевченко, а духовенство его епархии стимулировало целый ряд местных культурных начинаний своих прихожан. Если в результате украинской организационной деятельности к 1914 г. в Галиции насчитывалось три тысячи начальных школ, 27 гимназий, почти три тысячи отделений культурного общества «Просвита» и свыше 500 народных сельскохозяйственных кооп-

перативов, то во всей этой общей деятельности доля стараний и поощрений митрополита была немалой. Он строил Украину снизу.

Митрополит использовал свои политические возможности и в верхней палате венского парламента, ратуя за создание на территории Восточной Галиции украинской автономии. Идею эту он пропагандировал и за границей, посещая греко-католическую украинскую эмиграцию в Северной и Южной Америке. К политическим событиям в самой Галиции он подходил с осторожностью, предостерегая свое духовенство от участия в партийных интригах и требуя соблюдать внутрицерковную солидарность. От политического террора он отмежевался с самого начала, осудив убийство наместника Галиции Анджея Потоцкого, совершенное в 1908 г. украинским студентом Миколой Сичинским. В резком публичном выступлении он произнес многократно вспоминавшиеся потом слова: «Патриотизм не может быть ненавистью и не может накладывать долг, противный вере». Такое поведение вызвало многочисленные нападки украинских радикальных политических кругов.

***

Однако гораздо больше нападала на него — еще в те, австро-венгерские времена — польская сторона. Это было исторически обусловлено. Не всегда прямо высказывалась, но подспудно всегда присутствовала суть спора: существует ли в Галиции украинский народ или же это только «русинское», греко-католическое крестьянское население, извечно составлявшее — и далее долженствующее составлять — часть политической польской нации? При тогдашнем состоянии общественного сознания у большинства тамошнего населения — поляков, украинцев и евреев — и при отсутствии четких и недвусмысленных формально-политических критериев вопрос оставался открытым, а ответы на него носили характер субъективных деклараций. За политическую автономию Галиции в рамках Австро-Венгерской империи уже десятки лет боролись поляки, иногда оказываясь близко к цели. И когда параллельно этому прозвучал лозунг украинской автономии Восточной Галиции, он сразу же стал политическим препятствием на пути польских усилий и в этом качестве был немедленно использован венскими сторонниками австрийского централизма: к идеям украинской

элиты там отнеслись весьма дружелюбно. Таким образом, в польско-украинском споре появился третий партнер — Австрия. Он был далеко, но представлял власть и политическое статус-кво.

В такой конфигурации ответ на вопрос: украинский народ или русинские мужики — становился политически крайне важным и делал оппонентов в дискуссии политическими противниками. Надо было стать по ту или другую сторону баррикады. Митрополит Греко-католической Церкви сознательно стал на украинскую сторону, а занимаемый им церковный пост, не говоря уже о его личности, делал его духовным вождем украинского лагеря. Между тем он был родом из польской семьи, давно латинизированной, представлял высочайшую европейскую, западную культуру, мог быть «одним из нас». Несмотря на это, он выбрал тот лагерь, стал нашим противником, тем более опасным, что был таким замечательным, таким благочестивым, таким, на которого трудно было нападать осмысленно.

Выходит, что уже тогда, накануне конца света, каким было начало мировой войны, Андрей Шептицкий был страшной неприятностью для поляков — и великим сокровищем украинцев.

***

Когда начиналась I Мировая война, которой предстояло положить конец монархии Габсбургов и задать всем ее жителям новые вопросы о том, кто они такие и к чему принадлежат, греко-католический митрополит Львовский Андрей Шептицкий был уже немолодым человеком; он приближался к концу четвертого десятка, а за спиной у него было 15 лет епископского служения. Уже 14 лет он стоял во главе своей Церкви и пользовался у украинского населения своей митрополии высоким авторитетом в вопросах как религиозных, так и национальных. Львовские и вообще галицийские украинцы в те времена обладали куда более развитым сознанием, чем их соотечественники в Российской империи; они чувствовали себя «украинским Пьемонтом» и войну между Австро-Венгрией и Россией воспринимали как шанс пробуждения, а может быть, и политического подъема братьев из-за границы. О независимости тогда еще никто не думал, но украинская автономия на землях, которые могли бы быть присоединены к Австрии после чаемой победы, была в мечтах и планах вполне достижима. Тем време-

нем война началась иначе — резким наступлением русской армии, которая осенью 1914-го заняла всю Восточную Галицию, часть Западной и через Карпаты вторглась в Венгрию. В течение нескольких месяцев российской оккупации велась насильственная русификация украинского населения с особым упором на отказ от унии и переход в православие, подчиненное Русской Православной Церкви. Тот факт, что за это довольно короткое время давлению уступило около 5% греко-католических приходов и около 10% их духовенства, показывает, что сознание своего вероисповедания не было в этой Церкви слишком высоким.

Сам митрополит после прихода русской армии был выведен из игры — его арестовали и сослали сначала в Киев, потом в Нижний Новгород, Курск и в конце концов в Суздаль и Ярославль, где он оставался интернированным вплоть до февральской революции. Однако принудительное пребывание в России не стало для него временем инертности. С 1907 г. он располагал специальными полномочиями (которые дал ему Папа Пий X «на всякий случай») распространять униатство в Российской империи, и вот сложились неожиданные обстоятельства, когда этими полномочиями можно было широко пользоваться. Весной 1917 г. митрополит появился в Петербурге и назначил первого в истории экзарха греко-католической Церкви в России — священника Леонида Федорова.

В октябре того же года митрополит уже был во Львове и включился в политическую деятельность, готовя провозглашение украинского государства в Галиции. Это совершилось годом позже, 1 ноября 1918 г., когда во Львове на развалинах австро-венгерской монархии было объявлено о создании Западно-Украинской Народной Республики. Против этого акта немедленно выступило польское население Львова, прежде всего польская молодежь — знаменитые львовские «орлята». Город стоял в огне. Митрополит, духовный вождь украинцев, был интернирован с польской стороны фронта.

Жизненный выбор между польской и украинской ориентацией Андрей Шептицкий сделал гораздо раньше, вероятно еще за четверть века до этого. Однако тогда, будучи австрийским подданным, он выражал свое личное ощущение национальной принадлежности. В ноябре 1918 г. тот же выбор был политическим самоопределением: надо было стать на украинскую сторону против Польши или на польскую — против Украины. Так шла история. Митрополит выбрал Украину, его родной брат генерал Станислав Шептицкий стал на сторону Польши. Над этим можно задуматься.

Митрополит Андрей Шептицкий

С тех пор конфликт митрополита с польским государством стал неизбежной повседневностью. Бои за Львов кончились победой Польши через несколько дней, борьба за принадлежность Восточной Галиции к польскому государству шла намного дольше. Историческое сопряжение церковных и национальных категорий привело к тому, что любое развитие греко-католического пастырского окормления могло вызывать, а практически часто и вызывало, тревогу польской администрации. И точно так же любой шаг властей, направленный на культурную или политическую ассимиляцию украинцев в польском государстве, мог ослаблять и часто ослаблял их духовную связь с греко-католической Церковью. Волей-неволей причинно-следственные связи между религиозностью и политическими позициями оказывались весьма сильными. В результате украинские греко-католические священники, в период острых национальных конфликтов 1918-1920 гг. ставшие на украинскую сторону, оказывались политзаключенными в польских тюрьмах, а выступавший в их защиту митрополит не пользовался кредитом доверия ни у властей, ни у львовских поляков. Это сопряжение воздействует даже на отношения внутри епископата. Польские епископы латинской Церкви — архиепископ Бильчевский, епископ Адам Сапега — и первоиерарх Армянской католической Церкви архиепископ Юзеф Тео-

дорович стремились противодействовать митрополиту Андрею Шептицкому и принижать его позицию в глазах Ватикана.

В 1920-1923 гг. митрополит находился за границей. Первым этапом его путешествия стал Рим, где он, несмотря на интриги польских епископов, приобрел доверие Папы Бенедикта XV и был назначен визитатором греко-католических приходов и миссий в Америке. Тамашние греко-католики — это, разумеется, украинские эмигранты, уехавшие за океан еще в австро-венгерские времена. «Визитация» их приходов — это в первую очередь пастырское окормление, но сразу вслед за этим — политическая деятельность. На дворе 1921, потом 1922 год — на международном форуме решается, чем станут земли бывшей Восточной Галиции — независимой Западной Украиной или частью польского государства. Первое дело — мобилизация эмигрантской общественности, второе — антипольская политическая деятельность в США. Эта деятельность продолжалась вплоть до марта 1923 г., когда Совет послов, несмотря ни на что, признал за Польшей территории до самой реки Збруч. По ту сторону Збруча — Советский Союз. Независимой Украины больше нет.

В таких обстоятельствах возвращаться во Львов было нелегко — как политически, так и душевно. Митрополита задержали на границе, и перед тем как вернуться в свою митрополию, ему пришлось нанести официальный визит президенту Речи Посполитой. Встреча состоялась в Спале, а ход ее стал предметом исторических споров: принес ли тогда митрополит торжественное обещание лояльности польскому государству или же этот акт состоялся только после подписания конкордата между Ватиканом и Польшей (1925), когда такую присягу приносили все епископы.

***

Вторая половина 1920-х, пожалуй, была временем сравнительно спокойного и вместе с тем плодотворного пастырского труда митрополита. Национальная напряженность на его территории снижалась, общественно-просветительская деятельность и развивающаяся сельская кооперация приносили украинскому населению хорошие экономические и культурные результаты. Однако этот период резко закончился в 1930 году. У нового конфликта были причины с обеих сторон.

Политические настроения украинцев радикально обострились. Противостояние политике польского государства усилилось, но прежде всего стало выражаться в новых методах действия. Молодое поколение, выбиравшее во всей Европе всё более радикальные политические шаги, пренебрегало принятыми парламентскими нормами, искало иные пути демонстрации своей силы. Украинская молодежь обратилась к террористическим актам против представителей польской администрации и местных властей.

А власти в тот же самый период перестали стеснять себя принципами демократии и формальными предписаниями относительно гражданских свобод и категоричней, чем прежде, требовали повиновения. Это тоже была общеевропейская черта эпохи. Всякую оппозицию считали подозрительной, а ответом на каждый теракт становились жестокие карательные операции и слишком широкомасштабные полицейские преследования. В результате размах конфликта рос с устрашающей быстротой. Политическая атмосфера значительно ухудшилась.

Митрополит не мог и не хотел оставаться пассивным. Его деятельность пошла в трех направлениях. После карательных операций 1930 г. он принял интенсивные переговоры с властями в Варшаве, встречался с Юзефом Бекком, Фелицианом Славоем-Складковским и Валерием Славекком, т.е. с людьми, определявшими внутреннюю политику государства. Своих собеседников он убеждал в бессмысленности распространения борьбы с политическими террористами на широкие круги украинской деревни, где не вполне понятные карательные действия полиции лишь углубляют украинско-польский конфликт.

Вторым направлением деятельности митрополита были его пастырские послания духовенству и мирянам греко-католической Церкви, в которых он все решительнее предостерегал от соблазна политического терроризма. Его призывы опирались прежде всего на религиозные и нравственные принципы; митрополит указывал, что применение террористических методов лишает украинские идеи их ясных нравственных обоснований. Такие обращения митрополита, пользовавшегося у украинцев самым высоким нравственным авторитетом, повторялись начиная с осени 1930 г. до самой II Мировой войны и в ходе ее и становились все более категоричными. За короткое время предостережения от нарастающе-

го национализма и терроризма стали главным нравственно-социальным содержанием его пастырских поучений.

Третий род деятельности проявился в создании новых центров, занимавшихся формированием общественных позиций у лучших людей греко-католической Церкви. Это были Украинский католический союз со своим органом печати, еженедельником «Мета», и появившиеся на всей территории метрополии отделения организации «Католическое действие». Эти организации, которые, кстати, были украинским отражением общей воспитательной волны, шедшей в 30-е годы через всю католическую Церковь, создавали идейную альтернативу широко распространенным лозунгам украинских националистов.

Вся эта деятельность, предпринятая крайне заслуженным, но в 1935 г. уже ступившим на порог восьмого десятка митрополитом, прикованным из-за неизлечимой болезни к инвалидной коляске, все же оказывалась малоубедительной для радикально настроенной, жаждущей борьбы националистической молодежи. Недоброжелательная политика польского государства тоже не помогала призывам к умеренности. В результате Шептицкий постепенно терял свой огромный духовный авторитет. Или, может быть, было иначе: его авторитет повышался в кругах сознательных греко-католиков, но заглушался на улицах и проселках. Там правили националисты.

Правили сначала осторожно, потом все громче выступали против старика-митрополита, который-де уже не понимает новых времен и необходимости радикально стоять против поляков. В кругах ОУН (Организации украинских националистов) зазвучали даже голоса, говорившие о необходимости отделиться от Ватикана, митрополита и епископов и создать украинскую национальную Церковь, которая не будет раскалывать идеологическое единство украинцев. В этом контексте стоит напомнить, что самые активные центры украинской политической эмиграции тех времен — это был конец 1930-х — функционировали в гитлеровской Германии...

***

Начало II Мировой войны ознаменовало еще одну границу эпох. 1 сентября 1939 г. митрополит направил письмо священникам, предлагая им противодействовать немецкой пропаганде среди ми-

рян и обращать особое внимание на молодежь, оберегая ее от участия в потенциальных антигосударственных провокациях. При немалой тогда распространенности пронемецких настроений в украинских кругах такое выступление весьма подчеркивало лояльность Шептицкого по отношению к польскому государству, с которым он раньше вел серьезные бои.

Между тем после 17 сентября во Львове появились не немцы, а Красная Армия. Для греко-католической Церкви это оказалось совершенно неожиданным ударом. Три следующих письма митрополита, отправленных в Ватикан из-под советского господства, позволяют констатировать, какая тогда сложилась ситуация. Основное внимание уделялось не судьбе самой Церкви как института, а более широкому общественному контексту. Советские власти, входившие во Львов под лозунгом «освобождения западных украинцев», тут же дезорганизовали всю жизнь местного сообщества. И в то же время применение трех методов: ликвидации всех польских государственных учреждений, весьма широкого политического террора с массовыми арестами и необузданного грабежа всех материальных благ — парализовало город и страну. На этом фоне греко-католическая Церковь, хоть и лишенная большинства нормальных свобод, материально ограбленная и подрываемая арестами духовенства, еще могла существовать. В письмах Шептицкого подчеркнута не столько рационально организованная враждебность, сколько безумный разрушительный хаос, характеризовавший советскую политику.

Ужас, который вызывала у населения эта политика, и ненависть к советским захватчикам — все это после 22 июня 1941 г. принесло свои плоды в виде энтузиазма, с которым поначалу встретили украинцы вступившую во Львов немецкую армию. Ощущение огромного облегчения испытывал и сам митрополит. В начале июля он в пастырском послании приветствовал немцев как освободителей, а 6 июля, после провозглашения бандеровцами независимого украинского государства, принял почетный пост председателя Украинского национального совета. В тот момент это был недвусмысленный выбор политической ориентации во II Мировой войне: с Германией — против СССР. Независимая Украина должна была созидаться в лагере держав оси.

О серьезном историческом отношении к этой концепции свидетельствует написанное в январе 1942 г. письмо украинских политиков Гитлеру, где они протестовали против того, что украинцам не дают воевать с Советским Союзом, — вместе с другими его подписал и митрополит...

Вскоре после этого украинская интеллектуальная и политическая элита осознала, что связывать украинский вопрос с немецким лагерем было ошибкой. Против Гитлера мобилизовалась огромная часть сил всего мира. При этом немецкая политика по отношению к украинским чаяниям сводилась к практическому использованию их резкой антисоветской настроенности и интенсивному грабежу Украины. Украинцы могли быть для Германии только орудием, но не союзником и не партнером. Сам митрополит при этом обратил особое внимание на то, как выглядит дальнейшее пребывание в гитлеровском лагере с нравственной точки зрения, — и это склонило его ко всё более резким шагам. В феврале 1942 г. он написал письмо Генриху Гиммлеру, протестуя против уничтожения евреев. Такое выступление было равнозначно радикальной атаке на всю идеологию немецкого национал-социализма. В августе того же года в письме Папе Пию XII Шептицкий необычайно резко осудил политику Гитлера и признался, что за год до этого совершил серьезную ошибку, приняв на веру гитлеровские заверения.

В 1942-1943 гг. начались — в особенности на Волыни, но в какой-то степени и на территории галицийских епархий — нападения украинцев на села с польским населением. Лозунг «Ляхи за Сан» стал сигналом к террору. Эти факты стали предметом последних выступлений престарелого митрополита. В самых резких, в высшей степени категорических словах он запрещал совершать или восхвалять политические убийства. Особенно известным примером, который произвел боль-

шое впечатление на украинскую общественность, стало его пастырское послание «Не убий» (ноябрь 1942). «Не убий» в устах митрополита стало не только политическим предостережением, но и нравственным и религиозным призывом, подводившим итоги всему его учительству — начиная с осуждения террориста, который в 1908 г. застрелил наместника австрийской полиции Анджея Потоцкого.

В конце войны это противодействие политическим убийствам стало главным содержанием поучений Шептицкого и основным видом его активной деятельности. С этим были связаны и последние его усилия по примирению украинцев и поляков. По его инициативе весной 1944 г. во Львове прошли тайные переговоры между представителями ОУН и АК, целью которых было прекратить взаимную борьбу накануне вступления на эту территорию общего врага — советской власти. Переговоры не привели ни к какому соглашению. Опасавшийся этого митрополит еще раньше — в августе 1942 г., в вышеупомянутом письме Папе, — драматически писал: «Для этой страны было бы спасительно, если бы гонения привели к необходимости умереть за веру. Здесь очень нужны добровольно понесенные кровавые жертвы, чтобы искупить множество преступно пролитой крови». Весомость этих слов особенно ясна, если мы осознаем, что это писал великий украинский патриот и учитель своего народа.

Митрополит Андрей Шептицкий умер вскоре после вступления во Львов Красной Армии — 1 ноября 1944 года. Для Украины тогда начинались новые полвека неволи. Потерпел ли он в своей жизни поражение? Ответ на этот вопрос приходит лишь теперь. Он вдохнул в Церковь и народ, которым служил, нравственную силу, насадил духовную озимь, которая только сейчас дает всходы. Чем она окажется, увидят его духовные правнуки.

В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ БРОДСКОГО

Беседа с Барбарой Торунчик

Словно тысячи рек умолкают на миг, на мгновение вдруг, я запомню себя, там, в горах, посреди ослепительных стен, там внизу, человек, это я говорю в моих письмах на Юг, добрый день, моя смерть, добрый день, добрый день.

Этим строкам, написанным в 1961 г. юной 21 года от роду, суждено было сбыться через 35 лет. Иосиф Бродский скончался 28 января 1996 года. Этот поэт не только в России «больше, чем поэт»... Не будет преувеличением сказать, что в Польше к Бродскому особое отношение. Его поэзия пришла в Польшу в переводах Виктора Ворошильского, Анджея Дравича, Станислава Баранчака, Катажины Кишижевской.

А стараниями Барбары Торунчик, главного редактора польского литературного журнала «Зешиты литератке» («Литературные тетради»), стихи «рыжего гения», как любовно называли Бродского многие друзья, стали известны каждому польскому читателю поэзии. Не случайно номер этого журнала, вышедший в 10-ю годовщину смерти Иосифа Бродского, целиком посвящен его памяти.

— Как началась история творческих взаимоотношений Иосифа Бродского с вашим журналом?

— Иосиф Бродский сотрудничал с «Зешитами литератке» с самого начала существования журнала. Он даже участвовал в его основании. Именно тогда мы с ним и познакомились в США. Это был рубеж 1981-1982 года, время введения в Польшу военного положения. Польские события очень нас сблизили. Бродский невероятно Польшей интересовался, очень мне помогал, не только профессионально, но и в личном плане.

Я была совершенно подавлена, чувствовала себя очень одиноко — то ли эмигрантка, то ли беженка... Было неизвестно, какая судьба ожидает выехавших из страны. С другой стороны, нас очень сблизило беспокойство о положении литературы в той политической обстановке. Я была связана с польским подпольным издательским движением, о чем Бродский знал. Независимое издательство НОВА, которое я тогда представляла, издало в это время сборник стихотворений Ахматовой, и накануне нашей первой встречи с Бродским я как раз получила его из Польши. Знаете, первое, что я сделала во время нашей встречи, — в каком-то безотчетном порыве протянула ему эту книгу. И оказалось, что это был лучший ключ к Бродскому, ведь сейчас все мы знаем (а я тогда еще не знала), насколько важной личностью в его жизни была Ахматова... В то время в связи с тем, что происходило в Польше, представители эмиграции из стран Восточной Европы старались как-то поспеть за развитием ситуации в «нашем бараке», и мы часто говорили с Бродским не только о политической ситуации, но и о литературе в нашей стране. Надо сказать, что тот период стал поворотным моментом в формировании политической мысли эмиграции из восточноевропейских стран. Впервые дело дошло до объединения в нашей деятельности и живого практического интереса к тому, что происходит друг у друга. После поражения «Солидарности» можно было подытожить печальный опыт. Ведь это была уже не только интервенция в Афганистане, не только крах «пражской весны». Подавление «Солидарности» стало крушением надежд на то, что где-то у нас можно обрести свободу, не вводить советские войска и не начинать репрессии. Поэтому все мы так нуждались друг в друге, чтобы сообща думать, что делать дальше. Следует отметить, что где-то с конца 70-х в польских эмигрантских кругах зрела и развивалась мысль, что о будущем стран Восточной Европы

надо мыслить не только в политических, но и в философских, религиозных, культурных категориях. Об этом много говорил, например, Чеслав Милош, связанный с парижской «Культурой». В ту пору в связи с польскими событиями это издание сильно политизировалось, и от этого несколько страдал литературный аспект. Наверное, именно поэтому я подумала об основании журнала строго литературной направленности, чтобы не отрывать политическую мысль от литературно-философской, мыслить более глубокими категориями, в более далекой перспективе. Так совпало, что и Бродский как раз в то время имел отношение к основанию русского литературного журнала в Нью-Йорке, а значит, мы шли по одному пути.

— *Когда в 1993 г. Бродский был в Польше в связи с присвоением ему степени почетного доктора Катовицкого университета, он сказал, что Польша для него — понятие не только и не столько географическое, сколько духовное. Со своей стороны Збигнев Херберт, узнав о смерти Бродского, в письме к Станиславу Баранчаку после слов «Я потрясен...» написал, что хоть Бродский и не был его близким другом, но он всегда питал к нему чувство большее, чем дружба, — духовное братство. Подобное чувство испытывала значительная часть польской интеллигенции. В чем вы видите корни духовного родства, взаимного притяжения двух явлений — поэта Бродского и страны Польши?*

— Мне кажется, что проблемой номер один поколения Бродского и самого Бродского было установление связей с великим духовным наследием европейской цивилизации. Поэт часто впрямую говорил об этом... Родившийся в 1940 г., воспитанный в советской системе, он рос полностью изолированным от этого наследия. При этом Бродского уже смолоду характеризовала невообразимая тяга к европейской культуре и тоска по ней. Это можно назвать попросту голодом. И мы, рожденные после Ялты, позже оказавшиеся за Берлинской сте-

ной, переживали то же самое. Мы нуждались в доказательстве, что этот настоящий мир существует. Я говорю о формировании некой духовной вселенной... Для Бродского таким первым заграничным резервуаром духовности, первым «европейским связным» стала Польша, польская литература, его польские друзья, писатели и поэты — классики и современники, которых он переводил. В свою очередь для поляков Бродский был как гениальным поэтом и эссеистом, так и живым воплощением личной и творческой независимости.

— *Что же содержится в номере «Зешитов литерацикх», посвященном памяти Бродского?*

— Номер, который мы издали и посвятили Бродскому в 10-ю годовщину его смерти, — не первый, связанный с ним. Мы очень много печатали и самого Бродского, и о нем. Позади у нас 23 года тесного сотрудничества с Бродским. Были целые годы, когда «Зешиты литерацикх» печатали эссе Бродского еще до того, как они появлялись в России и даже во Франции. Все основные тексты Бродского, и поэтические, и публицистические, и литературоведческие, мы опубликовали еще при его жизни. Поэтому делая сейчас номер к этой печальной годовщине, я должна была задать себе вопрос: что дать, чтобы не повторяться и одновременно остаться в атмосфере его мыслей и чувств? В результате получился номер, который я бы назвала «Дыхание России». Его концепция состояла в том, чтобы собрать материалы, дающие представления о том, чем была жизнь в России для таких авторов как Бродский и Цветаева — важнейший для Бродского поэт в литературном аспекте.

Стоит добавить, что кроме очерков самого Бродского и стихов Цветаевой в последнем номере «Зешитов литерацикх» есть и публикации польских авторов об этих поэтах, об атмосфере Петербурга, о взаимоотношениях в литературных кругах России и многое другое, что связано с миром русской поэзии.

Беседу вела Ирина Завиша

Мариан Гжещак

ЧАСОСЛОВ МИХАЛА ЯГЕЛЛО

Начинается так: «С 1 января 1993 года словаки пишут новую главу своей истории, ибо в этот день возникла суверенная Словацкая Республика». Заканчивается так: «Мы дожили до тех времен, когда Польша и Словакия стали полноправными членами Евросоюза и НАТО».

Такие молниеносные перемены — практически в течение одного десятилетия — вряд ли были бы возможны, если бы не упорный труд словаков на протяжении целого тысячелетия. Пропорция ошеломляющая: тысяча к десяти. В течение одного десятилетия осуществилась мечта народа, живущего у подножия Татр, о собственном государстве, независимом и самостоятельном, ибо даже если в прошлом и предпринимались попытки создать свое государство, это все же были решения, принимавшиеся по принуждению, подобно тому, как это происходило во время II Мировой войны со Словацким государством во главе со священником Тисо.

Пропорция ошеломляющая: тысяча к десяти.

Михал Ягелло в своей подобной часослову — почти тысячестраничной — книге «Словаки глазами поляков» рассказывает об удивительном словацком тысячелетии. Автор, правда, основное внимание уделяет Новому времени — начиная с революции 1848 г., но первые три главы его труда посвящены словацкому историческому наследию в целом. Названия глав говорят сами за себя, раскрывая их содержание: «Земля, люди и их язык», «Страна многих культур», «Взгляд на юг».

Начало начал относится к римской эпохе, о чем говорит наскальная надпись, сделанная в Тренчине в 179 г., а на колонне в Риме изображена сцена «чуда с дождем», благодаря которому войска Марка Аврелия победили германское племя квадов. Марк Аврелий умер в крепости Карнунт (сейчас Петронель в Нижней Австрии), охотно посещаемой туристами. На другом берегу Дуная лежит Девин, старинная словацкая крепость, которую так же часто посещают туристы. О том, что здесь когда-то побывали римляне, говорят сохранившиеся в словацком языке слова, обозначающие кирпич, стену, дом, рубашку, уксус.

После римлян набеги на Придунайскую низменность устраивали гунны и авары. Потом пришло время словацких князей. Вот имена некоторых из них: Само (623-658), Прибина, Моимир (основатель Великой Моравии), Ростислав, занявший трон в 846 году. Это он призвал в Солунь (теперешние Салоники) двух греческих монахов, говоривших по-словацки, Кирилла (kirillos — господин) и Мефодия (то есть избравшего верный путь).

Собственно, вернее было бы сказать: говорили по-славянски, ибо в Солуни обосновалась большая группа славян, бежавших от чужеземных набегов, и в их среде Кирилл и Мефодий научились языку, который облегчал их миссию как с религиозной (распространение Евангелия), так и с культурной точки зрения (изобретение нового алфавита, отличного от греческого и латинского, в которых отсутствовали *ч, ш, ж* и другие шипящие согласные, а также носовые гласные, сегодня сохранившиеся только в польском языке). Глаголица унифицировала славянскую письменность. Что же касается Словенска, то есть Словакии, то надо вспомнить, что житель словацких земель назывался «словен», славянин. В XV веке начали использовать название «словак», а «словена» и Словению оставили народу словенцев, однако и сейчас многие путают оба этих народа.

Перечень знаменитых словацких властителей прошлого завершают король Святоплек и его сын князь Святоплек II.

Наступил июль 907 г., когда произошла великая трехдневная битва на Дунае (в том месте, где сегодня находится Братислава) между германцами и венграми, причем войска Великой Моравии (то есть славянские) стояли, разделившись, по обе стороны. Победили в битве венгры. В описании этой битвы впервые появляется название будущей столицы Словакии: Брезлауспрук. И, как в калейдоскопе, мелькали потом названия города: Прешпорк, Прешбург, Пресбург, Пожонь, Братислава. Парадоксы истории бывают иногда совершенно необъяснимы. Поляки бунтовали против российских захватчиков, и этого никак не могли понять словаки, которых Россия поддерживала в их борьбе за независимость. Польский генерал Юзеф Бем командовал венгерскими частями в борьбе с Австрией, и этого тоже никак не могли понять словаки, потому что и венгры, и австрийцы были их смертельными врагами.

Цитата из Войцеха Шушкевича помогает читателю понять секрет творческого метода, который использовал Михал Ягелло, создавая композицию своего труда «Словаки глазами поляков».

Первым его сегментом становится главная мысль, проводимая так, как это делается в эссе. Эта главная мысль — борьба словаков за свою независимость, с самых начал государственности, языка, и культуры через упорное возрождение нации в условиях диктатуры, навязанной соседями, вплоть до вооруженной борьбы Словацкого национального восстания и манифестаций «Бунта звенящих ключей» в новейшие времена (осень 1989-го). Позиция Ягелло весьма прагматична: он опирается на факты, а выводы предоставляет делать читателю. Такая позиция автора не обижает ни одну из сторон, противостоящих словакам.

Второй сегмент — это выписки из польских источников, касающиеся словацкого вопроса, но раз словацкого, то и европейского, ибо земли у подножия Татр интересовали политиков в Будапеште, Праге и Вене (что понятно), а также в Берлине, Париже, Москве, Вашингтоне, Варшаве... Эти выписки разнообразны, обширны, любопытны, сделаны со вкусом. История, которую они воскрешают в памяти, волнует воображение. Художественная литература формирует эстетический вкус, репортажи, описания путешествий и иная словесная фактография дают нам представление о том, как на самом деле все происходило. Каким образом Михалу Ягелло удалось пропустить сквозь писательское сито столь невероятное множество фактов, эмоций и прекрасных деталей, останется секретом автора. Главное, что осталось на решетке, — драгоценный металл знаний о Словакии.

Третий сегмент — это разнообразие литературных форм, к которым прибегает автор, эссеистически анализирующий словацкую судьбу. Михал Ягелло использует репортаж, очерк, публицистику, дневник путешествий, художественную прозу (то есть вымысел) и прозу мифотворческую (то есть реальную, как например, сюжет о Яношике), охотно пользуется также диалектной прозой, политическим манифестом, наконец, поэзией.

Это невероятное богатство, опирающееся на прочные композиционные сегменты всего труда, делает книгу «Словаки глазами поляков» не только весьма убедительной и очень поучительной для читателя, но и невероятно ценной с художественной точки зрения — книга читается как роман-шкатулка. На самом деле это придуманный Михалом Ягелло новый литературный жанр — антологическое эссе! Невероятно емкое с тематической, интеллектуальной и формальной точек зрения, оно вбирает в себя обширные географические, исторические и эстетические пространства. И в качестве такового применение его вполне возможно для создания подобных эссе и о многих других «народах глазами поляков». Просто дух захватывает при мысли о возможности прочесть нечто подобное про чехов, литовцев, белорусов, украинцев...

Словаки упорно боролись за свою независимость целых 1000 лет. И 1 января 1993 г., в ночь под Новый год, это тысячелетие зависимости закончилось всенародным гуляньем. Я принимал в нем участие, как и весь дом Польского культурного центра в Братиславе, который я тогда возглавлял. Из наших окон, а они выходят как раз на самый центр, туда, где была объявлена независимость Словакии, многочисленные съемочные группы разных европейских телеканалов снимали и передавали «картинку» радостного и многоцветного гулянья, и все мы танцевали народные словацкие танцы, угощаясь пивом, колбасками, локшами (драниками) и всем прочим — у кого что было и кому что раздавали ю всеобщей радости. Это было мое единственное на тот момент участие в рождении и крестинах государства.

И когда толпа на площади СНВ (Словацкого национального восстания, 1944) радостно шумела, я вспомнил Янко Матушку, гимназиста из Братиславы, который в 1844 г. организовал марш протеста против увольнения любимого преподавателя Людовита Штура. Юноши, протестуя, шли маршем до Левочи, и гимназист Матушка складывал звонкие куплеты о том, что над Татрами грохочет гром и сверкают молнии и что они утихнут, но разбудят Словакию (я тоже охотно пою их, потому что они мне очень нравятся).

Любопытно отметить и такой исторический факт, что попытки Словакии обрести независимости предпринимались и ранее. Весной 1919 г. в Словакию вторглись большевистские войска Белы Куна и при поддержке венгерских коммунистов установили Словацкую Республику Советов со столицей в Прешове. Управлял ею чех Антонин Яноушек. К счастью, недолго. В октябре 1938 г. в Жилине было объявлено о создании автономного Словацкого края; премьер-министром стал Йозеф Тисо. Чехию и Моравию заняли немцы и объявили протекторат. 14 марта 1939 г. Сейм Словацкого государства провозгласил независимость Словакии. Государство приняло название Словацкая Республика. Его признали 27 государств, в том числе мировые державы. Президентом стал Йозеф Тисо, который за сотрудничество с Гитлером, но прежде всего за депортацию десятков тысяч словацких евреев в газовые камеры был казнен в 1945 году.

Потом в словацкой судьбе происходили разные перемены и после остановок на станциях Дубчек, а затем Гусак — все это в рамках Чехословакии — локомотив истории остановился на станции Словацкая Республика с первыми ее лидерами: президентом Михалом Ковачем и премьером Владимиром Мечьяром. До этого момента и довел свой внушительный труд Михал Ягелло. Я думаю, что дополнением к эссе Михала Ягелло, причем дополнением существенным, можно назвать большую «Антологию словацкой поэзии» под редакцией Юзефа Вачкова, опубликованную в 1981 году. В «Антологии» представлены 600 лет словацкой литературной самостоятельности в Европе.

Две книги о великой нации небольшого государства.

Михал Ягелло. Словаки глазами поляков. В 2 т. Варшава, Национальная библиотека — Новый Тарг, Подгальское государственное высшее профессиональное училище, 2005.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «В [варшавском парке] Лазенки толча была как в трамвае. Гондолы, экипажи, воздушные шары, сахарная вата и мороженое. Возле Охотничьего дворца располагалась даже карусель (...) И во всем этом чувствовалась атмосфера XVIII века: то мэтр Бернардо Белотто-Каналетто с мольбертом, то женский струнный квартет в костюмах той эпохи. Сквозь толпу гуляющих протискивались придворные дамы в белых париках и раздетые кавалеры с мушками на щеках», — писала «Газета выборча». Так выглядела часть исторического зрелища, организованного по случаю польского национального праздника, Дня Конституции 3 мая. В этот день весь город был полон людей в исторических костюмах и мундирах, а в боях в Старом городе приняла участие (в роли русских солдат) группа из Белоруссии, которая уже не впервые выступила в Польше в подобном представлении. Так исторические постановки (и не только варшавские) пришли в этом году на смену военным парадом.

• В нынешнем году лауреатом премии им. Яна Карского стал бывший президент Александр Квасневский, награжденный за борьбу с антисемитизмом на протяжении десяти лет своего президентства, а также за помощь в мирной смене власти на Украине. Умерший в 2000 г. Ян Карский был курьером польского правительства, курсировавшим в годы войны между оккупированной Польшей и странами Запада. Именно он привез первые сведения о массовом уничтожении евреев и рассказал о том, что делается в варшавском гетто.

• В Варшаве на 83-м году жизни умер Ежи Фицовский — поэт, писатель, публицист, переводчик, знаток и любитель творчества Бруно Шульца и цыганской культуры, автор таких книг, как «Регионы великой ереси», «Чтение по пеплу» или «Цыгане на польских дорогах». В 1999 г. сейненский центр «Пограничье» присвоил ему — первому — звание «Человек пограничья» за «популяризацию терпимости и открытости, понимания и уважения к инаковости других, преодоления стереотипов и предрассудков». После смерти поэта основатель центра Кшиштоф Чижевский сказал: «Ежи Фицовский был человеком особенным, бескомпромиссным. Он ходил своими путями, держась вдалеке от света юнтеров (...) Он был и останется товарищем по оружию для всех, кто идеологии противопоставил свободу и ответственность личности, националистам и фанатикам — открытый патриотизм, политикам —

память и сопереживание, защитникам собственных аргументов и интересов — критическую мысль и широту горизонтов. Он был и останется мэтром для тех, кто поэтическим словом пытается постичь действительность, правду о себе и о своих встречах с другими».

• Хотя Ежи Стемповский умер в 1969 г., его эссеистика по сей день остается явлением необыкновенным. О вышедшем недавно в издательстве «слово/образ/территория» сборнике Стемповского «Эссе для Кассандры» Марек Радзивонь пишет: «Все [эти эссе], независимо от того, касаются они литературы, политики, поэзии, торговли или экономики, отражают индивидуальные наблюдения и раздумья Стемповского и никогда не почерпнуты из поверхностного чтения газет или из слухов (...) Стемповский всегда переходил от общего к частному, не изучал статистику, опирался на собственный опыт. Возможно, эта способность видеть действительность без призм прессы и отчетов — самая ценная черта его творчества. Тимон Терлецкий писал, что метод Стемповского заключается прежде всего в чтении людей и земли».

• Любимая форма повествования Веслава Мысливского (автора известных русскому читателю романа «Окоем» и пьесы «Вор») — это монолог, близкий к обычной болтовне. Это заметно и в его последней, изданной после девяти лет молчания книге «Трактат о лущении фасоли». «Веслав Мысливский написал роман о жизни и смерти, о любви и ее отсутствии, о природе и истории. О маленьком людском счастье и больших человеческих катастрофах. И о лущении фасоли. Кто знает, не это ли самое важное во всей нашей жизни?» — написал Кшиштоф Маслонь. Немного иначе смотрит на эту книгу и ее героя социолог Пшемислав Чаплинский. «Мысливский, — пишет он, — выступает в роли слушателя никогда не выслушанных рассказов, нуждающихся в доброжелательном ухе, ибо «единственная возможная вечность — это то, что рассказано». И далее: «В отличие от своих прежних романов, в которых происхождение было равнозначно судьбе, а судьба — приговору, в «Трактате» Мысливский показал общество, подвергшееся тяжелым историческим испытаниям, т.е. отмеченное особой печатью и колоритное, но в то же время отличающееся размытым самосознанием. В какой-то мере это вытекает из исторической необходимости скрывать свою биографию, но в основном это результат недо-

верия между людьми и разрушительного влияния послевоенных социальных процессов». В заключение еще одна цитата — из рецензии Агнешки Вольный-Хамкало: «Мысливский пишет мало, но уж если что-нибудь публикует, то использует 100% нужных слов».

• Последний роман Януша Андермана «Все время» рассказывает о карьере писателя, который, не написав ни строчки, охотно подписывался под чужими текстами. Чтобы иметь вес в обществе, герой не брезговал никакой подлостью и мошенничеством. Благодаря расчетливости, знакомствам и цинизму он в течение тридцати лет умел выйти из любого положения. Книга была очень тепло принята критикой, а сам автор в одном из интервью сказал о ней так: «Эта книга — еще и ответ на вопрос, откуда берутся нынешние политики и бизнесмены, почему нас окружает такая масса мерзавцев и негодяев, каких-то исчадий ада. Откуда они взялись? Оказывается, головокружительную карьеру можно сделать, успешно пользуясь старыми пэнэровскими приемами (...) Ведь всё продолжает разыгрываться в пределах одного поколения. А единственным образцом для этих людей остается их молодость, так что мы продолжаем сидеть в ПНР: именно оттуда берутся готовые образцы. Такие, какие есть».

• Книга Андермана «Все время» вышла на четвертое место в списке бестселлеров. Первое место занимает автобиография Славомира Мрожека «Бальтазар», «крупнейшее литературное событие года независимо от того, рассматривать эту книгу как «терапевтическую прозу» (...) или как очередной пессимистический диагноз, поставленный миру людей», — пишет Анджей Ростоцкий. В остальном все как обычно: Иоанна Хмелевская, Катажина Грохоля, Малгожата Мусерович. Среди документальной литературы хотелось бы обратить особое внимание на книгу Анны Дымной и Войцеха Щавинского «Несмотря ни на что». Это «замечательный портрет необыкновенно популярной актрисы, которая рассказывает не столько о себе, сколько о людях, ради которых она живет, и о детях, которым помогает ее фонд. Интервью теплое и мудрое», — пишет все тот же Анджей Ростоцкий.

• Звездами Фестиваля популярной литературы «Пошлит», прошедшего в этом году сразу в нескольких городах Польши, стали два знаменитых писателя-фантаста Яцек Дукай и Марек С. Губерат. Яцек Дукай сказал о польской фантастике: «Экспансия издательств (...) породила обратную связь — вдруг оказалось, что писать фантастику выгодно. В связи с этим появилась группа писателей, воспользовавшихся конъюнктурой (...) Появилась военная фантастика, но преобладает все же фэнтези. Есть многообещающие авторы: Вит Шостак, Лукаш Орбитовский, Анна Бжезинская, Ярослав Гжендович». Однако самым популярным польским представителем этого жанра продолжает оставаться Анджей Сапковский.

• Новым директором ТВП (польского государственного телевидения) стал Бронислав Вильдштейн. В январе прошлого года Вильдштейн, тогда еще публицист газеты «Жечпосполита», тайно скопировал в Институте национальной памяти список из 160 тыс. фамилий сотрудников спецслужб ПНР, секторов и... кандидатов в агенты (...) Тем самым Вильдштейн стал символом всеобщей люстрации. Общество разделилось на его сторонников и противников. Публикация списка принесла Вильдштейну известность, хотя он и потерял работу в «Жечпосполитой». В одном из недавних интервью он сказал: «Конечно же, наши СМИ свободны. Нет таких сил, которые бы ими управляли». «Хотя его публицистика явно отражает позицию «Права и справедливости», ТВП под его руководством вовсе не обязательно станет пропагандистским рупором ПисС, — пишет комментатор. — Люди, знающие нового директора, подчеркивают, что Вильдштейн терпеть не может давления и способен взбунтоваться».

• В этом году лауреатами телевизионных «Викторов» — премий самым популярным телевизионным фигурам — стали, в частности, премьер-министр Казимеж Марцинкевич (самый популярный политик), Юстина Поханке (самая популярная телеведущая, ТВН-24), Камиль Дурчок (телеведущий, удостоившийся зрительского «Виктора»), а также Жан-Мишель Жар и Лех Валенса («Виктор» за событие года — концерт на Гданьской судовой набережной по случаю 25-летия «Солидарности»).

• «Как историк я не испытываю восторга от театрализации истории, — говорит один из авторов телепередачи «Стрелка», художественно-документального цикла, рассказывающего о реальных событиях. — Однако меня радует, что для популяризации польской истории используются всё новые методы (...) Создатели исторических фильмов и зрелищ еще долго не будут испытывать недостатка в темах и идеях (...) Наша история невероятно искажена. Годами она была под запретом, о ней предпочитали молчать. Интерес, свидетелями которого мы стали сегодня, — это только начало обсуждения нашей собственной истории». Документальная драма, историческое театрализованное представление — это также шанс вдохнуть новую жизнь в Театр телевидения и вернуть ему былой блеск. Первым подобного рода зрелищем стал спектакль «Смерть ротмистра Пилецкого» — поразительная драма о герое польского антигитлеровского подполья, которого пэнэровский суд приговорил в 1948 г. к смерти за «государственную измену».

• В Варшаве прошел третий кинофестиваль «Еврейские мотивы». Фестиваль вызывает все больший интерес, и в этом году на него съехались гости со всего мира: режиссеры, постановщики, а также сами герои фильмов. «Интерес к варшавскому фестивалю растет не только среди кинематографистов, — пишет Ежи Вуйцик. — Те, кому

удалось пережить Катастрофу, а также их рассеянные по всему миру потомки ищут следы своих родных, крупницы еврейской культуры». Фестиваль сопровождался просмотром творчества Клода Лелуша (и премьерой его последнего фильма «Отвага любви»), а сам режиссер был на нем почетным гостем.

• Прошел первый польско-немецкий фестиваль политического театра «Express ЕС 47». «Представленные в течение недели спектакли и фильмы не стали многосерийной идеологической лекцией, — пишет Иоанна Деркачев. — Зато они безошибочно показали страхи и навязчивые идеи, вокруг которых разгорячивается сегодня политическая жизнь по обе стороны Одера (...) Политическое искусство — это умение управлять свободой слова, страхом и правдой. В Польше театр этому только учится». Одним из самых интересных фестивальных спектаклей стала пьеса Павла Демирского «Валенса. История веселая и потому чрезвычайно грустная», поставленная театром «Выбжеже». «У пьесы Демирского нет ничего общего с агнографией, — пишет Роман Павловский. — Это попытка критически взглянуть на «Солидарность» с перспективой сегодняшней свободной Польши. «Валенса» — это спектакль о том, что в Польше возможны перемены, возможен великий лидер, возможна новая легенда. И в то же время это спектакль об утраченных иллюзиях и несбывшихся надеждах».

• «Важнейшие вопросы о том, кто мы такие, каковы мы и какова наша страна, ставятся сегодня не в литературе и кино, а в театре, — пишет Катажина Яновская. — Представителям других областей искусства придется ускорить шаг, чтобы сравняться с людьми театра в описании современности». Это показал Фестиваль режиссерского искусства «Интерпретации», главную премию которого, «Лавр Конрада», получила Майя Клечевская за постановку «Войцека» Бюхнера. «В мире, в котором мы живем, зло стало привычным. Оно повсюду, — говорит Клечевская. — Мы не знаем, как справиться с насилием, жестокостью. Хотя театр и рассказывает о действительности, он не слишком на нее влияет. Мы хотим спасти мир, но у нас нет доступа к людям (...) Большинство зарабатывает деньги, удовлетворяет свои прихоти, занимается политикой. Театр — это эфемериды, интересующая немногих. Однако если он привлечет хотя бы одного зрителя, значит стоило этим заниматься».

• «Представление Келецкого театра танца — это история Страстей Господних, в которой главными героями стали наиболее спорные персонажи Нового Завета: предатель Иуда и блудница Мария Магдалина, — пишет о спектакле «Страсти Господни» Иоанна Деркачев. — Представление КТТ — это традиционная история, традиционная форма и традиционная интерпретация. Однако зачастую именно традиция дает основания, чтобы сказать что-то крайне революционное: любите, прощайте, доверяйте».

• На организуемых Варшавским университетом и венским Институтом наук о человеке Тишнеровских дебатах обсуждается множество важных тем. Темой 6-х майских дебатов стала истина. «Истина — это соответствие действительности или неким критериям, — начал свое выступление философ Лешек Колаковский. — Но что такое соответствие? И что действительно? (...) Только одно можно сказать наверняка: люди хотят знать, как оно есть на самом деле. Эти вопросы не исчезнут из нашей культуры». Между тем историк Януш Тазбир, говоря об истине в истории, сказал: «Мы стремимся восстановить как можно более полную картину прошлого, однако она все равно будет сомнительной, будет подвержена политическим колебаниям. Ибо история всегда идет рука об руку с политикой. На протяжении долгих лет она была для нас оправданием исторической отсталости, а сегодня ее пытаются подчинить исторической политике». Итак, познание истины в большинстве случаев вызывает у нас множество трудностей...

• 50 лет назад, в июне 1956 г., вышел первый номер «Диалога», журнала, посвященного современной драматургии в театре, кино и на телевидении. Его создателем и первым главным редактором вплоть до позорных событий 1968 г. был драматург и театровед Адам Тарн, а одним из самых выдающихся сотрудников — Константин Пузына. Журнал вводил в обиход неизвестные у нас в то время пьесы Дюрренматта, Фриша, Ионеско, Фоя и многих других. Редакция стремилась также популяризировать польские пьесы — например, Славомира Мрожека и Ярослава Абрамова. Сегодня «Диалог» возглавляет Яцек Серадский, а журнал, как и прежде, следит за самыми интересными театральными событиями в мире и покровительствует польской драматургии. Но ему уже не надо наверстывать упущенное, как в достопамятном 1956 году, когда все еще было впереди. Юбилей празднует и еще один журнал: издающемуся во Вроцлаве ежемесячнику «Одра» исполняется 45 лет. «Одра» знакомит своих читателей с проблемами современного общества и искусства. Журнал продолжает оставаться живым форумом критической гуманитарной мысли, а на его страницах печатаются самые выдающиеся современные мыслители и люди искусства. Свой нынешний вид ежемесячник приобрел в 1961 г., придя на смену издававшемуся в Катовице еженедельнику, посвященному проблематике интеграции западных и северных земель, которые вошли в состав Польши после войны. «Одру» редактировали, в частности, Клеменс Кшижагурский и Збигнев Кубиковский. Во времена Кубиковского журнал переживал свой героический период, публикуя такие тексты как «Беседы с палачом» Казимежа Мочарского. В настоящее время «Одра» — один из важнейших и влиятельнейших польских журналов, а возглавляет ее Мечислав Орский.

Редколлегия «Новой Польши» от всего сердца поздравляет оба журнала!

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последних обзорах я что-то чересчур увлекся политикой — значит, пришло время (хотя политический сезон у нас ужасно любопытный и даже попросту ужасный) вернуться к делам посерьезнее. На этот раз я выбрал беседы с писателями.

На страницах новой газеты «Дзенник» (2006, №15), представляющей собой польский вариант немецкого «Вельта» и явно конкурирующей с «Газетой выборчей» (которая в борьбе за сохранение завоеванных позиций была вынуждена снизить цену — уже за одно это можно полюбить «Дзенник»), появилось интервью Цезария Михальского с Ярославом Марекком Рымкевичем. Стихи Рымкевича, переводчика Мандельштама, в рекламе не нуждаются — это, вне всякого сомнения, одно из самых оригинальных явлений послевоенной польской поэзии. То же, надо сказать, относится и к его эссеистике. Во всем его творчестве видно нарастающее с течением времени отмежевание писателя от того, что сегодня творится в европейской культуре, и ничего удивительного, что интервью озаглавлено: «Наша цивилизация сдыхает, как шелудивый пес».

Сдыхает — не сдыхает, а почитать стоит:

«На территориях, которыми овладела западная цивилизация, литература извечно, с самого начала своего существования, была частью великого замысла — или, подходя несколько иначе, участвовала в различных великих замыслах этой цивилизации. Совершенно очевидным это стало с появлением в Европе христианства. Тогда воцарилось убеждение, что литература участвует в некоем великопном этическом замысле, что она должна помогать Богу в процессе спасения людей — говорить им, где небо, а где ад и что надо сделать, чтобы оказаться там или там. Когда этот замысел потерпел крах и был отвергнут, потерпела крах и литература: она уже не знала, в чем ей участвовать. Смысл ее существования начал стираться, становился все более трудным для восприятия. (...)

Участвуя в великих замыслах западной цивилизации, литература никогда не отождествляла себя с ними полностью. Часто бывало и так, что она готова была выступать против этих замыслов, считая их бессмысленными или репрессивными. Но это тоже было своего рода участие (...) Такие великолепные проявления мужества в защиту цивилизации или против нее свидетельствовали о величии литературы, делали ее чем-то особенно влекущим — и для писателей, и для читателей. (...)

В XVIII и XIX веке, когда зло смешалось с добром, цивилизация породила новые замыслы, которые должны были осуществляться с помощью литературы. Вывод из этого таков: европейская цивилизация, которая сейчас сдыхает (как шелудивый пес) у нас на глазах, тогда была еще жива. Из разных замыслов стоит вспомнить появившуюся в XIX веке (а может быть, в конце XVIII) идею, которую можно назвать познавательной. Цивилизация, которой (по разным сложным причинам) не удалось познать и описать Бога, решила познать и описать самое себя. Это предполагало существование такой литературы, которая была бы изобразительной и реалистической и целью которой было бы осведомлять читателей о несомненном и неопровержимом существовании мира.

Последний великий замысел, который должен был гарантировать единство и осмысленность всей европейской литературы, был сформулирован во второй половине XIX века (хотя некоторые его элементы были известны намного раньше). Это был замысел исключительно эстетический, и стоило ему появиться, как стало ясно, что он предвещает западной цивилизации скорую смерть. Согласно этому замыслу, литература должна была быть красивой — и ничего больше; ей не было разрешено поучать, воспитывать, информировать, познавать, а также свидетельствовать о чем-то ином, нежели ее бескорыстная красота».

Далее Рымкевич говорит, обращаясь к своему собеседнику:

«Можете ли вы вообразить какой-то общий замысел литературы, к осуществлению которого могли бы приложить силы и я, и какой-нибудь мой французский коллега, и еще какой-нибудь немецкий? Добавим еще арабского коллегу, который живет в Париже и потому тоже европеец. Такого замысла нет и не может быть. Сколько писателей сегодня в Европе? Ну, предположим, десять тысяч. И вот мы имеем дело с десятью тысячами замыслов — десятью тысячами представлений о том, чем должна быть литература и зачем ей существовать. Если бы эти десять тысяч замыслов представить в фонетической форме, мы услышали бы нечленораздельное бормотанье, визг, стон, скрежет зубовой и вой, вырывающиеся из десяти тысяч уст. (...)

Если вы меня спросите, зачем истолковывать литературу, то я отвечу, что истолкование вообще следует запретить: свобода истолкования разрушила единство и связность европейской цивилизации. Остались лоскуты убеждений. Моих убеждений никто не разделяет. Ветер еще носит обрывки былых верований. Зато уже не существует никакого замысла, который позволил бы писателю общаться с читателями и (что важнее) с литературой в целом, со всем ее прошлым и всей ее красотой. (...) У меня, конечно, есть свой писательский замысел, но есть и сознание, что мой замысел ни с чем здешним не связан: это исключительно мой частный замысел. И он составляет часть этого визга и скрежета зубового. Иногда, желая себя утешить, я себе говорю: конечно, существует великий замысел, с которым ты связан, — это общий замысел Кохановского, Наборовского, Карпинского. Но это одни лишь утешения. Согласно моему замыслу, писать стоит (то есть процесс письма есть некоторая ценность в мире без всяких ценностей), ибо только так я могу самому себе отдать отчет в своем опыте. (...) Могу самому себе о нем рассказать — и через рассказ понять его. Это, собственно, уже исчерпывает мой замысел, ибо я не сумею ответить на вопрос, зачем я хочу понять собственный опыт. (...) Без рассказа ничего понять не удастся — рассказ остается необходимым условием. Хорошо еще (хоть я и не знаю, почему) зарифмовать рассказ. Поэтому именно поэзия кажется мне хорошим способом отдать себе отчет в своем собственном существовании. Но я не знаю, нужно ли сегодня кому-нибудь (кроме меня самого) то, что я таким образом отдаю себе отчет в своем существовании и рассказываю, как я существую (тут, в этом саду в Милянубеке)».

И в заключение:

«Мы могли бы представить себе (вопреки тому, что я сказал раньше) какой-нибудь великий литературный замысел, на котором нам, быть может, удалось бы базировать европейскую литературу; он предполагал бы, что смысл и цель занятий литературой состоит как раз в том, чтобы отдать себе отчет в опыте нашего существования, или, иными словами, поддерживать и укреплять великое сообщество бытия — сообщество животных, растений и людей. В рамки такого замысла и я с моими стихами неплохо бы вместился. Но это должно было бы соединиться с каким-то огромным и мощным замыслом всей цивилизации, ибо тогда следовало бы также (и прежде всего) предположить, что бытие или жизнь — это какая-то ценность, а теперь этого (в Европе) сделать уже не удастся, такая посылка невозможна. Потому-то судьба этой цивилизации уже решена — и какие-то другие существа вскоре возьмутся здесь за работу».

Когда я читал эти слова, мне вспомнились статьи и ученые труды великого знатока России Мариана Здоховского, одним из ключевых понятий которого был цивилизационный пессимизм. Быть пессимистом, чтобы в конце концов победить. Этим путем потом пошли Виткаций, представители «второго авангарда» с Милошем и Чеховичем, в последнее время — Лем. И когда Рымкевич выражает свою неуверенность в том, интересен ли кому-нибудь его замысел, то я задаю сам себе вопрос, зачем же он посылает книги издателю, зачем издатель их выпускает и, в конце концов, откуда этот успех, которым поэт пользуется у читателей...

Очевидной проблемой остается функционирование литературы в контексте массовой культуры, в этом жутком ускорении, производящем все новых «звезд», в плавильном котле, где смешиваются языки. Выражая свое отношение к этим явлениям, Кшиштоф Карасек, один из ведущих поэтов круга, называемого «новой волной» или «поколением 68-го года», в интервью, озаглавленном «Поэты не ходят гуртом...», которое взял у него Петр Шевц («Новые ксёнжки», 2006, №5), констатирует:

«Для меня (...) красной тряпкой была массовая культура. Я, кстати, и не считаю ее культурой — это культурная индустрия. Если очень хорошего писателя или очень хорошего художника включить в распространение массовой культуры, это приводит — при иллюзии социальной весомости — к своего рода протитуированию произведения. Произведение обычно стоит на распутье: пишешь или рисуешь для тех, кого знаешь, но и для тех, кого не знаешь. Есть поэты, которые пишут замечательные стихи, но творчеством эти стихи я бы не назвал. Это литературная продукция. Высокой пробы. Творчество состоит в том, что пересматриваешь самого себя, свои предыдущие достижения. А тут мы имеем дело с прекрасно упакованными, но пустыми продуктами. Это не творчество, а повторение. Ибо повторение, умножение — это и есть суть массовой культуры, в то время как суть творчества — неповторимость. Можно написать десять стихотворений «на одну и ту же тему», но зачем? Пишибось требовал выбирать из них одно — лучшее. Отбор происходит как в сфере слова, композиции, так и самих уже написанных текстов. Пишибось говорил, что стихотворение есть одноразовый акт: хороший поэт не может написать двух аналогичных стихотворений. Другое, чего я не люблю, — это молодежная культура, этот неряшливый язык, из которого каждую минуту выныривает какой-нибудь «блин». Масловская (которую мы представляли на страницах «Новой Польши». — Л.Ш.) считается великим открытием, в то время как это литературный сорняк. Эта биология, литературная «эмпирика» — пройдет. Те польские поэты, которые подражали Аллену Гинзбергу (и другим «поэтам улицы»), в польском языке совершенно не слышны».

Рымкевич родился в 1935 г., Карасек — в 1937-м, но так получилось, что Рымкевич дебютировал как представитель «поколения 56-го года», а Карасек — 68-го. Может быть, стоит почитать, что имеет сказать автор помоложе — прозаик Мацей Дайновский, автор двух сборников рассказов, доброжелательно встреченных критикой. В интервью краковскому ежеквартальному журналу «Студиум» (2006, №2), отличающемуся высокой культурой издания, писатель, в частности, говорит:

«Я вообще смертельно серьезно отношусь к процессу письма. К «институту литературы» у меня идолопоклоннически набожное отношение (это, говорят, инфантильно). В связи с этим я пишу мало и с трудом (никаких оргазмов, скорее фрустрация и боли во всем нутре, отнюдь не в переносном смысле, а когда кончаю писать, то еще долго ничего не могу делать). Я совершенно серьезно думаю, что почтенную даму (литература наша из глухой провинции, но не из деревни!) не щиплют, разгоревшись похотью. (...) Потому что литература — это познание, а значит, еще и преодоление или переистолкование мыслительных и словесных схем. (...) Я, пожалуй, сознательно не произвожу своего читателя. Если же все-таки найдутся такие, кто захочет прочитать какой-то рассказ до конца, а может быть, даже когда-нибудь к нему вернуться, то я крайне доволен.

Металитературные моменты? Этого я, собственно, до конца не в силах объяснить. Ну да, они есть. Отчасти сознательно, отчасти — нет. Может, я так пробую вступить в диалог с великими литературными традициями (т.е. самовольно чуточку возвожу себя в высокое достоинство)? (...)

Слова должны помогать — а что еще им делать... И литература, вероятно, тоже для этого (из всей современной теории литературы сильнее всего я переживаю слова Рикера об этическом горизонте чтения). Это, пожалуй, скорее дело веры и убеждений, нежели логики. (...) С другой стороны, само сознание того, что слова — недостаточно гибкий медиум для передачи действительности, а всякое высказывание (в том числе и литературное) остается условностью, — это скорее бремя. Трудно сегодня говорить серьезные вещи серьезным тоном, и в этом в равной мер виноваты гуманитарные науки (примерно со времен Канта и Гумбольдта) и науки о природе (по крайней мере со времен Эйнштейна и Гейзенберга). Таково наследие нашего времени: мир как будто ускользнул за пределы достижимости слова, за пределы достижимости культуры, базирующейся на этом слове. То есть его можно в слове реконструировать, но надо все время иметь в виду, что это реконструкция. Отягощенная ошибками — историей, социальной и даже политической обусловленностью, собственным несовершенством писателя. Ну и как тут не смеяться, даже если вовсе не до смеха? Современная картина действительности просто загоняет на иронические позиции. Но я думаю — это опять-таки больше вопрос убеждений, чем аргументов, — что литература так или иначе должна воздавать справедливость зримо миру. Ибо зачем тогда она вообще? Малыми шажками, общими усилиями мы приближаемся к какой-то истине, что-то раскрываем — пусть даже (жалкие) границы наших возможностей».

И в заключение еще одно рассуждение Мацея Дайновского:

«Масса (имя им миллион) четвертьинтеллигентов, хорошо устроившихся в СМИ, именно таким (упрощающим, сокращающим. — Л.Ш.) образом понимает свои обязательства перед традициями — теми, что были, и теми, что будут, т.е. теми, которые мы все вместе создаем. У меня это отнюдь не вызывает смеха — скорее приводит в бешенство. Ты обратила внимание, что юбилей Мицкевича вообще не был отмечен телевидением? Даже государственным, «несущим миссию»? Минута в «Новостях»? Никто уже не нуждается в Мицкевиче даже по праздникам? Даже в 150-ю годовщину смерти? Мумифицировали человека, даже не дочитав до конца, и пусть себе покоится на Вавеле, хорошо, что мало места занимает? А может, нужно собрать денег на гроб побольше — было бы тогда на чем установить рекламный щит? Это даже не скандал, а обычное блядство».

Вот и разбирайся. Сдыхает эта цивилизация (как шелудивый пес) или не сдыхает? Фактом остается то, что общения между литературной молодежью и старейшинами кот наплакал. Если бы Рымкевич, автор замечательного цикла книг в прозе о Мицкевиче, прочитал это интервью с младшим коллегой, может, он не так боялся бы за будущее? А может, все так же боялся бы — никогда не знаешь, как что сложилось бы.

В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА

Беседа с сенатором Збигневом Ромашевским

— *Вы с женой оба варшавяне; у обоих за плечами семейные традиции, отражающие столь характерные для поляков судьбы. Дед пани Зофи был сенатором Второй Речи Посполитой, бабушка, депутат Сейма двух созывов, погибла в Освенциме, родители сражались во время Варшавского восстания. А вас после восстания вместе с матерью вывезли в трудовой лагерь в Гросс-Розен. Как это повлияло на формирование вашей жизненной позиции, на ваше политическое самосознание?*

— Несомненно, в любом доме существует определенная атмосфера, которой проникаешься. Я думаю, что в нашем случае это был еще и интерес к общественной жизни. Мы с женой встретились, когда нам было по 16 лет, то есть в 1956 году, когда в Польше начались серьезные перемены — ликвидация сталинизма. Тогда был распущен Союз польской молодежи [польский комсомол] и, по инициативе журнала «По просту»*, в варшавском Дворце культуры и науки прошел съезд молодежи, на котором предстояло обсудить организационные формы. Мы там представляли самую младшую группу — школьников. Затем Зося занялась созданием харцерской дружины в школе, взяв за образец довоенные дружины Каминского**. Во время венгерского восстания, которое пользовалось у нас большой поддержкой, она занималась организацией сбора лекарств и перевязочных средств для повстанцев. Я больше думал о том, чтобы организовывать интеллектуальные круги, о дискуссионном клубе, который, кстати, и был создан. Нами занимался выдающийся социолог Сташек Мантужевский***, рассматривая нас скорее как группу для сравнения, так как его интересовала главным образом «патологическая» молодежь. Потом наступил 1957 год, был закрыт журнал «По просту» и начались выступления молодежи на площади перед Дворцом культуры, в которых я участвовал. Вот так это начиналось. Мы оба с женой учились на физическом факультете, то

есть наши общие интересы были весьма многосторонними — это и профессия, и общественно-политическая деятельность.

— *Вы были одним из организаторов, а затем руководителем известной акции в Радоме. Расскажите, пожалуйста, в чем эта акция заключалась?*

— Все началось с сообщения о забастовке в Урсусе**** [предместье Варшавы с большим заводом сельскохозяйственных машин «Урсус»]. В июле вы-

* «По просту» — общественно-политический студенческий журнал, выходивший в 1947-1957 гг. До 1955 г. — орган официальных студенческих организаций, с 1955 — «женедельник студентов и молодой интеллигенции» (главный редактор Элигиуш Лясота), включившийся в реформы государственного устройства и ставший символом «польского октября». Его закрытие в 1957 г. вызвало студенческие волнения и уличные беспорядки.

** Александр Каминский (1903-1978), педагог, деятель харцерства (скаутства), историк; профессор Лодзинского университета, создатель метода воспитания детей младшего школьного возраста в духе харцерства; один из организаторов «Серых шеренг» — харцерской подпольной организации времен войны, автор книг «Камни на шанец» и «Зоська» и «Парасоль» [«Зонтик»] (по названию двух батальонов АК, в которых во время Варшавского восстания сражались и харцеры из «Серых шеренг»).

*** Станислав Мантужевский (р.1928) — археолог, социолог и кинематографист. В 50-е годы сотрудник «По просту», вместе с Чеславом Чаповым они первыми занялись исследованием хулиганских банд.

**** В июне 1976 г. премьер-министр Петр Ярошевич объявил в Сейме о практически уже совершившемся повышении цен на многие виды продуктов, настолько значительном, что властям пришлось дать обещание о выплате компенсации, но принципы этой компенсации всеми были признаны крайне несправедливыми. Это подтолкнуло рабочих многих предприятий к протестам. 25 июня волна забастовок прокатилась по всей стране. В Радоме, Урсусе и Плоцке дело дошло до уличных шествий и демонстраций, закончившихся столкновениями с милицией; в Радоме события приобрели особенно драматичный характер.

яснилось, что рабочих за эту забастовку будут судить. Когда мы связались с их семьями, то увидели, как сильно эти люди напуганы и как они беспомощны, а рабочих, которые часто были единственными кормильцами в семье, увольняли без права восстановления, сажали в тюрьмы и порочили их имена в средствах массовой информации. Хенек Вуец мог предпринять что-то конкретное по этому делу, там были и люди из харцерской дружины «Черный отряд» — Антек Мацёрович и Петр Наймский. Хенек начал писать заявления, я собрал деньги для оказания помощи; в Институте физики каждый, включая секретаря партийной организации, внес какую-то сумму. Таким образом в течение месяца возникла группа поддержки Урсуса, насчитывавшая около 20 человек. А через Урсус установились контакты с Радомом, так как участники тех и других событий вместе сидели в тюрьме. Оказалось, что там события носили гораздо более трагический характер. Первым в Радом отправился Богусь Студзинский, затем Мирек Хоецкий. Позже поехали мы с женой. В то время я писал кандидатскую диссертацию, но дело Радома было настолько важным, что о кандидатской пришлось надолго забыть. Я работал в Институте физики старшим ассистентом, и одновременно мы с женой подрабатывали репетиторством по математике и физике, что давало нам возможность ощущать некоторую материальную стабильность, какую-никакую, может, и довольно слабую, но стабильность. Это позволяло заняться делом Радома — предпринять самые необходимые действия: поехать туда и узнать, кто где сидит, за что сидит, был ли процесс, к какому сроку приговорили, отвезти кое-какие деньги. Тяжелая работа — с точки зрения времени и расстояния: утром у меня была работа в Институте, после обеда занятия, а потом я отправлялся в Радом, откуда возвращался в два часа ночи, чтобы утром снова заняться работой. Нам удалось выяснить несколько сот фамилий репрессированных. Наша радомская группа начала разрастаться, а тем временем Мирека Хоецкого арестовали, и основное бремя по координации всей деятельности легло на Зося. В группу вошли люди, прежде не известные милиции, что было чрезвычайно важно — в том числе для тех, кому мы оказывали помощь, потому что «незасвеченные» не

приводили за собой гэбэшных хвостов. Позднее была объявлена амнистия, после которой в тюрьме осталось лишь пятеро арестованных. Нам пришлось заниматься ими и дальше.

— *Это положило начало деятельности Комитета защиты рабочих (КОР), а затем и деятельности Бюро помощи Комитета общественной самообороны КОР (КОС-КОР), который вы возглавили вместе с женой.*

— 23 сентября 1976 года был создан Комитет защиты рабочих. Принцип был такой: если кто-то попался и был арестован, его включали в группу наших подопечных. В декабре начали работать первые копировальные машины, на которых мы печатали листовки — прежде их печатали в небольшом количестве на пишущих машинках. Бывали опасные ситуации. Во время встречи в доме Хелены Лучиво явилась милиция и арестовала на 48 часов буквально всех, кого застала. Другая встреча проходила в нашей квартире. Мы выработали систему защиты в таких ситуациях — приглашали иностранное телевидение. Под прицелом их камер и микрофонов господам в синих мундирах было весьма сложно безнаказанно с нами расправляться.

На адрес профессора Липинского* приходило очень много жалоб, причем это касалось не только Урсуса и Радома, жалобы поступали со всей Польши. В связи с этим в сентябре 1977 года мы решили учредить Бюро помощи. Его учредителями были Кристина и Стефан Старчевские, но потом они занялись преподавательской деятельностью, поэтому мы взяли на себя все заботы по организации его работы.

В результате у нас дома были установлены подслушивающие устройства, а жена получила анонимку, что я езжу в Радом, потому что у меня там несколько дам... Бюро занималось оказанием помощи арестованным и тем, к кому применя-

Збигнев Ромашевский

* Эдвард Липинский (1888-1986), экономист, общественный деятель; профессор Высшего торгового училища, Высшего училища планирования и статистики и Варшавского университета, член и один из основателей КОР, один из организаторов Товарищества научных курсов (ТНК).

лись другие репрессии, — безусловно, в ограниченных рамках, ибо мы сами зачастую подвергались репрессиям. Чрезвычайно важной была возможность передавать информацию на Запад, главным образом на радио «Свободная Европа». Если кого-то арестовывали, информация немедленно передавалась и объявлялась по радио, так что человек не пропадал без следа; о нем знали, помнили, поэтому он мог рассчитывать на своего рода защиту. Роль передатчика информации взял на себя Яцек Куронь. Он звонил в Париж Алику Смоляру, который и передавал информацию дальше, на «Свободную Европу». Мы действовали открыто, наши телефоны и адреса были известны, собственно, позвонить мог любой. Случались гэбэшные фальшивки, но мы, как правило, поступающую информацию проверяли тщательно, поэтому фальшивки не возымели никакого действия. Особенно трагическими были дела истязаемых и даже замученных во время допросов. К нам обращались жены и матери жертв. Таких дел у нас появилось в то время около тридцати.

Подслушка затрудняла нашу повседневную жизнь. В доме разговаривать можно было разве что о погоде. Мы не могли даже посплетничать по поводу знакомых, понимая, что любая информация такого рода может быть использована против них. Но вместе с тем это позволяло некоторым образом влиять на дела — ведь нас подслушивали на довольно высоком уровне. Наверное, самым лучшим примером может послужить люблинское дело детишек 10-12 лет. Эти ребята нашли книжку квитанций, заполнили квитанции лозунгами («долой ПОРП!», «долой коммуно!») и разбросали их по почтовым ящикам. Во всех люблинских школах устроили диктант и на основании графологической экспертизы вычислили этих детей. Дело слушалось в суде по делам семьи, детей припугнули, что их отберут у родителей. У нас уже были готовы адвокаты, чтобы ехать в Люблин, когда я позвонил Яцеку Куроню и сказал: «Красные пауки уже совсем рехнулись, детей судят». Мы оба довольно решительно высказывались в том же духе, и после этого дело вдруг было прекращено. Просто кто-то компетентный сидел на подслушке и передал наше мнение, объяснив вышестоящим, что таким образом они выставляют себя на посмешище. Подобным же образом решилось и дело одного пастора, который переправлял в СССР Библии. Его арестовали, в подвале его дома нашли огромное

количество экземпляров Библии. Мы по телефону вновь начали обсуждать, как можно ему помочь, говорили о том, что задействуем все Церкви, поднимется шум о гонениях на религию, и пастора отпустили.

— *В интервью «Тыжднику повшехному» Северин Блюмштайн упоминал, что КОР в своей работе обращался к российским образцам, что огромную роль сыграл самиздат и, в частности, «Хроника текущих событий», но прежде всего идея служения обществу. Были ли у вас в то время контакты с российскими диссидентами?*

— Среди нас был Виктор Ворошильский, имевший обширные контакты в России. Когда начало работать Товарищество научных курсов (ТНК), у нас преподавали и Ворошильский, и Анджей Дравич, иногда Северин Полляк. Это был период, когда польская русистика была на небывало высоком уровне, благодаря этому мы постоянно имели дело с лучшей русской поэзией и прозой.

Лично я впервые побывал в Москве в 1968 году. Я собирался работать там над кандидатской. Не получилось: необходимые для моей работы лабораторные исследования, как оказалось, провел уже кто-то другой, то есть все научные выводы уже были сделаны. Но во время моего пребывания там я освоил русский язык и познакомился с обширной литературой самиздата. Это был период чрезвычайно широкого развития подпольной культуры, невероятной популярности бардов во главе с Галичем, Кимом, Высоцким и Окуджавой. Естественно, контакты с диссидентами были, но на уровне профессиональном, хотя бы Ворошильского — с теми, кого он переводил. Но диссидентских контактов в прямом значении этого слова в то время между нами не было. Такие контакты наметились и в Чехии — наша знаменитая встреча на Снежке в 1978 г. с «Хартией-77» во главе с Гавелом.

— *Но в январе 1979 г. вы встречались в Москве с Андреем Сахаровым и его единомышленниками. Расскажите, пожалуйста, об этой встрече.*

— Встреча готовилась в глубокой тайне, так как милиция не спускала с меня глаз. И тогда я подумал, что, возможно, у них теперь во всем неразбериха и они следят за определенными прото-ренными путями, в связи с чем мне удастся проскользнуть по другим каналам. Поэтому я решил

поехать в Москву туристом, через турбюро «Орбис». Добравшись до места, я начал искать косвенные контакты, пытался найти кого-то, кто бы мог привести меня к Сахарову. Не получилось. Тогда я попытался сделать это самостоятельно и просто пошел к нему домой. Дверь открыла его теща. Я прямо сказал, кто я такой. Оказалось, что Сахаров находится на даче под Москвой, но теща обещала передать ему информацию и одновременно высказала мнение, что он наверняка захочет встретиться со мной. Действительно, через день он мне позвонил и предложил встретиться у него дома. Я пришел поздно вечером. Он пригласил меня в кабинет и три четверти часа разговаривал со мной на чисто профессиональные темы. Я предполагаю, что таким образом он пытался проверить, на самом ли деле я физик, а не подставная фигура. Тем временем появился человек, который только что вышел из лагеря, и на следующий день у нас состоялась беседа. Результатом этого знакомства стали наши совместные выступления, заявления в защиту арестованных, а также попытка подготовить выступление о Катыни, которое, однако, не состоялось. А в декабре, как известно, Сахарова арестовали. Когда я просматривал папки со своим делом в Институте национальной памяти (ИНП), то не нашел никакой информации, касающейся моей деятельности за границей. Что было тому причиной? Возможно, госбезопасность не знала, с какой целью я уехал тогда на эти несколько дней. В Москву я ехал поездом, обратно возвращался самолетом. На обратном пути меня сопровождал довольно мощный эскорт. На аэродром Окентье за ними приехала милицейская машина. Моя жена была уже уверена, что они заберут меня с собой. Но ничего подобного не произошло. Они сели в машину и уехали.

— На рубеже 1979-1980 гг. вы организовали Хельсинскую комиссию, осуществлявшую контроль за проведением в жизнь постановлений ОБСЕ. Комиссия опубликовала Мадридский доклад, в котором было представлено положение дел с правами человека в Польше. Получил ли этот доклад известность в мире?

— Этот доклад наверняка был замечен в Польше. У него был самый большой тираж из всех нелегальных изданий. В нем говорилось о злоупотреблениях, о действиях правительства и подчиненных ему учреждений, предпринималась попытка системати-

зировать эти действия. Мы отправили этот доклад в Мадрид. Каким тиражом он там вышел, я не знаю, но он дошел до «Свободной Европы», то есть был озвучен — и это было для нас самым важным.

Между тем начала свою деятельность «Солидарность», и Бюро помощи мы перевели в ее структуры. Первым подобное бюро создал в рамках «Солидарности» профессор Тадеуш Клопотовский. Наше бюро начало функционировать в рамках региональных структур Мазовии и стало настолько популярным, что филиалы бюро открывались при других региональных структурах по всей Польше. Но в нашем было больше всего сотрудников, причем наиболее опытных, поэтому мы занялись координацией всей этой сети, одновременно занимаясь и частными делами. Например, я лично участвовал в деле, касавшемся Верховного суда, где хотели учредить профсоюз, — в то время это было делом совершенно невыполнимым, особенно если исходить из предположения, что судьи могут объявить забастовку... Были разные словесные баталии, однако в конце концов в Верховном суде появилась своя «Солидарность».

То, что тогда происходило, зачастую казалось просто невероятным: все настолько ощутили веяние свободы, что, например, в декабре 1981 г. у нас неожиданно появился русский солдат. Он был из Легницы; коммунизм достал его уже настолько, что он решил сбежать. Сам он ничего не мог. Он воспользовался случаем, когда солдат повели в кино. Во время сеанса он выскользнул через запасной выход и сел в поезд, следовавший во Вроцлав, зная, что там активно действует наша подпольная структура. А из Вроцлава его привезли к нам в Варшаву. Это была невероятная история: уже было введено военное положение, а мы прячем дезертира, которому грозит смертная казнь. В операции принимали участие несколько десятков человек. У нас в регионе он точно появился 8 декабря, то есть за пять дней до объявления военного положения. Сначала мы ему не доверяли: кто его знает, кто он такой и каковы его намерения? Не провокация ли это? Собрались Ирена Левандовская, Виктор Кулерский; Ирена как раз получила посылку от Булата Окуджавы со знаменитыми шоколадными конфетами — «мишками». Мы ели эти конфеты и слушали его. Он утверждал, что по специальности он автомеханик, и Виктор — воспользовавшийся большевистским методом — велел ему показать руки. Действительно, руки его были страш-

но натружены, смазка за многие годы так въелась в кожу, что это убедило нас в том, что он говорит правду. Лучше всего было спрятать парня в деревне, там он работал в теплице. Так он продержался до 1985 года, когда мы смогли перебросить его в Париж. Потом в парижской «Культуре» было интервью с ним. Насколько я знаю, он по сей день связан с польскими кругами.

— *Объявили военное положение, и вы с женой решили создать радио «Солидарность». Варшава мигает вам светом из окон. Как это было?*

— Нас с Зосей не арестовали сразу благодаря стечению нескольких совершенно случайных обстоятельств. Я только что вернулся из Гданьска, а жена была в гостях, на именинах; она уже вышла из этого дома, и почти сразу же к этим людям ворвалась милиция и всех арестовала. Мы скитались по Варшаве по отдельности, по разным знакомым, и из-за этого нас не могли «вычислить», хотя были моменты, когда наши преследователи оказывались почти у цели.

В январе через профессора Келяновского с нами связался конструктор будущего радио «Солидарность». Это был инженер Рышард Колюшко, по делу которого мы тоже много работали и которому еще где-то в мае 1981 г. поручили сконструировать радио. Оно должно было служить средством связи между предприятиями, где проходили забастовки. Ибо мы хорошо понимали, что в таких ситуациях официальная связь может быть прервана. И вот благодаря его аппаратуре 12 апреля 1982 г. мы вышли в эфир с первой передачей. Главная проблема была такая: откуда люди смогут узнать о наших намерениях? А день передачи мы выбрали сознательно — Светлый понедельник, когда силы правопорядка, стянутые в Варшаву со всей Польши, разъедутся по домам. В Страстную пятницу мы разбросали по городу листовки с информацией. Когда с крыши одного из домов началась передача, коллеги предложили, чтобы те, кто нас слышит, помигали светом в окнах. И вдруг начала мигать вся Варшава, до самого горизонта! Впечатление было невероятное! Коллеги просто плакали. Но надо отметить, что это была акция скорее рассчитанная на эффект, нежели информационная, ведь вести передачи регулярно было бы сложно. 30 апреля, когда мы вышли с очередной передачей, весь квартал был окружен милицией — примерно тысяча милиционеров метр за

метром прочесывали город. Любопытно, что многие польские научные институты вдруг занялись проектированием новых моделей передатчика, чтобы облегчить нам выход в эфир. Они буквально состязались в предложении новых идей.

— *Потом были арест, тюрьма, а после освобождения вы вновь обратились к проблеме прав человека. Вы возглавили Комиссию помощи и законности независимого профсоюза «Солидарность», потом организовали Международные конференции по правам человека в Кракове (1988) и в Ленинграде (1990). Это еще не было время свободы. Как удалось организовать эту конференцию?*

— Выйдя из тюрьмы, мы начали искать формы открытой деятельности. Еще в 1984 г. мы пытались создать нечто подобное КОРУ. То есть мы хотели установить контакты с людьми известными, пользующимися авторитетом, которые могли бы выступать с комментариями по поводу событий, касающихся нарушений прав человека. Естественно, как диссидент, отсидевший в тюрьме, я не мог вернуться на свою работу. Тогда меня приютил Институт физики краковского Ягеллонского университета, и моя оппозиционная деятельность естественным образом переместилась в южную часть Польши. В 1988 г., когда проходили забастовки, мы решили бросить вызов правительству и организовать Международную конференцию по правам человека. Нам было важно, чтобы приехали люди со всего мира, что звучит несколько парадоксально, ибо сама организация конференции проходила в полной конспирации — в Новой Гуте, в приходе священника Казимежа Янцажа, который был само олицетворение энергии. Когда весь проект был уже готов, мы отправили информацию министру Чеславу Кищаку, который прислал к нам в качестве делегата начальника следственного департамента; мы пригласили и министра юстиции, который в свою очередь прислал делегацию из пяти судей воеводского суда. В конференции принимало участие около 1200 человек, в том числе 400 зарубежных гостей, из русских — Наталья Горбаневская. Володя Буковский не сумел приехать, ему не дали визу*. Но российский акцент на самой Конференции был довольно заметным, так как мы высказали свое мнение по поводу письма Александра Подрабиника, выра-

* Дали, но перед самым отъездом аннулировали. — Ред.

жив надежду, что свободный обмен правозащитной информацией между поляками и русскими сблизит народы обеих стран и тоталитарному режиму придется пойти на уступки.

Вторая конференция должна была состояться в Вильнюсе. По известным причинам — сражение за телебашню — границы Литвы были заблокированы, и мы не могли предпринять никаких шагов. Поэтому мы решили провести ее в Ленинграде. В связи с этим я поехал к мэру Ленинграда Анатолию Собчаку, который дал согласие на организацию конференции. Практически это были последние дни города Ленинграда. Кроме гостей с Запада приехали гости со всего Советского Союза, из самых разных уголков. Тут были представлены и Камчатка, и Казахстан, и Грузия, в которой только что имели место кровавые столкновения — им надо было выплеснуть всю свою боль. Мы провели перед Зимним дворцом десяти тысячный митинг. Потом были посещения тюрем; мы поставили проблему беспризорных детей, детей-инвалидов, говорили о состоянии детдомов. Эта конференция собрала воедино все накопившиеся человеческие обиды.

— С 1989 г. вы сенатор Третьей Речи Посполитой, уже шестого созыва. В 1998 г. вы учредили Фонд защиты прав человека. Кого сегодня приходится защищать этому фонду?

— Довольно нетипичным, хотя весьма впечатляющим мероприятием была выставка плаката на Кубе. Польский плакат считается одним из лучших в мире, и с его помощью можно прекрасно показать, как эволюционировала наша история и общественное сознание — начиная с рисунков сталинских времен на тему «плюгавого карлика реакции» [Армии Крайовой] и кончая Иоанном Павлом II. Это своего рода свидетельство, что нет такой безнадежной ситуации, из которой бы не было шансов выйти. Фидель Кастро лично написал два материала о пребывании на Кубе польских контрреволюционеров, и эти материалы в тече-

ние целого дня передавали по телевидению и по радио. Лучшую рекламу трудно себе представить! Кубинцы немедленно заполнили выставочные залы. Потом эта выставка ездila по всему миру — Франкфурт, Копенгаген, Лион, Страсбург, Петербург, Будапешт. А плакат — действительно превосходное средство передачи информации. Известно, что кубинцы — это весьма далекая от нас культура и совершенно иная ментальность, но созданный коммунизмом механизм был везде одинаков, так что когда они видели польский соцреалистический плакат, то умирали со смеху, потому что символику понимали моментально. Например, плакат времен военного положения — белая пустая поверхность и внизу подпись: «цензуре».

— В нынешний Сенат вы избраны от партии «Право и справедливость». Как в настоящий момент правительству следует разговаривать с Россией?

— Можно сказать, что на протяжении последних десяти лет у Польши не было восточной политики — было только дублирование американской и европейской политики. Думаю, что в настоящее время эта политика вырабатывается, и наши интересы будут ясно сформулированы. Впрочем, на самом деле интерес у нас один, причем весьма очевидный, — демократическая, стабильная Россия. Вопрос это непростой, не только ввиду проблемы с Чечней и с Кавказом вообще, но и ввиду нестабильной экономики. Я опасаясь, что в настоящий момент в России пытаются с этой дестабилизацией бороться, выстраивая национализм и пробуждая имперское недовольство. Я не представляю себе, чтобы экономике мирового масштаба удалось восстановить советскую империю, не говоря уже об идеологии, — на это просто не хватит материальных средств. Я считаю, что для России единственно правильный путь — это строительство демократии и демократически сознательного общества. Но этот процесс потребует многих лет, декретом такого не введешь.

Беседу вела Сильвия Фролов

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Уважаемый господин главный редактор!

Обращается к Вам Ваш коллега, журналист и поэт из Сибири Виктор Червинский. Моя фамилия несомненно выдает польские корни. Я по образованию историк, окончил университет в Петербурге. Работал учителем в школе, а потом с головой ушел в журналистику, прошел путь от корреспондента до главного редактора городской газеты. Тридцать лет прожил в Якутии, в столице алмазного края городе Мирном. А в 1994 году перебрался с семьей в Томск.

Видимо, где-то на подсознательном уровне у меня осталась непреодолимая тяга к родине моих предков. В разные годы судьба сводила меня с замечательными поляками. Естественно, я всегда мечтал побывать в Польше, но лишь однажды, в 1987 году, моя мечта воплотилась в реальность. Правда, турпутевка предполагала лишь посещение Восточной Польши (Бяла-Подляска, Люблин, Хелм, Седльце). Не удалось мне пока увидеть воочию ни Варшаву, ни Краков, но надеюсь все же побывать и в древней, и современной столице Польши. Впечатления о той поездке у меня остались самые добрые.

С уважением и пожеланиями счастья и добра

Виктор Червинский

К письму В. Червинский приложил ниже публикуемое стихотворение.

Полонез Огинского

Как видно, постарались гены:
попал к Полонии в полон!
И чувством необыкновенным
я опьянён и окрылён.
Один мечтает о Париже,
другому в сердце Рим запал.
А мне бы чуточку поближе —
туда, где пан или пропал.
Вас вдохновляет «Марсельеза»?
И дай, как говорится, Бог.
А я под звуки полонеза
такую даль увидеть смог!
Давным-давно,
в минувшем веке,
мне было свыше суждено
не из варяг пуститься в греки —
в Европу прорубить окно
вослед Петру.
Мой путь от Бреста
пролёт на запад среди полей.
И был родным пейзаж окрестный,
и стало на душе теплей.

Какая, к чёрту, там чужбина?
Здесь корни прадедов моих!
Я с Польшей связан пуповиной,
готов я к ней идти с повинной
за все грехи времён лихих.
Немало ей, многострадальной,
досталось давеча извне...
А за окном синели дали,
лучилось солнце в вышине.
В машине музыка звучала,
лилась откуда-то с небес.
И вдруг — как током пронизало:
знакомый с детства полонез!
Смятенья чувств порыв нетленный,
рожденный в этой стороне,
звучал светло и вдохновенно —
и что-то дрогнуло во мне.
Мелодия та вдале летела,
а мы спешили ей вослед.
И всё цвело и зеленело.
Нет, Польска точно не згинела,
храни, Господь, её от бед!

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- В. Станиславский:** Русская эмиграция в Польше
М. Сельский: Люблинская уния как проект европейской интеграции
К. Маслонь о польской прозе
О. Закиров: из воспоминаний
А. Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М. Выка о Станиславе Бжозовском
Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,
А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с Е. Яроцким, В. Зинем

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ
Национальная Библиотека
представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике.
Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

OWUTYGOONIK
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.muzyka.onet.pl/klasyka

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra
miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.art.pl
www.odra.art.pl

a
akcent
literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

**Biblioteka Narodowa,
Dział Wydawniczy
Czasopism Patronackich**

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213
tel. (0-22) 608 24 88

ISSN 1508-5589

Cena 6 zł w tym 0% VAT